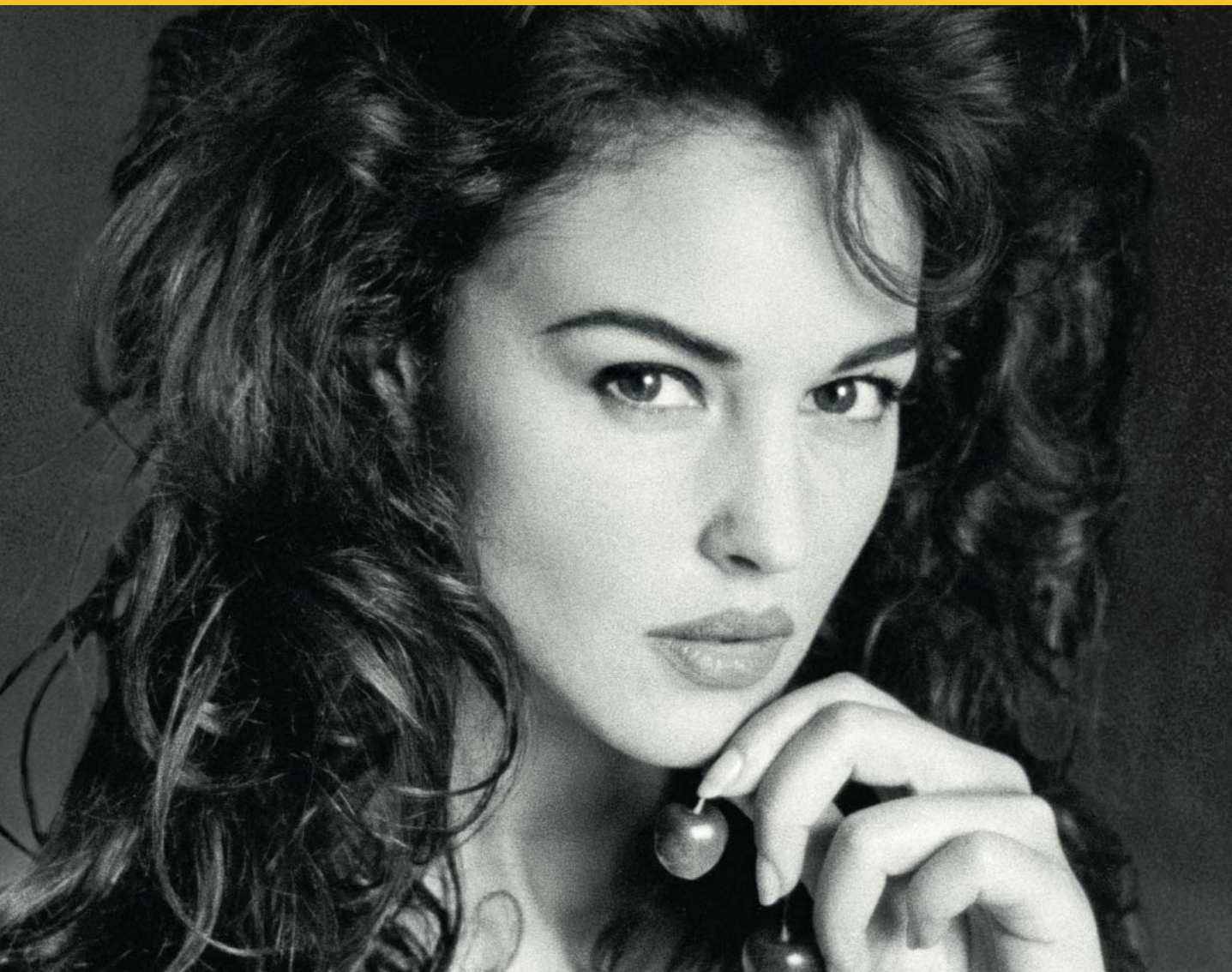

STORY

май '16
№ 5 (91)
ОБЫКНОВЕННЫЕ
СУДЬБЫ
НЕОБЫКНОВЕННЫХ
ЛЮДЕЙ
[STORY]

Моника Беллуччи: «Люди могут простить человеку ум, даже талант, но красоту – никогда»

Моника Беллуччи

Любимая женщина русского писателя

Лев Дуров

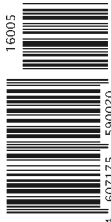
Король розыгрыша,
показавший смерти фигу

Нина Хрущёва

Сразившая мир внутренней
красой и платьем из ситца

Николай Олейников

Поэт, шутник, трагик,
убивший своего отца

16+

Капсульная коллекция 2016 года от LUCIA TUCCI

Серии люстр Rumba, Fabian, Ashanti - производятся тиражом 20 штук в год

NEW YEAR - NEW ARRIVAL

Rumba 1051.9 chrome

реклама товар сертифицирован

BE CREATIVE
with
LUCIA TUCCI

Узнай подробности по телефону +7 (495) 212 06 04 или сделай запрос на e-mail: sales@lucia-tucci.ru

Назови кодовое слово «SECRET» и получи скидку 20%

www.LUCIATUCCI.ru

Powered by LUCIA TUCCI SRL Italy

Три правила

Дома у нас сохранилось всего три фотографии прадеда. На одной он – студент юридического факультета Императорского Московского университета. Пройдёт двадцать лет после того, как было сделано это фото, и моя будущая бабушка, завязывая перед зеркалом пионерский галстук, задаст ему волнующий всякого юного ленинца вопрос. «Папа, – спросит она, – а как встретил ты первую русскую революцию 1905 года? С булыжником в руке? Плечом к плечу с пролетариатом?» – «Нет, Женечка, мы, студенты, чаще бывали не с пролетариатом, а с барышнями, да с приятелями по пивным», – услышит Женечка непедагогичный для эпохи ответ. Так с лёгкой руки прадеда в нашей семье стало правилом ценить плюрализм.

На другом снимке прадед – молодой адвокат, воодушевлённо смотрит из-под пижонского пенсне, рядом, в кружевах и шляпке, юная, счастливая прабабушка. Они – молодожёны. Надпись указывает: снимок сделан в ателье М. Рубинштейна в городе Гродно. На окраину империи в медовый месяц их занесло дело брачного афериста, не жалевшего себя для разрушения института брака, первого подзащитного в адвокатской практике прадеда. Однако ни красноречие столичного адвоката, ни тот факт, что ниспровергателя матримониальных ценностей взялся защищать новоиспечённый супруг, не заставили судью вынести оправдательный вердикт. Но на личной жизни прадеда провал профессионального дебюта отразился положительно – всю свою жизнь он прожил с прабабушкой, и вполне счастливо.

Последняя фотография подписана июнем 1941 года. На ней лицо прадеда мрачно и непро-

ницаемо, будто он брат-близнец американского комика Бастера Китона. Прадед в гостях у своей сестры и племянников в родительской квартире на Арбате. Страна тогда совершала последний рывок на пути к повальному образованию. В тот день отряд ликвидаторов неграмотности добрался и до их фамильного гнезда. Открывшему дверь прадеду было предложено выйти из вековой темноты и некультурности. «Сам я хоть с трудом, но читаю, но вот тут проживают двое совсем безграмотных», – сообщил он ликвидаторам и записал в школу ликбеза родных племянников – студентку-пятикурсницу Первого медицинского и выпускника иныза МГУ. Когда шутишь, нельзя смеяться самому – правило, которое передаётся в семье из поколения в поколение.

А потом началась война. Отправив в эвакуацию дочь с младенцем-сыном (моим отцом), прадед записался в народное ополчение. В 57 лет. Взял в руки берданку и вышел с ополчением защищать Курск. Город, в котором с семьёй оказался случайно, лишённый права как «бывший» проживать в Москве. Но было у него такое правило – мужчина должен защищать семью и родину. Там, в первом бою за родину, и погиб.

Главный редактор
Елена Кузьменко

STORY

Главный редактор

Елена Кузьменко

Главный художник Инга Мачан

Фоторедактор Светлана Навроцкая

Зам. главного редактора Майя Чаплыгина

Редактор Наталья Смирнова

Корректор Наталья Камышанская

Секретарь редакции Мария Дембицкая

Над номером работали

Марина Бойкова, Алла Боссарт,

Лилия Гушина, Максим Кантор,

Екатерина Корнеева, Александр Никонов,

Илья Носырев, Валерий Попов,

Инна Садовская, Мария Сперанская,

Ольга Филатова

Издатель Елена Каякина

Распространение

Александр Магатаев, Георгий Григорян

Реклама Марина Теран

Маркетинг Марина Цховребова

PR Ольга Егорова

Производство Александр Бутузov

Препресс Евгений Гольдштейн

Адрес редакции

101000, Москва, Кривоколенный пер., д. 12, стр. 3

тел.: (499) 962 8035, redaktor@story-mag.ru

Учредитель ООО «Стори мэгэзин»

Генеральный директор Галина Светличная

Совет директоров

Анатолий Сосновский (председатель),

Тим Шевцов, Елена Каякина, Елена Кузьменко

Бухгалтерия Дарья Вайгачева

Юридическое сопровождение

Алина Топорнина

Адрес учредителя

119048, г. Москва, ул. Ефремова, д.15/22, пом. 014П

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе

по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи

и охраны культурного наследия в 2013 г.,

свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-59269

от 04.09.2014 г.

Отпечатано в типографии

ООО «Первый полиграфический комбинат»

Распространяется по всей территории России

Тираж 219 300 экз. Цена свободная

Выход в свет 20.04.2016 года

Фото на обложке:

Andrea Blanch/Getty Images Russia

Редакция журнала не несёт ответственности

за содержание рекламных материалов.

Любое воспроизведение материалов

и их фрагментов возможно только с письменного

разрешения ООО «Стори мэгэзин».

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.

Содержание

4 **Переписка.** Письма читателей

◎ **ГЛАВА 1. Кто, где, когда**

6 **Коварный месяц.** Май

В этом месяце римляне не пожелали признать своего папу, наследника русского престола огрел по голове самурай, Есенин обиделся на жену, а граждане России полюбили слово «импичмент»

10 **Однажды...**

Космонавта Алексея Леонова отвергли студенты-художники, а певец Валерий Сюткин поверил в реинкарнацию

14 **Кто придумал...** Транспорт будущего

18 **Между прочим.** Татьяна Устинова

Камушки на воде

20 **Линия отрыва.** Вера Павлова

О свиденьеведенье

◎ **ГЛАВА 2. Личное дело**

22 **Отпечатки.** Бедная Маша

Юную Монику Беллуччи выгоняли подряд из трёх ресторанов, где она подавала еду. И потом тоже случались неприятности на ровном месте из-за лёгкого движения бедра. Получается, что и красота для кого-то бывает невыносимой?

34 **Обстоятельства жизни.** Атлант расправил плечи

Если у человека позвоночник кривой, уверяет костоправ Виталий Казакевич, у него и жизнь может искривиться – не станет тем, кем хотел, не женится на той, кого любил. Что с этим делать? Как лечить судьбу?

42 **Кардиограмма.** Сибириада

Как Рива Левите, жена и мать актёров Дворжецких, выбрала себе город, а заодно и судьбу

◎ **ГЛАВА 3. Отгадки**

48 **Легенда.** Волшебная структура таракана

Николай Олейников, злой и умный, был детским поэтом. А сам при этом и детей не терпел, и отца собственного убил, в чём сам признавался. Не иначе как маску носил?

62 **Версия.** Это просто чума

О том, как крошечные зловредные существа изменили карту мира и законы общества

72 **История живописи.** Армагеддон рыбного ряда

Что случилось с фламандской живописью в XVI веке? До этого были бесплотные рыцари, а потом вдруг жирные бабы и сытые монахи. Неужели свобода превращает людей в обжор и циников?

◎ **ГЛАВА 4. Опыты любви**

84 **Неформат.** Хор Ерухимова

Сандро, главный герой рассказа Ираклия Квирикадзе, сидя на своей ферме в Сен-Тропе, вспоминает город, где прошло его детство, где его, восьмиклассника, избил заместитель министра образования во время охоты на зайцев. И много чего другого вспоминает

90 **Отцы и дети.** Мой любимый клоун

Екатерина Дурова – о том, как её отец, артист Лев Дуров, «лефортовская шпана», прожил пятьдесят лет с внучкой фрейлины императорского двора и за что был прозван бандитом, каких сажать надо

102 **Роман с продолжением.** Азарт

Главы, в которых у путешественников «в никуда» возникает дилемма – заработать деньги на доски для палубы тяжёлым пролетарским трудом, как Ленин на субботнике таская неподъёмные брёвна, или выменять их на женские прокладки?

◎ **ГЛАВА 5. Люди и вещи**

110 **История цивилизации.** Галантерейные амбиции

Как должна была выглядеть идеальная советская женщина? Приближаться по показателям к первой леди страны. А как выглядели первые леди? Старались как лучшие, а получалось...

122 **Викторианский период.** Виктория Токарева

Путевые заметки

128 **Вещь.** Блошинный рынок художницы Назаренко

Татьяна Назаренко – о том, что вещи иногда возвращаются. Даже украденные

136 **Угощение.** Кто не работает, тот не есть ньюк-мам

Будущий президент Вьетнама Хо Ши Мин в юности хорошо изучил европейскую кухню. Нанялся коком на корабль, плывущий во Францию, потом в Британии на кухне батрачил. Спросите зачем? Хотел понять врагов и империалистов изнутри

140 **Гороскоп.** Кукловод

Тельцы – один из самых суровых знаков зодиака. Кто б, к примеру, стал ждать нежностей от Тельца Никколо Макиавелли? Тем более что и жил-то он во времена, когда дети баловались, таская по улицам трупы казнённых заговорщиков

144 **Библиотека.** Архивности

nasonpearl

Натуральный жемчуг Сертификат качества

Москва: ТД Дружба +7 926 350 62 22 | ТК Западный +7 926 187 88 26 | ТРЦ Пятая Авеню +7 926 187 88 20
Санкт-Петербург: GALLERY APRIORI +7 921 956 32 65 | Интернет-магазин: www.nasonpearl.ru +7 495 937 76 23

Реклама

ООО "НасонЖемчуг" 127006 Москва Краснопролетарская 9/2-3 ОГРН 1067758224863

Переписка

Повесть о настоящем человеке?

Браво Ольге Филатовой за материал про Лёньку Пантелеева! Теперь ясно, куда делись настоящие мужчины! Постреляли их в бандитских разборках, как и этого Лёньку. Стал бы он лучше спортсменом или ударником социалистического труда, всем было бы больше пользы...

Иван Маслов, Подольск

Отвечает ОЛЬГА ФИЛАТОВА

Смелость и решительность и правда для мужчины качества важнейшие. Конечно! А ещё, например, он мог стать хорошим солдатом, даже офицером. А ещё, поскольку Лёнька был талантлив во всём, он мог стать поэтом, писателем – он умел писать и читать. И учителем он мог стать, даже воспитателем в детском саду, – у него отлично получалось воспитывать подрастающую смену, он просто неудачно выбрал жизненную стезю. Кстати! Вы напомнили мне про тех, кого постреляли в бандитских разборках. В каждом городе нашей родины есть кладбище, а на нём, в двух шагах от главного входа, эдакая «улица 90-х». Там рядами лежат те, кого совсем недавно называли «братки» – мужчины, выбравшие тот же путь, что Лёнька, только семьдесятю годами позже.

Приз за лучшее письмо – парфюм Avenue Montaigne Brecourt – вручается Светлане Осиповой

У них феерические надгробия, как правило, из чёрного гранита, с тематическими барельефами, доходящими до смешного. Знаете, как детишки в школе рисуют – автомобили «мерседес», автоматы Калашникова, мобильные телефоны первых моделей, потом бутылки с брендовыми алкогольными напитками и прочие атрибуты той жизни, какой покойники любили придерживаться. Эти харизматики тоже всего лишь неудачно зашли в нехорошее место. А могли бы выбрать светлую сторону силы. И жили бы до сих пор. Лежали бы сейчас на своих диванах – толстевшие такие, разочарованные, ничего в жизни не достигшие, поскольку ничего, кроме гоп-стопа, они не умели и уметь не хотели, раздосадованные на всё, включая жену и выросших уже детей, и вспоминали бы мо-

лодость, далёкие 90-е, когда не послушались «братков», старших товарищей, и не поехали на разборку, просидели дома. И выбрали – жизнь. Я думаю, Иван, что решающую роль всегда играет свобода выбора. Пантелеев этот свой выбор сделал. Конечно, у него есть куча оправданий – почему он пошёл в бандиты, а не в школьные учителя. Кто-то же его научил плохому? Большие мальчишки? Но к результату это отношения не имеет.

«Называют себя интеллигенцией, а серьёзно ничего не читают...»

Читаю начало статьи «Вишнёвый сад» на новый лад» (автор А. Шабуров). Разве Варя и Гаев были в Париже с Раневской?

С уважением,
Светлана Осипова

Отвечает АЛЕКСАНДР ШАБУРОВ

Меня попросили «блеснуть умом и ответить что-нибудь веселое». А я человек серьёзный. Потому самым умным считаю не балагурить попусту, а ответить как есть. Варя и Гаев не были в Париже вместе с Раневской, но я упростил это для краткости, типизировав их поведение и образ жизни. Спасибо вам за внимательное отношение к моим сочинениям. Этого нам, авторам, порой не хватает. ☺

Уважаемые читатели!

ТЕПЕРЬ НА САЙТЕ ЖУРНАЛА STORY, В РАЗДЕЛЕ «МАГАЗИН», ВЫ СМОЖЕТЕ ПРИОБРЕСТИ КНИГИ НАШИХ ПОСТОЯННЫХ АВТОРОВ:

Максим Кантор «Полное собрание баллад о Робин Гуде», подарочное издание с иллюстрациями

Екатерина Маркова «Каприз фаворита», психологическая проза

Дмитрий Лиханов «Жанры жизни», очерки и расследования

Кроме того, вы можете подписаться на книги, готовящиеся к выходу:

Иракий Квирикадзе «Мальчик, идущий за дикой уткой»

Максим Кантор «Чертополох»

Подробнее на сайте: www.story.ru

I

ГЛАВА

КТО, ГДЕ, КОГДА

*Из которой становится
ясно, почему певец Сюткин влез
в собачью шкуру **с.10***

.....
*а его святейшество папу
Иоанна Павла перепутали
с диктатором Муссолини **с.6***

Май

11 МАЯ 1891 Японский городской предвосхитил войну с Россией

Великий князь Николай Александрович совершал путешествие, которым из века в век заканчивалось образование наследника русского престола — после тринадцати лет муштры, геометрии и древнегреческого юношу сажали в карету и чуть ли не два года катали сначала по родной стране, а потом по заграницам. Но завтрашний монарх в нарушение традиции начал с заморских стран. Может, и не

стоило. В древнем японском городе Оцу самураю Цуда Сандзо показалось, что гость не воздал должных почестей памятнику воинам на холме Миюкияма. И вместо того, чтобы делать дело, то есть хорошенько следить, а все ли оцувичане при появлении кортежа сняли шляпы и закрыли зонты, не торчат ли из-под одежд чьи-нибудь голые ноги (это неуважение), а из окон вторых этажей — головы (никто не должен располагаться выше их высочеств), ударил цесаревича мечом по голове. Рана оказалась неопасной. Но на макушке

навсегда остался шрам, который тут же багровел, стоило Николаю Второму припомнить свой заячий скачок из кареты на виду у многотысячной толпы.

Корни всех благородных и гнусных дел правителей всегда спрятаны в их интимных зонах. Прививает Екатерина Вторая первой в Российском государстве оспу себе и сыну, а в анамнезе — миловидное лицо её жениха, царевича Петра, накануне свадьбы изуродованное болезнью. Заводит себе царь Иван Васильевич опричнину с правом хватать и пытаться кого

ни попада – на дне глаз его не мальчики кровавые, но сводный брат Георгий, законный наследник московского престола. То же и с Николаем Вторым. Когда русской монархии для поднятия национального духа срочно потребовалась «маленькая победоносная война», царь без колебаний выбрал Японию.

«Чего я не мог понять – каким путём я и тот фанатик остались одни посреди улицы, как никто из толпы не бросился помогать мне!»

[Из дневника цесаревича Николая]

3 МАЯ 1922 Сергей Есенин отправился покорять мир

Миниатюрный шестиместный самолёт, совершающий первый международный рейс Москва – Кёнигсберг, взлетел с Ходынского поля и взял курс на запад. На траве осталась корзинка с лимонами, заботливо приготовленная для свежеспечённого мужа Айседорой Есениной-Дункан: накануне поэт и танцовщица обменялись фамилиями в Хамовническом загсе Москвы.

Их совместная гастроль была заодно и свадебным путешествием.

Новобрачной завоевывать мир не требовалось. Он давно лежал у её босых ног, осыпал цветами и овациями, подносил перевязанные ленточками особняки и яхты. А теперь должен был околдоваться её кудрявым Лелем, сменившим косоворотку на смокинг, а картуз на цилиндр с шёлковой подкладкой. Но оказалось, что ни Старый, ни Новый Свет не скучали без песен из вьюжной России. Их души не разбередили шелест берёз, а исповеди хулиганов они предпочитали иметь в форме полицейских протоколов. Агенты издательств не осаждали гостиничные номера, переводчики не зарывались в словари, литераторы не спешили брататься. Проститутки – и те требовали

за слушание стихов дополнительной плату по тарифу «особые услуги». Газеты находили лишним сообщать публике даже имя «молодого русского мужа знаменитой Дункан». Молодой русский муж, тень великой бо-соножки, и ничего более? Есенин был в бешенстве. А кто б не завибрировал? Не родился ещё мужчина с творческими амбициями, способный смиренно позволить женщине затмевать себя. Да и без творческих амбиций, впрочем, тоже. По возвращении в Россию супруги расстались.

«Нам принесли около двадцати газет с портретами и статьями о нас. Говорилось в них об Айседоре Дункан, о моих бутинках и о том, что у меня прекрасное сложение для лёгкой атлетики».

[С. Есенин]

МАЙ 1202 Султан Рукн-ад-дин получил пощёчину

Ну, не сам султан, а его посол, передавший Закариа Мхаргрехали, главнокомандующему войска царицы Тамар, письмо, в котором Тамар именовалась

не иначе как «глупой бабой», и неосмотрительно добавивший устную клятву своего властителя после победы сделать правительницу Грузии своей наложницей. Ограничась султан традиционным «иду на вы», Закариа только б презрительно хмыкнул, но наглец осмелился оскорбить благородную женщину...

Удар получился знатным, посол рухнул на землю, летописец факт зафиксировал, и это была первая в истории задокументированная пощёчина в честь прекрасной дамы. Оплеухи в те времена обычно отвешивались хозяевами жизни, чтобы вразумить нерадивого подчинённого или слугу. Затрецины между равными не практиковались, а уж отхлестать по лицу какого-никакого помазанника божьего, хоть и через посла, да ещё за обидные слова в адрес женщины, хоть и царицы, – до подобной галантности в ту пору не досрости даже залатанные рыцари Европы. Оно и понятно: глупо отбивать голую ладонь о железные щёки. Только через несколько веков, когда шлемы, рукави-

цы и мечи вытеснили шляпы, перчатки и шпаги, а топорный мордобой уступил место дуэльной хореографии, понадобились более утончённые причины для аристократических драк, например дерзость по отношению к даме. Тут-то пощёчина и утратила смысл оперативной межклассовой коммуникации, а превратилась с лаконичную, но убедительную форму приглашения на поединок. Но жест был столь экспрессивен, театрален и прост в исполнении, что прекрасный пол его потихоньку приватизировал и одомашнил.

«Одна пощёчина стоит ведь больше десятка лекций, она так быстро воспитывает, в особенности когда её наносит маленькая женская рука».

[Л. фон Захер-Мазох]

16 МАЯ 2011 Римляне отвергли папу Иоанна Павла II

Точнее, отказались признать любимого понтифика в памятнике, установленном на площади Пьяцца дей Чинквеченто у вокзала Термини. И прежде всего из-за отсутствия на бронзовом лике улыбки. Граждан Вечного города понять можно: по всему миру – в Хорватии и Польше, в Испании и Казахстане, в Мехико, в Житомире и даже в Москве – его святейшество утешительно улыбается с постаментов своей покинутой пастве, как, впрочем, и на всех прижизненных фотографиях. К тому же стёртая скульптором Оливьеро Райнальди улыбка внезапно выявила никем прежде не замеченное сходство Иоанна Павла с Бенито Муссолини. Конечно, никакие мимические ухищрения не превратили бы лидера итальянских фашистов в толерантнейшего из церковников, но наоборот – пожалуйста.

Вообще-то памятникам улыбаться не положено. Портретам можно и даже рекомендуется, а памятникам отчего-то нельзя. Особенно мрачными у ваятелей

получаются писатели и поэты, самые жизнелюбивые и беспечные люди на земле. Они или стоят со скорбно склонённой головой, точно у края свежей могилы, или сидят, погружённые в свои думы, и совершенно ясно, что ничего отрадного в этих думах нет. Смотришь и не веришь, что эти буки и меланхолики могли сочинить что-то кроме некрологов и эпитафий. Полководцам и вождям повезло немного больше. Первые всегда на коне, и с земли видны лишь их волевые подбородки, а бодрый вид вождям придают энергичные руководящие жесты. Писатели же вкупе с композиторами и учёными обязаны иметь горестную мину, которая, видимо, служит бесталанным потомкам предупреждением, что божий дар не ячичница, а тяжкий крест и завидовать тут решительно нечему. В итоге города заселены угрюмыми истуканами, которых не то что пригласить на ужин с рукопожатиями не тянет, но возле иных даже и на скамейке сидеть томительно.

А римляне, между прочим, своего добились: папу, загри-

мированного под диктатора, демонтировали, отлили и водрузили заново, и сегодня Иоанн Павел II встречает жителей и гостей столицы своей фирменной благодетельной улыбкой.

«Я полон радости, вы также пребывайте в радости».

[Из последней записки понтифика]

6 МАЯ 1994

Президента Америки обвинили в сексуальных домогательствах

Обиженную Биллом Клинтонем барышню звали Пола Джонс. Пикантный инцидент произошёл аж в 1991 году, когда Билл был всего лишь губернатором Арканзаса. На рядовой государственной тусовке в отеле Excelsior Полу, мелкого клерка,

го непристойное предложение, которое Пола с негодованием отвергла. А спустя три года без двух дней, не дождавшись извинений или каких-нибудь других вариантов моральной компенсации, решила на судебный иск. Промешкай Пола эти самые два дня, истёк бы срок юридической годности и заявление бы не приняли. Но Пола успела. А на четвёртом году тяжбы её адвокаты в поисках других жертв президентской похоти внесли в его донжуанский список Моника Левински, барышню в малиновом берете и годами не стиранном синеньком платянце, которая скрасила нашим людям мрачную фазу дефолта. До её появления россиян нисколько не будоражил процесс о сексуальных похождениях хозяина Бело-

«импичмент». В судебном разбирательстве они существовали автономно (одно – как подребность интима, другое – как следствие лжесвидетельства), но в сознании россиян слились воедино. Мысль о том, что распрощаться с главой государства можно из-за таких милых проказ, волновала и завораживала. А пока мисс Левински рождала в душах и умах шаловливые фантазии и несбыточные надежды, Пола Джонс под шумок вытрясла с Билла Клинтона 800 тысяч долларов, организовала фонд собственной поддержки, весело и регулярно пополняющийся, снялась неглиже для «Пентхауса» и раздала за недурной гононар десятки интервью.

«Не понимаю, почему эту историю сводят к оральному

регистрававшего гостей, на ушко пригласили в губернаторский номер. Она немедля отправилась туда, уверенная: её зовут, чтобы предложить тёплое местечко в администрации. А зачем ещё-то могут звать? Но глава штата сделал вместо карьерно-

го дома. Но, во-первых, Моника рассказала миру о неравнодушии президента к оральному сексу, который как раз вовсю рекламировал консервативным россиянкам раскованный глянec. А во-вторых, в наш словарь прочно вошло это сладкое слово

сексу. Просто не понимаю. У нас с президентом был любовный роман. Но всех интересует исключительно минет, что подтверждает: наш мир – это мир шовинистов».

[Моника Левински]
ЛИЛИЯ ГУЩИНА

Однажды...

Валерий Сюткин признал в себе животное

Я Собака. 1958 год, в котором я родился, по восточному календарю год Собака... Теперь вы понимаете, почему я не воспринимаю за оскорбление, когда человека называют собакой... Но дело не только в восточных календарях. Я без собаки жить просто не могу. Правда, понял это только когда у нас появилась первая собака, доберман Корса. Причём девочка оказалась очень тяжёлой, мы пережили с ней и чумку, и энтерит. Корса сгрызла в доме всё, что только можно. Обивку двери, паркет, линолеум на кухне. Попутно доберман работал пылесосом: любил заглгавать пластиковые игрушки, которые потом приходилось извлекать. Но при этом все десять лет, что она прожила, у нас с ней была самая настоящая любовь. Моя дочь Виола однажды посвятила ей небольшой рассказ, процити-

рую дословно: «Корса – это моя собака. Когда её принесли, она была маленькая, она считала, что я её ребёнок. Когда на меня однажды напала собака, Корса на неё набросилась. Почему я это пишу? А потому, что сегодня ровно год, как наша Корса умерла. Но вы не расстраивайтесь, мои дорогие, у вас всё будет хорошо».

Естественно, собака, которую через несколько лет принесла в наш дом жена Виола, вначале вызвала, прямо скажем, настороженную реакцию: ну как добермана можно заменить каким-то милিপучечным бишон-фризе? Ну несерьёзно. К тому же я всегда недолюбливал маленьких собачек. Но! Буквально через несколько дней этот пушистый комочек меня абсолютно очаровал. И вообще я теперь считаю, что реинкарнация существует.

Потому что вот в этой моей нынешней собаке Джульетте есть всё, за что я любил предыдущую. Ну а за что может такая Собака, как я, тут уже без иронии говорю, любить? Я же вечно гастролирую – часовые пояса, утомительная дорога. И вот приезжаешь в Москву днём и понимаешь, что силы тебя покидают, надо поспать. Вот в такие минуты я щёлкаю пальцами, Джульетта запрыгивает ко мне на диван, и более глубокого наслаждения, чем поспать немножко днём рядом с любимой собакой, я просто не знаю. Даже такой отпетый ловец, как Джек Николсон, где-то сказал, что только собаки и дети (именно в такой последовательности) дают такое ощущение наполненности жизнью, которое вы никогда и ни от кого не получите. Солидарен целиком и полностью! ☺

НИКА

ЮВЕЛИРНЫЕ ЧАСЫ И АКСЕССУАРЫ

Все грани совершенства!

от 10 000 ₽

ВПЕРВЫЕ ЧАСЫ УКРАШЕНЫ ЖЕНЕВСКИМ СТЕКЛОМ В БРИЛЛИАНТОВОЙ ОГРАНКЕ!

Лимитированная коллекция ЛЕДЕНЦЫ
Артикул: 0396, Корпус: серебро 925°, вставка: фианиты, механизм: Ronda, Швейцария

8 800 444 777 3

www.nikawatches.ru

Однажды...

Алексей Леонов взял реванш

Я рано начал рисовать. Ещё читать не умел, мне сестра вслух читала Жюль Верна, а я делал иллюстрации: у меня был свинцовый карандаш, сам сделал, и рисовал-то на серенькой, обёрточной бумаге, но

с каким упоением! Конечно, хотел дальше учиться живописи. И в классе десятом, на весенних каникулах, взял свои работы и поехал в Рижскую академию художеств. Пришёл туда. Стал расспрашивать всех, что да как у них. Вышла ко мне девушка, секретарь,

красивая, до сих пор помню, в вишнёвом платье. А я выглядел так: в отцовских ботинках, китайском френче синем, тоже отцовском... И пришёл как провинциал, очень громко разговаривая. Я ей и говорю: «Хочу у вас учиться». Она: «У нас поступление летом».

И тут на шум вышел ректор! Он: «Покорять собрался? Покажи работы-то!» Я показал. Он: «Похвально. Окончишь школу, приезжай, будешь у нас учиться». Я обрадовался – президент академии меня одобрил! Стал уходить. Вижу, идут студенты академии. Я одному: «Какая у вас тут житуха-то?» Он: «Да плохо. Общежитие с третьего курса. Стипендия маленькая. Да ты вряд ли её получишь...» Не понравился я ему. И я понял – не смогу снимать комнату в городе. Так что вернулся домой, окончил школу. И поступил в лётное училище. Но этюдник не бросал, продолжал рисовать. Первая моя выставка, кстати, была в лётном полку.

И прошло лет двадцать после этого, когда пригласили меня в Рижскую академию художеств. Встреча преподавателей. И я начал рассказывать свою историю, как хотел Ригу покорить. Тут встаёт человек: «Стоп. Далее я буду рассказывать. Бежим с ребятами на занятия, тут дёргает меня за руку какой-то охламон, одетый весьма странно, по-китайски как-то, и начинает меня пытаться. Еле-еле от него отвязался». Этот человек оказался тем самым студентом, которого я в своё время расспрашивал о житье в академии. Он деканом стал! ☉

*Подготовлено по материалам программы «Линия жизни».
Программу «Линия жизни» смотрите по пятницам в вечернем эфире телеканала «Россия-Культура»*

Секретный КОД МОЛОДОСТИ

«Прежде чем жениться на молоденькой, паспорт свой открой и посмотри», – пели в старинном водевиле. Но мужчины редко прислушиваются к советам. Однажды один не бедный романтик в годах захотел жениться на особе детородного возраста. Такая нашлась – нежная, прекрасная, семнадцатилетняя. Немного нужно потерпеть – и вуаля: ты наследница. Финал этой истории описан в газете «Енисей» от 1899 года: «Недавно эта женщина умерла пятидесяти семи лет от роду, оставив безутешного столетнего вдовца и пятерых детей». Но в прежние времена, когда женщины к тридцати становились почтенными матронами, а к сорока имели внуков, у женихов в возрасте выбор был невелик: либо почтенная вдова, либо юная бесприданница. Сегодня женский «срок годности» существенно вырос, и возможности расширились. Современная косметология творит чудеса, а дамы солидного возраста имеют все шансы блеснуть гладкой кожей и свежими щёчками. Главное – правильно подобрать косметические средства. Компания Swiss line знает, что нужно дамам. Бренд исповедует философию Возврата Молодости, суть которой в универсальном подходе к коррекции возрастных изменений кожи. Последняя новинка Swiss line CELL SHOCK AGE INTELLIGENCE омолаживающий крем для глаз «Секретный код молодости» борется одно-

временно с четырьмя маркерами старения: морщинами, потерей упругости, отёчностью под глазами и возрастной пигментацией. Он способен преобразовать «архитектуру» кожи, вернуть ей однородность и сияние молодости. Ещё одно достоинство продукта – борьба с проблемой неровного тона кожи. В то время как большинство средств направлены лишь на устранение тёмных кругов, вызванных нарушением микроциркуляции, «Секретный код молодости» устраняет возрастную гиперпигментацию. Делается это с помощью синтетической молекулы Rab27A, которая препятствует транспортировке меланина в верхние слои кожи. входящий в состав крема COMPLEX AGE INTELLIGENCE™ содержит клеточный комплекс Cellactel 2 и ингредиент фармацевтического класса бота-

нического происхождения Madecassoside® (Байер). Если клеточный комплекс помогает скорректировать влияющие на кожу иммунные нарушения, то Madecassoside® оптимизирует чувствительность клеток кожи, благодаря чему балансируются процессы её естественного самообновления. Биомиметические факторы роста, выделенные из семян растений, имитируют деятельность факторов роста фибробластов-2, а они в свою очередь активируют дермальный синтез и стимулируют выработку коллагена. Это первый крем для кожи вокруг глаз, который работает не только на уровне текстуры, но и на уровне СТРУКТУРЫ кожи. Крем восстанавливает «запавшие глаза» и ремоделирует орбитальную область. Ваша кожа не выглядит моложе, она СТАНОВИТСЯ моложе! STEM'CELL PULSE, экстракт культивированных стволовых клеток Coffea bengalensis, увеличивает плотность структуры кожи, способствует образованию адипоцитов и препятствует возрастному истончению подкожно-жировой клетчатки. Неповторимая запатентованная текстура крема позволяет наносить его похлопывающими движениями, избегая массажа чувствительной зоны контура глаз. Продукт рекомендуется женщинам зрелого возраста, а также тем, кто планирует инвазивные косметические процедуры: лазеры, мезотерапию или филлеры. ☉

Транспорт будущего

Сейчас, когда не только Россия, но и весь мир скатываются в какую-то мировую кризисную беспросветность, напрашивается вопрос: проглянет ли вновь через хмарь безнадёги ясная просинь новой эры? Я не стану осторожничать и скажу вам сразу: я знаю человека, который это будущее уже придумал...

АЛЕКСАНДР НИКОНОВ

Человечество переживало кризисы и заходило в разного рода тупики не единожды. Человечество могло погибнуть много раз! И каждый раз выход из очередного смертельного кризиса нам давали новые технологии. Когда десять тысяч лет тому назад население планеты размножилось настолько, что выбило всех мамонтов и другую мегафауну, настал великий голод и 90% человеческой популяции просто вымерло. Спас переход на новые рельсы, что получило название Неолитической революции, – именно тогда человечество перешло от охоты и собирательства к принципиально иной технологии – сельскому хозяйству. И весь облик цивилизации разительно изменился.

В Средние века история повторилась – кожевенное производство, а также животноводство настолько загадили реки, куда сбрасывались все нечистоты и отходы мануфактур, что вонь по берегам стояла нестерпимая, рыба вымерла, а пить эту воду было нельзя. Лондонский парламент закрывал окна ставнями, чтобы запах от гниющей Темзы не мешал парламентариям принимать мудрые законы. Все леса Европы были сведены на нет – лес сожрали отопление и металлургия, в Европе и по сей день равнинных лесов практически нет. Что же тогда спасло цивилизацию? Переход на новые технологии! На смену дровам пришёл уголь, а затем нефть. Это ещё больше интенсифицировало сельское хозяйство и резко повысило несущую способность планеты, позволив вырасти населению земного шара в семь раз. И теперь рыба в европейских реках снова есть. Да-да, как ни парадоксально, сегодня, в эпоху развитой

промышленной эры, реки чище, чем во времена «экологически чистой» средневековой пасторали, которая на самом деле никогда таковой не была.

Но мы движемся дальше, мы хотим жить ещё комфортнее в ещё более чистой среде. И хотим преодолеть новый тупик всемирного кризиса, в который в очередной раз забрели. Все прежние пути роста исчерпаны, технологии освоены и доведены до предела. Нужны новые драйверы развития, которыми могут стать либо иные энергии, либо иной транспорт. Помните, как железные дороги или автомобили изменили мир?.. Присматриваются ли на горизонте новые технологии, которые бы дали очередной толчок миру?

Безусловно. Это – струнный транспорт.

Струнный – от слова «струна». Именно в звуках этой вот струны мне и слышится песня новой надежды. Придумал сие диво российский учёный, доктор технических наук, академик РАН и член Федерации космонавтики СССР Анатолий Юницкий. В кафе на Белорусском вокзале, где мы встретились перед отъездом конструктора на испытательный полигон, как положено гению, на салфетках набрасывал он мне чертежи и формулы. А я вам сейчас без чертежей и формул проясню, что такое струнный транспорт.

Представьте себе ряд высоких опор по типу опор ЛЭП или мостовых опор. Между ними натянуты две толстые струны. Собственно говоря, ненатянутых струн и не бывает: именно предварительное натяжение и делает проволоку струной. Только между нашими опорами натянуты не просто стальные проволоки и даже не канаты, а прямо-

угольные в сечении балки с очень хитрой внутренней начинкой. Вот по этим параллельным балкам, как по рельсам, и мчится вагон от опоры к опоре, быстро убегая за горизонт.

Вы скажете, что это слишком просто для революционной прорывной технологии, которая может изменить весь облик цивилизации? А я отвечу: да, всё гениальное – просто!

Что сложного в Интернете? С точки зрения технологии – это просто вычислительные машины, соединённые проводами для передачи информации. Всё! И этот предельный примитив перевернул мир!.. А самым гениальным изобретением в мире считается швейная игла Хантера с ушком для нитки, перенесённым с задника на острый носик. Тоже ведь не бином Ньютона. Но именно это позволило автоматизировать шитьё и положило начало мировой швейной промышленности.

Суть идеи Юницкого чем-то напоминает улыбку чеширского кота, когда самого кота нет, а улыбка есть. Поясню... Возьмём привычное всем дорожное полотно или лучше мост. Колёса транспортного средства, будь то автомобиль или поезд, едут по двум узким колеям, не правда ли? А всё остальное пространство полотна или эстакады пропадает зря! При этом 90% нагрузки на мостовые опоры создаёт именно массивное бетонное полотно. Мост держит сам себя, а на транспорт приходится только 10% его полезной нагрузки. То же самое с обычным дорожным полотном, только ещё хуже – полотно целиком лежит на земле, образуя своей насыпью на местности низконапорную плотину, нарушающую гидрологию среды. Поэтому с одной стороны дороги мы часто наблюдаем заболачивание, а с другой – осушение. А вы знаете, сколько места занимают дороги на планете? Если бы нам удалось избавиться от всех дорог – железных и асфальтовых, – мы бы освободили площадь, равную территории пяти Великобританий. И вот именно такое чудо предложил Юницкий: а давайте подвесим дороги на лёгкие опоры и оставим от них только колеи для колёс! Воздушные дороги!

И нам уже не нужны будут бесконечные дороги-плотины, затягивающие планету в жёсткий корсет. Нам не нужны мощные мостовые опоры, которые несут сами себя. У нас остаётся наилегчайшая конструкция, погонный километр которой обходится на порядок дешевле любой иной дороги. Километр обычной скоростной автострасы сейчас стоит примерно 10 миллионов евро, в эстакадном исполнении – 100 миллионов. А километр «струны» – порядка двух миллионов.

Кроме того, дороги постоянно жрут деньги, их надо ремонтировать и чистить. Ежегодно человечество тратит несколько миллиардов долларов на расчистку железных и автомобильных дорог от снега. А струнные дороги в этом не нуждаются, там просто нечего чистить: полотна-то нет, только

струны, на которых снег не задерживается! А срок службы такой дороги – минимум около ста лет.

Но и это ещё не всё! Большая часть топлива любого скоростного транспортного средства тратится на преодоление сопротивления атмосферы. Убрав из-под транспортного средства дорожное полотно и подвесив его в воздухе на двух струнах, мы кардинально улучшим обтекаемость рельсохода. Продувки в аэродинамической трубе показали, что юнибус – так изобретатель назвал свою струнобеглую коляску – имеет обтекаемость выше, чем у любых гоночных машин и даже у самолётов, хорошей обтекаемости которых мешают крылья и хвост. Но у самолёта крылья не оборвёшь, они ими на воздух опираются, а струнному транспорту лишние детали не нужны, он касается опоры только в тех точках, где твёрдое стальное колесо целуется с твёрдой сталью струны. Сопротивление качению при этом минимально.

Скорость? Как у турбовинтового самолёта – 500 км/ч. При этом не нужно ехать полтора часа в аэропорт, чтобы прибыть туда за два часа до рейса, а потом час лететь и затем ещё полтора часа добираться в центр города. Сел прямо в центре столицы в струнный вагон – юнибус, – и через час ты в Воронеже. Через полтора – в Питере. Через 13 часов – во Владивостоке. Оценили? Кстати, лететь до Владивостока на самолёте почти столько же (9 часов), сколько ехать на юнибусе (13 часов). Ну и зачем тогда переплачивать за самолёт, если можно домчаться на другой конец страны почти за бесплатно: по сегодняшним деньгам билет до Владивостока на струнном юнибусе стоил бы максимум 1000 рублей. Причём струнная дорога не имеет стыков, поэтому юнибус летит абсолютно ровно, без всякой тряски и без машиниста, поскольку логистика струнных дорог и струнных развязок позволяет управлять этим транспортом автоматике, которая ошибается гораздо реже, чем человек.

Ещё одно преимущество струнного транспорта: на карте по линейке кратчайшую линию прочертил и ставь опоры хоть в горах, хоть в болоте – они лёгкие и быстровозводимые. Кроме того, обычные «настильные» трассы убивают людей – каждый год на дорогах планеты гибнут полтора миллиона человек и 10 миллионов становятся калеками. Струнный же транспорт практически полностью исключает аварийность. В этом смысле он безопаснее железнодорожного. Таким образом, перейдя на струнный транспорт, мы за весь XXI век спасём более ста миллионов людских жизней. И не получим миллиарда инвалидов. Плохо ли?

– Но и это ещё не всё! – увлечённо портит одну салфетку за другой Юницкий. – Сейчас в мире миллиард автомобилей. По грузо- и пассажиропотоку их может заменить всего несколько миллионов юнибусов – просто за счёт скорости и быстрой оборачиваемости. И только за четверть века

(таков нормативный срок службы струнного вагона) каждый миллион юнибусов сэкономит планете 22 миллиарда тонн топлива на 20 триллионов долларов. Это топливо не сгорит, не испортит воздух... При этом полный переход цивилизации на экономичный струнный транспорт не отменит частного транспорта. Просто личные юнибусы будут передвигаться по тем же струнам.

«Ну и как это изменит облик цивилизации?» – спросит недоверчивый читатель. Ответ прост... Сейчас наши города, да и вся инфраструктура цивилизации, затачиваются под «настильный» транспорт. Изменение характера и скорости передвижения полностью изменит всё. Во-первых, исчезнет само понятие труднодоступных мест. Россия богата месторождениями полезных ископаемых, которые или не разрабатываются, или брошены: из-за транспортной недоступности их разработка нерентабельна. Например, чукотское месторождение олова и вольфрама Иульгин было выгодно, когда там бесплатно вкалывали сталинские зеки. А когда пришла экономика, месторождение оказалось брошенным, потому как свободным людям надо платить. В России есть места, где даже золото добывать убыточно. Железную дорогу туда строить затратно, возить самолётами ещё дороже. К тому же на наших северах неделями может не быть лётной погоды. А грузовой струнный транспорт снимает эти вопросы – поставить опоры и прокинуть струны можно в любую точку!

Во-вторых, скоростной рывок полностью изменит концепцию города. Города станут линейными. Цениться будет та земля, которая находится неподалёку от трансконтинентальных и других скоростных струн. Заглянув в будущее, мы увидим башни-станции струнного транспорта с одноэтажной застройкой внизу. Причём весь городской транспорт тоже переходит на струну. На поверхности земли остаются лишь пешеходные дорожки, а над ними проносятся кабинки струнных «трамвайчиков» местного сообщения.

В результате струнной революции поменяется сама психология человека. Сегодня столичный житель старается найти работу поближе к дому, потому что преодолевает жалкие 20 километров от дома до службы за час. К середине века можно будет жить в 400 километрах от места работы и добираться до неё тоже за час.

– Анатолий Эдуардович, – прерываю я полёт инженерной мысли Юницкого, – вы сказали, что потребность человечества в топливе резко упадёт. Но для России это плохо. Мы живём с нефти.

И вот тут мне открылись настоящие звёздные выси!.. Оказывается, нашей многострадальной родине струнный транспорт даёт второй шанс. Ведь главная боль, которая заставляла Россию быть перманентно отстающей и вечно догоняющей, начиная с петровских времён и по сию пору, –

это климат. Россия – самая холодная страна мира. Причём лидирует с большим отрывом. Среднегодовая температура в России – минус 5,5 градусов по Цельсию. Для сравнения: в Финляндии – плюс 1,5 градуса, в Исландии – плюс 1 градус. А вот в Канаде – минус 4,5 градуса. Казалось бы, не велика разница по сравнению с Россией. Но в Канаде люди практически не живут севернее Эдмонтона, который находится на широте нашего Орла (то есть южнее Москвы аж на 300 км), а в России за полярным кругом стоят города-миллионники. Поэтому у нас гигантские «накладные расходы на климат». Любая спичка, произведённая в России, будет неконкурентоспособной, поскольку всегда будет стоить дороже китайской за счёт обогрева и теплозащиты наших домов и заводов. Это всегда было русской бедой. Но теперь может стать преимуществом! Каким образом?

Следите за ходом мысли... Мы сейчас вступили в эпоху низких цен на нефть. Но – вот сюрприз! Россия обладает самыми большими запасами пресной воды в мире. А пресная вода – главный дефицитный ресурс XXI века. Политологи и экономисты уже предрекают войны за воду на стремительно иссушающемся Ближнем Востоке. Дефицит воды сегодня испытывают Африка, Индия и Китай. У нас же эта вода бездарно сливается в Северный Ледовитый океан огромными сибирскими реками. А качество нашей, например, байкальской или таймырской воды – уникально. Можно сразу пить без всякой очистки. Это первое.

Второе. Южные страны (та же Индия) нуждаются в холоде едва ли не больше, чем Россия в тепле. Но! Если процесс нагрева энергетически выгоден, поскольку его КПД равен 100%, то процесс охлаждения уже не так прекрасен: его КПД – всего 10%. То есть, чтобы получить 10 «калорий холода», нужно затратить 100 калорий энергии. А у нас в Сибири холод дармовой! Вопрос только в том, как его продать той же Индии! А вот как.

Можно байкальскую воду морозить на халяву – зимой. И отправлять в Индию в термоконтейнерах. В обычном поезде лёд не доедет – растает. А по струнам долетит. И вот мы уже продаём в жаркой стране не только дефицитную там воду, но и холод – чтобы использовать для охлаждения помещений вместо энергозатратного кондиционера. Двух зайцев одним выстрелом, понимаете?!

Тщательно собрав после беседы с Анатолием Юницким все исчерпанные им салфетки, я брёл к метро, мимо проплывали аквариумы перекошенных троллейбусов, чадно газовали грузовики. Я не мог отделаться от мысли, что вижу уходящую натуру старого мира. Его последние окайные дни. Перед моим внутренним взором уже чертили голубое небо белые стрелы вагонов, несущихся от башни к башне по невидимым издали струнам, и от этого казалось, будто они летят по воздуху... ©

Камушки на воде

Татьяна Устинова

– Вас никогда не обижали мужчины, – сказали мне две дамы на пляже. – Вот поэтому вы и пишете про них всякие благоглупости! Благородные они у вас все, замечательные. Просто у вас опыта никакого нет!

Надо сказать, что муж мой в некотором отдалении делал стойку на руках – чтобы поразить моё воображение, – и дамы немного мешали мне поражаться и считать вслух, сколько ещё простоит. Заранее было уговорено, что стоять он будет на время, и я утверждала, что больше пяти секунд – ни за что, а он возражал, что даже десять для него – раз плюнуть.

Дамы некоторое время совещались, и я видела, что они совещаются, подойти или не подходить, а когда он встал на голову, всё же решились.

В связи с дамами стойка на руках утратила всякий смысл, и муж плюхнулся задницей в песок, отряхнул ладони и стал кидать камушки в лохматую воду, от которой тянуло ледяным балтийским ветром.

– Вы просто не знаете мужчин, – продолжали дамы с надеждой. Им хотелось, чтобы я их разубедила. – А они все... подлецы и негодяи.

– Садитесь, – предложила я им и подвинулась. У нас был с собой туристский коврик. В Прибалтике в мае месяце на песке не посидишь, холодно.

Дамы потоптались, потом чинно уселись, и мы стали смотреть в море.

Разговаривать о том, что все мужики – сволочи, мне не хотелось. Мне хотелось смотреть в море, а ещё лучше – кидать камушки.

«Обижали ли
меня мужчины?
Конечно!
А как иначе?»

...Не знаю. Не знаю.

Конечно, меня обижали мужчины, а как же иначе!..

Папа обижал часто, не понимая, что обижает. В детстве наказывал не по делу, в отрочестве подозревал в разных грехах, которых я отродясь не совершала. Кавалеры обижали. На каких-то танцах, помнится, кавалер бегал от меня. Я вознамерилась пригласить его на «белый танец». Он в ужасе убежал, а я побежала за ним, представляете? Другой кавалер, в которого я была сильно влюблена, так обидел, что я моментально вышла замуж за Женьку – назло кавалеру. Обижали начальники, особенно один старался. Он сказал мне, когда увольнял: «Вы меня раздражаете!» И я очень страдала, ужасно просто.

Очевидно, дамы имели в виду совсем не это или не совсем это.

Очевидно, дамы имели в виду такие страдания, от которых жить невозможно и хочется перестать жить. Не перестать страдать, а перестать жить.

Жить мне хотелось всегда, это правда.

Мой дед Михаил Иосифович однажды дал мне бесценный совет, которому я, как это ни странно, всю жизнь следую. Совет настолько прост и действенен, что и следовать ему просто, и действует он безотказно.

Для общения и для жизни, сказал как-то дед, следует выбирать порядочных людей. Не стоит тратить время на не порядочных.

Со мной рядом нет никаких сволочей, они где-то за границей круга. А тут, поблизости, исключительно порядочные.

Не только муж-то!.. Ещё начальник в издательстве, и начальник на радио, и коллеги по телевизионной программе, и друзья-врачи, и приятели-чиновники. Они порядочные мужики. Бывает, что и они меня обижают, и я обижаюсь, но это не смертельно – нет, не смертельно.

– Опыт у меня есть, – сказала я дамам наконец. – Подлецов возле себя не держу, ну их на фиг.

Дамы посмотрели на меня.

А я пошла к Женьке кидать камушки. Нужно так кинуть камушек, чтоб он блинчиком проскакал по воде как можно больше раз.

Он утверждал, что у него получится восемь блинчиков, а я возражала, что не больше четырёх... ☉

JUL ET MAD

PARIS

WHITE COLLECTION*

* Белая коллекция

 Арома-тека

Бутик «Ароматека», Москва, ул. Знаменка, 7, стр. 3, +7 (495) 710 99 47

ARTICOLI GUM, Красная площадь, 3

«Весна», Новый Арбат, 19

Смоленский Пассаж, Смоленская площадь, 3

О сновиденьеведенье

Вера Павлова

*Книга – сновиденье
и сонник – два в одном.
Что лучше чтенья? – Чтенье
вдвоём, вслух, перед сном.
Утолит ли жажду
солёная вода?
Пушкин снился дважды.
Онегин – никогда.*

Пушкин во сне сказал мне:
«Запомни: три источника моего
творчества – соловей, лягушка
и граммофон». И я послушно
запомнила. И записала. Я часто
записываю сны. В дневник.
Они – источник моего творче-
ства (но лягушка и соловей –
тоже. Да и граммофон, пожалуй).

Я – географ Сонного Царства.
Иногда мне кажется, что я его
царица. Я знаю много рецептов
сладкого сна. Вот один, прове-
ренный:

*спать на раскладушке
под открытым небом
под цветущей липой
под цветастым пледом
под раскрытой книгой
под крылом заката
под полой у лета
под присмотром сада*

Ещё снился Моцарт. Он ска-
зал: «Я тоже хотел бы стареть».
Снился Бродский, предлагав-
ший поехать в гостиницу при
журнале «Арион» и заняться
любовью. «В следующий раз», –
уклонилась я. «В следующий
раз я умру». И не обманул. Не
обманул и про гостиницу: как
выяснилось потом, в одном
доме с редакцией «Ариона» рас-
полагалась гостиница Союза
композиторов.

А литературные персонажи
и правда никогда не снились.
Сновиденьеведка, я задалась
вопросом: снятся ли они другим
людям? Стала спрашивать об
этом на своих выступлениях.

**«Спала в гамаке,
укрывшись
книгой Юнга
о сновиденьях...»**

«Нет, никогда!» – отвечали
люди. И вдруг: «А мне снился.
Этот... Как его... Петруша Гри-
нёв». На другом чтении: «А мне
снился Дон Кихот». В гостях
дочка друзей, смущаясь, призна-
лась, что видела во сне Винни-
Пуха. Наконец, нашлась жен-
щина, видевшая Онегина как
такового, и моя теория рухнула.

Зато Путина видели во сне
практически все опрошенные.
Во сне моей дочки он был води-
телем маршрутки. Очень гнал.

Сон: я записываю на автоот-
ветчик храп мужа. Сон: папа
издал книгу «Записки счастли-
вого человека», сотни страниц,
на каждой только: «Ушёл на
рыбалку. Целую, Толя». Сон:
я участвую в соревнованиях по
отбрасыванию тени. Сон в фор-
мате вэб-страницы, с парал-
лельными ссылками и строчкой

внизу, перед самым пробуж-
дением от собственного смеха:
«Число просмотров – 3167».

Сон – признанный сюрреалист.

Но и гиперреалист: как-то
раз я получила гонорар, потом
ещё раз получила его во сне,
но сумма была совсем другой,
гораздо больше. Проснулась,
горько усмехнулась, а потом
догадалась, что наяву гонорар
был в долларах, а во сне в рублях.
Узнала официальный курс, взяла
калькулятор – и сумма совпала
с приснившейся до последней
цифры после запятой.

Экзамен – повторяющийся
кошмар. У каждого – свой.
У меня это обычно экзамен по
фортепиано. А я не выучила
ноты. Или того хуже: сажусь
за рояль – а чёрные клавиши
идут сплошняком, без пробелов
между ми и фа, си и до.

Снятся ли стихи? Да. Кажутся
гениальными. Весь сон повто-
ряешь их, чтобы, проснувшись,
записать. Записываешь. Перечи-
тываешь. Морщишься: полная
чужь. И закрадывается страш-
ное подозрение: а вдруг и то, что
пишу наяву, после последнего
пробуждения, пробуждения
в Вечность, окажется чужью?
Выдержат ли мои стихи этот,
самый главный экзамен? К при-
меру, эти строки?

*Никто не ждёт, никто
не гонится,
не подгоняет, не зовёт.
Смерть – только средство
от бессонницы,
бессонница наоборот.*

Помню вдову на поминках:
плакала, плакала – и уснула
сидя, с ещё не высохшей слезой,
катящейся по щеке. И лицо её
стало спокойным и светлым.
Что ей снилось? ❖

2

ГЛАВА

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

*В которой актёр Дворжецкий
обольщает столичную режиссёришу,
пав на колени **с.42***

.....
*а костюправ Казакевич, наоборот,
разгибает коленопреклонённых
и хворых от любви **с.34***

—❖— ОТПЕЧАТКИ —❖—

ФОТО: EDDIE MONSOON/CAMERA PRESS/LEGION MEDIA

Моника Беллуччи

«Я всегда хотела жить долго, чтобы пройти все этапы: детство, превращение в женщину, науку быть женой, науку быть матерью...»

«Я же итальянка! Для меня не бывает полувлюблённости, полуотношений. Из ревности я могу и убить»

«Любовь не исчезает. Она продолжает жить, просто принимает другую форму. Любовь выше развода»

ФОТО: FREDERIC MEYLAN/SYGMA/CORBIS/EAST NEWS; LUC ROUX/GETTY IMAGES RUSSIA

«Впервые в своей жизни я одна, без мужчины рядом. И впервые могу побыть сама с собой. Что-то в себе открыть. Это так здорово»

Умная Маша

*Монику Беллуччи я возжелал ещё до того, как она родилась.
Наверно, ещё тогда, когда проснулись мои первые желания.
И замирал, встречая Её! И когда, жизнь спустя, увидел в модном
журнале, где лишь первые красавицы мира, её портрет, вздрогнул:
«Она!» Я уже знал её – под другими именами*

ВАЛЕРИЙ ПОПОВ

Душа улетела в далёкие семидесятые... В буфете «Ленфильма», который бурлил в те годы весьма активно, был большой выбор замечательных красавиц – к сожалению (особенно к их сожалению), пока что не задействованных в творческом процессе. Статус их, надо сказать, был незавидным. Какой-нибудь третий администратор картины, познакомившийся с ней вчера и заказавший пропуск на сегодня, мог уже с неё что-то требовать – и уверенно требовал. И при том она ещё должна была выглядеть гордо и независимо, чтобы никто не подумал, что

она пришла сюда в поисках связей... Шансы их были невелики. Невозможно было представить, что серьёзный режиссёр когда-нибудь возьмёт в фильм девушку из буфета – серьёзные режиссёры искали исполнительниц совсем не здесь. Да и при их занятости редко заходили в буфет.

«Умной Машей» обозвали её потому, что она сидела в буфете не просто горделиво, но ещё при этом читала книжки на французском, да ещё с видом крайне занятым. Взгляд вошедшего сразу же оставался на ней... но потом уходил. Однажды я уже показывал её издали второму режиссёру

Цыбульнику. Сексуальная притягательность её была несомненна. Длинные, но не мускулистые, а мягкие, пышные ноги, чаще всего «случайно» открытые выше колена. Прогнутая вперёд спина, пухлые губы и груди, гладкие, непривычно чёрные для наших широт, роскошные волосы с ровной чёлкой, точёный носик. Но главное – глаза, огромные, тёмные и как бы уже страдающие... Хотя главные её страдания ещё были впереди.

Мир кино игнорировал её. «По другим делам!» – как сформулировал, глянув на неё, мой друг. Может, компрометировали её «слишком роскошные» золотые босоножки, которые никто бы из настоящих актрис никогда не надел. Скажем, когда в буфете (действительно на минуту, а не на весь день, как эти) появлялась Анастасия Вертинская, в мешковатом пиджаке, брюках и без какого-либо макияжа, вблизи абсолютно неприглядная, – все почтительно привставали. Вот это – актриса! Так они и должны выглядеть – прекрасными в кино, незаметными в жизни. У настоящих нет ни времени, ни сил быть красивой ещё и в буфете! Пусть вот эти, невостребованные, тратят тут понапрасну свою красоту. И взгляд профессионалов как-то «соскальзывал» с Маши. Кинематограф переживал тогда не худшие времена, фильмов снималось много, и при всех свидетельствах о распушенности киношных нравов желательно было совмещать любовные связи с работой, с командировкой, совмещать как-то с рабочим графиком... а на «отдельно» – не было времени! И Машу могло спасти (или окончательно погубить) только чудо.

Я-то как раз был свободен, сценариев мне пока не заказывали... Но именно поэтому я не имел никаких шансов, хотя тянуло меня к ней неизменно. Но не пойдёт же она со мной просто так. Она девушка серьёзная. Но чудо произошло. Мой друг, второй режиссёр Цыбульник, заведовавший на очередной картине всеми вопросами, кроме творческих, пригласил меня в массовку: «Фильм про Чукотку, исторический. Снимаем в Крыму. Культурно отдохнём! Отрастишь бороду и усы. Будешь китобоем».

Он умел подчинять. Но не на того напал. Я уже числился подающим надежды сценаристом, и лезть в массовку как-то... А впрочем... «Ладно! Одно условие!» – сказал я. «Ты ещё будешь ставить условия?» «Возьми её!» – Я показал. «А-а! Умная Маша... Ну давай! Ради тебя!» – Он усмехнулся. – Только учти: ты-то будешь не при делах!» Посмотрим, подумал я.

Мы оказались в Керчи – прекрасном, знойном южном городе. Тысячи полуобнажённых керчанок, а также приезжих юных красавиц толпами шли по улицам, жажда любви. Город словно плавился от солнца и страсти. Из последних сил я пытался изобразить верного Машиного друга. «С тобой хоть можно поговорить нормально!» –

признавалась она. Насколько было бы слаще, если бы она призналась в чём-то другом! Но другому мне, простому китобоем, пока не светило.

Мы шли по главной керченской улице – кроны сплетались вверху, даря благословенную тень. Она шла рядом в полупрозрачном платье, и каждая часть прекрасного её тела двигалась так, что все глядели лишь на неё, истекая страстью.

«Актриса... актриса...» – несло ей вслед. Простой народ понимал правильно, кого надо «снимать». Она и приехала покорять мир кино. Но тот оказался как-то неподатлив.

– Ну скажи, что во мне не так? – с отчаянием спрашивала она.

– У тебя-то всё так! – говорил я. – Это у них...

Режиссёр фильма Шешунов ненавидел море и солнце, сидел в основном у себя в тёмном номере и пил местный самогон, который активно поставлял ему Цыбульник, взявший в свои руки всё. Сам Цыбульник Машу не баловал, посещая её лишь под покровом ночи, а днём был резок и груб, как и со всей массовой, включая меня.

Глаза Маши засияли, когда привезли известного московского актёра – красавца, тогдашнего секс-символа, кумира всех женщин! К тому же по роли он должен был спасти её от насильников-китобоев. А вдруг?... Но вскоре глазищи её погасли – с первых его слов стало ясно, что он «не по женской части!» Но что же это такое?! Есть ли нормальная жизнь вообще?

Мы плыли на китобойном судне. Китобои. Но американские. Зачем-то (видимо, для того, чтобы показать нашу звериную сущность) сценарист направил нас на Чукотку. Которая на самом деле находилась в Крыму. В кинематографе всё так запутанно и на первый взгляд дико. Для того чтобы превратить в Чукотку крымский мыс Казантип, пиротехникам пришлось выжечь траву на большом пространстве, видимом с корабля, – съёмка велась с носа! Причалив, китобои начали насилловать местных чукотских женщин – видимо, по причине отсутствия китов у побережья Крыма.

В роли чукчанок охотно снимались корейки из ближайшего совхоза, выращивающего лук. Настроены они были весьма благодушно... Во всяком случае, луком мы объедались, и не только. И в этом «кипящем котле» оказалась Маша, которую тоже превратили в корейку... Точнее – в чукчанку. Зачем это всё? Не слишком ли искусственно искусство? Об этом я взволнованно говорил Маше.

– Скажи, – вдруг зардевшись, сказала Маша. – А что? Боря действительно женат?

Я застыл, потрясённый. То есть она, как единственная нормальная среди нас, пыталась объяснить эту странную жизнь хотя бы любовью.

– Борис? Ты имеешь в виду Цыбульник? Да он не просто женат – он ещё много чего... Ладно... – Видя, что текст мой её не радует, я умолк.

В кино всё неестественно, здесь важно что-то совсем другое. Тем более тогда примешивалась ещё и идеология, и с женским образом всё было непросто. Царицей наших грёз была назначена несравненная Нонна Мордюкова... Несравненная с нашей Машей – это уж точно. Мордюкова сама не всегда была в восторге от того, какой образ ей приходится нести. Помню, как на одном из капустников Нонна изобразила советский секс, точнее – советский стриптиз. Она вышла на сцену с лопатой, в резиновых сапогах и в ватнике. Со звоном отбросила лопату, потом сняла, нога об ногу, сапоги, потом скинула ватник и, сухо поклонившись, ушла под бурные аплодисменты. Не зря говорят, что любая культура – это система ограничений. В советской культуре естество прикрывалось лопатой, ватником, сапогами... А чем можно было прикрыть нашу Машу? Да разве что посадить её в танк!

А счастья я всё-таки добился. Хотя далось это нелегко. Пришлось мне сочинить отдельный художественный фильм. К сожалению, о бетонщиках – лишь такую тему могли доверить молодому сценаристу. И Маше была мною подарена небольшая роль юной бетонщицы. По части ханжества я превзошёл всех других: в большинстве сцен Моника, то есть Маша, была замурована у меня в робу бетонщика, а лицо было полузакрыто очками и каской. И странно – лишь после этого вдруг заметили, что она неплоха и как актриса, и у неё было ещё несколько ролей такого же плана. Красота – это как бы антикозырь, все шарахаются, боясь за себя, и лучше её прятать, под разными масками, в нашем пугливом и завистливом мире. Но. Со второго раза я всё-таки сделал её актрисой. И она не могла этого не оценить.

– Ладно, поехали, – после премьеры «Бетонщик» сказала она.

Помню большую коммуналку на Петроградской. Испугало меня, что входная дверь была не заперта: похоже, все уже съехали, да и для Маши, кажется, это было не основное жильё. Помню потрясающий дождь за окном, вдруг утихший. Ну вот вроде и не осталось преград. Даже грустно. Сам миг ослепительного счастья почему-то не запечатлелся – и это я замечаю уже не раз, словно Бог специально вырезает это из нашей памяти. Зато чётко запечатлевает «до» и «после».

Помню, как я проснулся. Было светло. Маша тихо посапывала, и лицо её выражало страдание. Было как-то тревожно. Чего, казалось, бояться в этой квартире, откуда все съехали? То-то и оно! Я услышал что-то быстрые, дробные шаги по коридору, и вдруг заиграла-заввенела стеклянная полка, стоящая в коридоре, – и шаги пронеслись. И после паузы – бег в обратную сторону, и опять дребезжание стекол. И тут я почему-то почувствовал, что вот это – шаги и дребезжание – запомню навсегда. Ярче, чем всё остальное. Бежать записать! Когда шаги и дребезжание замолкли,

я стал собираться. Дело сделано – чего же ждать? Она вдруг проснулась и сказала, что не отпустит меня. Я уже замечал, что её доброта стала замещаться какой-то отчаянной решимостью. Она вдруг схватила в кулак ключ, лежавший на тумбочке, вышла и звонко заперла входную дверь в коридоре. Потом послышались её удаляющиеся шаги – я вскочил и устремился за ней. Она свернула из коридора налево, по лучу света, и я услышал, как хлопнула какая-то крышечка.

Я вошёл. Огромная кухня была залита солнцем. На высокой полке стояли деревянные коробки с надписями «Соль», «Перец», «Мука», «Сахар». Видно, в одну из них она и кинула ключ. Неважно! Никто не может меня удерживать. Я встал на подоконник, выдернул шпингалет. Окно со скрипом открылось. Та-а-ак... Свисает толстая шершавая верёвка, чуть поодаль – ржавая водосточная труба. Потом я обернулся. Маша стояла передо мной в одной майке и была ослепительна! Я ухватился за верёвку и оттолкнулся от подоконника. Мой шаг в пустоту имел все признаки самоубийства. Спасался от неё? Но зачем? Прекрасное – непереносимо? Пугает нас?

Пролетев на верёвке метр, я обнялся с трубой и поехал вниз. Обручи, удерживающие трубы, сплетённые из толстой проволоки, впивались в тело. Четвёртый этаж! С разорванным свитером и окровавленным брюхом я съехал вниз. На скамейке сидели старухи и с большим интересом смотрели на меня. Одна из них стала копошиться в кофте. Что там у неё? Свисток? Я выбрал самый русский способ защиты – прикинуться пьяным. Я был хозяином самой яркой красавицы, встреченной мною, но перекинулся в роль забуддыги, и, как ни странно, это радовало меня! Меньше ответственности? Я вышел из двора, но вдруг почувствовал, что мне не хочется выходить из роли – так в ней спокойно и хорошо. Зачем-то продолжая раскачиваться, я дошёл до Кировского (ныне Троицкого) моста. Слева, из-за Смольнинского собора, слепило солнце. Я даже что-то запел (для конспирации?) и с песней перешёл мост.

Конечно, мне было её жаль. Обычными женщинами обладают, как правило, по любви. И не так часто. А красавицам достаётся! К ним лезут то и дело, причём чисто для понта, и после у них трагедии: он не любит меня! Больше я Машу не видал, верней – лишь в каких-то второстепенных ролях, и явно всё более несчастную. Боролся с угрызениями совести: я один, что ли, такой? А она – одна, что ли, такая? Их миллионы. Потом, говорят, её перестали снимать. Злые языки сообщали, что с горя она вышла за финна, уехала и от тоски повесилась на диком и скучном его хуторе... В дальнейшей работе в кино мне встречались всё больше засушенные, засунутые в джинсы, нахальные дамы, с большим апломбом, но без женственности вообще.

И вдруг однажды, причём в парикмахерской, я открыл журнал и увидел её. Теперь её звали Моника Беллуччи. Почему она мне так напомнила Машу? Откуда страдание и в её прекрасных глазах? Ведь она теперь, в результате всего, одна из самых успешных, популярных и, вероятно, богатых актрис мира. Её снимают лучшие режиссёры, она получает призы, и только в нашей стране, согласно опросу, именно с ней хотело бы иметь свидание наибольшее количество мужчин.

Её мужем был один из самых талантливых и, я бы сказал, один из самых привлекательных, загадочных, магнетических актёров мирового кинематографа – Венсан Кассель. Он снимался во множестве фильмов, и во всех именно он становился главным «магнитом», даже если играл и не главную роль. И он достался Монике, и не на одну ночь, а на много (четырнадцать!) лет. У них две прекрасные дочери (Дева и Леони), унаследовавшие от своих великолепных родителей не только их красоту, но и необыкновенную притягательность, что нужнее всего. Брак Венсана и Моники закончился, изжил себя, но при этом – редчайший случай в кинематографе! – они сохранили добрые и даже нежные чувства, не бросают детей, встречаются и вместе с детьми весело и вкусно обедают. Несмотря на усилия папарацци и всей жёлтой прессы, не просочилось ни одного скандального кадра, ни одного грязного слова, сказанного бывшими супругами друг о друге. Кто представляет себе нравы мира кино, понимает – это был один из самых счастливых браков. Притом и закончившийся красиво и достойно. Это ли не есть счастье!

Конечно, – «разведка не дремлет» – получены и широко растиражированы «разведанные» о лесбийской страсти дочери Челентано и Моника... Но это было давно, ещё до Касселя. А теперь – почти идеальная жизнь... но в одиночестве. Она старается не раскисать – с юных лет привыкла к ударам. Ещё в семнадцать лет её выгнали из трёх ресторанов подряд, где она работала официанткой, – за то, что она, сама того не желая, сводила с ума добропорядочных граждан, пришедших культурно пообедать и почему-то вдруг теряющих контроль над собой и вытворяющих чёрт знает что! Кто виноват? Да конечно же она! Как в старом советском анекдоте: «Тебе – нет? И тебе – нет? Ну и б...!»

Как говорится, она «привыкши»! И она старается держаться. В многочисленных интервью пытается говорить лишь о хорошем – о небывалом счастливом когда-то браке, о сохранившемся уважении и даже о любви, о красивых и талантливых дочках.

Но больше всего её согревают, конечно же, успех и широкое признание, не уменьшающиеся с возрастом, как у других, а наоборот – возрастающие. Недавно мы увидели её в очередной бондиане – на экраны вышел фильм «Спектр». В конце длинного ряда молодых, ослепительных красоток, коварных шпионок, соблазвивших Бонда, но перевербован-

ных или приконченных им, вдруг появилась пятидесятилетняя Моника – и, конечно же, затмила их всех! «Куколок» тех не жалко. Запомнят только её.

Её путь к совершенству – впритирку с пропастью порока, а это так будоражит! Весь колючий букет сексуальных извращений, по большей части мучительных, пришлось ей изобразить на экране, а значит – пережить! И откровенно «обозначиться» в этом плане. Все отговорки – «ах, это только искусство» – это лишь отговорки. Нельзя изобразить убедительно того, чего нет в тебе. Красота не интересна без страсти, а Моника не скрывает её. Моника призналась открыто в том, в чём никто из актрис не признался, – в том, что ей нравится «это» и что «падшие женщины получают у неё «на ура». Говорит, чуть стыдливо: «Мне легко даются сцены, в которых я без одежды... Нагота чиста!» И от этого, конечно же, притягательность её «зашкаливет» во всём мире. Как все воделеют её! Фиг ли лицемерить? Она – совершенный сосуд греха, который всех так манит, от которого мир радостно сходит с ума на протяжении всей своей истории. Самое скромное её описание: «Глаза как оливки, губы как вишни, ногти как виноградины». Каждый так бы и съел её, если бы мог! Она – напоказ! Но если эту решимость её использовали бы не таланты, а ремесленники – её бы продавали в секс-шопе, а не показывали на престижных фестивалях. Она рискнула самым главным, что есть в женщине, – репутацией – и победила. Какой риск – такой и выигрыш!

Началось всё с её плотской красоты – всё остальное она заработала потом... Впервые заворожала зрителей она в качестве модели (до этого поработала и официанткой, деморализуя мужчин и вызывая гнев женщин). Из рядовой модели она стала «лицом» знаменитой модной фирмы «Дольче и Габбана», снялась обнажённой для календарей. Обнажённой, но не униженной: это ей удавалось. Тут определился уже и твёрдый характер. Далеко не любой модели, которой фотограф вертит как хочет, удаётся перейти на работу гораздо в более сложную сферу – в кино. Но ей это удалось. Впервые снялась она в двадцать шесть лет в фильме с многозначным названием «Взрослая любовь». Дебют её состоялся в 1990 году, и с тех пор она снялась более чем в шестидесяти фильмах, из них девятнадцать, документальных и художественных, где она играет саму себя! Чем плохо?

Перечислим хотя бы самые главные. «Дракула» (1992 год). Сам Коппола снял её в роли порочной и, естественно, обнажённой подруги знаменитого графа-вампира. И сразу слава и жадное внимание. Поначалу, возможно, больше к её телу... Но Коппола пустьшку не пригласит. Далее берём только самые знаковые её фильмы. «Малена» (2000 год) – об опасности красоты, которую все заведомо считают порочной, осуждая её и при том мысленно обладая. Пик фильма – отважное выступление

героини в суде, где ей удаётся перед вожделеющей и осуждающей толпой отстоять если не свою честь, то достоинство. Ханжи, однако, взяли реванш – в США вырезали самые порочные, на их взгляд, сцены – эротические видения подростка, связанные с Маленой. Следующий знаковый для Моника фильм – «Необратимость» (2002 год) – с самой долгой и ужасной в мировом кинематографе сценой изнасилования героини в подземном переходе. Фильм «Страсти Христовы» (2004 год) – один из самых скандальных на библейскую тему. Где вряд ли ещё кто-то, кроме неё, мог так сыграть Марию Магдалину.

Да, острые сюжеты выбирает она для своих героинь – и не боится, а ищет их! Она уже знаменита и может выбирать. И названия других фильмов, даже бегло перечисленные, довольно ясно указывают нам главную её тему: «Каким ты меня хочешь», «Дурной тон», «Учебник любви: Истории», «Сердечное танго», «Человек, который любит», «Любовь в квадрате»... В 2011 году она становится столь знаменитой и неоспоримой в своём амплуа, что снимается вместе с великим Робертом Де Ниро в фильме «Любовь. Инструкция по применению». Фильм захватывает сразу. Ну а кто бы не хотел оказаться на месте престарелого писателя, который вдруг встретил красавицу, страстно влюбившуюся в него, уединился с ней на острове и родил сына? Фильм-мечта.

Как же ей удалось это – со столь рискованной, с нашей точки зрения, темой страсти добиться не только популярности, но и уважения критики и эстетской публики, признания самых серьёзных и изысканных режиссёров? Как она сумела – так «высоко пасть»?

И почему моей бедной Маше – честное слово, не менее красивой и, может быть, тоже талантливой – выпало жестокое и даже позорное поражение? Дело, наверное, в разных традициях. У нас страсть всегда подавалась под столь кислым соусом, что есть не хотелось. «Анна Каренина». Под колёса! «Воскресение». На каторгу! Фильм «Леди Макбет Мценского уезда». В главной роли – знаменитая певица Галина Вишневская. С виду привлекательна, но опять всё плохо – ради страсти мужа убила. А без этого, похоже, у нас никак! Страсть без преступного оттенка никого у нас почему-то не устраивает. Может быть, мы садисты? Или, может быть, мазохисты? Уж на что была прекрасна Алла Ларионова в фильме «Анна на шее», но тем не менее героиня её как бы зря и родилась – на погибель мужьям, на горе детям! Поганое, получается, это дело – красота. И дурак тот, кто ей поклоняется: пожалеет! У нас красавица – обязательно погибель. «Вы стубили меня, очи чёрные!» И только так, и никак иначе!

И помню, с каким восторгом увидели мы французский фильм «Фанфан-Тюльпан», где можно

было грешить – и веселиться, и это вовсе не мешало блистательным победам обаятельного героя, а наоборот – способствовало. Совсем другой подход к жизни! Любовь совсем не обязательно зла! Конечно, изуверов и там полно... И Монике удалось показать страсть высокой, достойной, завораживающей и хоть порой и опасной, пробуждающей зверское в людях, но необходимой для человечества так же, как и мораль. Ей пришлось нелегко – порочных ханжей (пугливо насладиться, а потом осудить) полно всюду. Но она показала, что красавица – не обязательно пустышка, не обязательно жертва. Она может обладать сильным характером – и не обязана гибнуть, радуя моралистов, а способна сражаться и побеждать, достойна красивой судьбы и всеобщего почитания. Она сделала это! Но, конечно, не с нуля. Она шла по стопам своих великих предшественниц, чувственных и желанных, грешных, но бесстрашных, весёлых героинь Джини Лоллобриджи, Софи Лорен, которые жили, как им велела их страсть, и при том вовсе не считали обязательным кидаться под поезд, сохраняли достоинство и свою правоту. И прекрасное продолжение и даже пик этой высокой традиции жизнелюбивого ренессанса – блистательная, хоть и опасная судьба Моника Беллуччи. Вдруг вовсе не случайно оказалась она одинокой, что особенно тяжело в её возрасте? Вдруг она всё же неправедна, на чей-то взгляд, и несёт наказание?

А если даже и так, то тем более она – герой! Герой нашего тусклого времени, когда нет настоящих героев даже среди мужчин, когда победивший капитализм воспринимает страсть и красоту как главную проблему, нарушающую офисный стиль, и всё настойчивей вырачивает беспольный и безгласный офисный планктон, в который он постепенно переделывает бывших красавцев и красавиц. И даже искусство уже переориентировано на стандарт и безликость, и все прячутся в безликость и стандартные образы и одежды...

И вдруг – вспышка яркой сверхзвезды Моника Беллуччи, сломавшей все эти «системные установки» и вернувшей главное, что надо знать: нет ничего лучше женской красоты, женской груди и манящей улыбки, так было всегда и так должно быть и в наше тусклое время! Моника прорвала обступившую нас серую муть, как солнце прорывает нудные тучи, казалось, закрывшие солнце навсегда. Показала не просто победу, но и ужасные и неизбежные страдания и раны на этом пути – и в этом её особая доблесть. Она защитила живую плотскую жизнь, которую теснят со всех сторон железные роботы. Моника говорит всем нам: я такая как есть и не желаю меняться.

Эх, Маша! И ты могла. Но сделала это ты, Моника. На лице твоём – все страдания, выпадающие красоте. Но ты – стала звездой, заслонив всё плохое на свете своей красотой. ☉

Volkswagen Polo Allstar.

Заведи свою звезду

Узнай свое
преимущество
в Атлант-М!

Реклама

Мультифункциональное
рулевое колесо
с кожаной отделкой

Боковые зеркала
с электроприводом
складывания
и повторителями
сигнала поворота

Эксклюзивный декор
интерьера

Эксклюзивные
15-дюймовые
легкосплавные диски
Linac¹

Аудиосистема CD/MP3/
AUX/USB/SD/Bluetooth²

Специальная версия Volkswagen Polo Allstar³.

Новый стильный дизайн, смелый цвет Copper Orange⁴ и расширенный пакет опций.

Теперь в вашем полном распоряжении — собственная и такая яркая звезда!

Volkswagen

¹Линас. ²СиДи/ЭмПэЗ/Аукс/ЮЭсБи/ЭсДи/Блютуз. ³Оллстар. ⁴Коппер Оранж. Реклама

Официальный дилер Volkswagen «Атлант-М»

129128, Москва, ул. Бажова, 17. Тел.: 8 (495) 777-6-505, www.atlant-m.ru

—❖ ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ЖИЗНИ ❖—

Атлант расправил плечи

*Виталий Казакевич – реабилитолог-костоправ.
Со всей страны люди рвутся к нему на приём. С чего вдруг
апологет традиционной советской медицины занялся, по сути,
народным целительством? Помог несчастный случай*

АЛЕКСАНДР НИКОНОВ

Вот казалось бы, Москва – мегаполис мирового уровня. В Нью-Йорке порой не найдёшь того, что продаётся у нас. Ну, буквально всё здесь есть! Любые товары, любые специалисты... Однако в последнее время часто сталкиваюсь с тем, что люди, которых прижало по здоровью, едут куда-нибудь в Тверь, Тамбов или Херсон – поскольку именно там живёт единственный нужный специалист, который может вытащить. Кстати, Херсон я упомянул не зря. Именно там обитает герой моего сегодняшнего рассказа – костоправ (как он себя называет) Виталий Казакевич. По образованию он реабилитолог, но называет себя именно «по-старорежимному» – костоправ. Большие города Казакевич посещает наездами. Вот и я поймал его во время одного такого наезда, когда он проводил в Москве семинар. И приехали на этот однодневный семинар люди из разных мест – из Екатеринбурга, Страсбурга, Питера – перенять опыт. Но прежде, чем начать рассказ из жизни костоправов, хочу предостеречь публику кое от чего. А именно – от простых и лёгких решений в поправке здоровья. Заодно поймёте, что именно привело меня к Казакевичу...

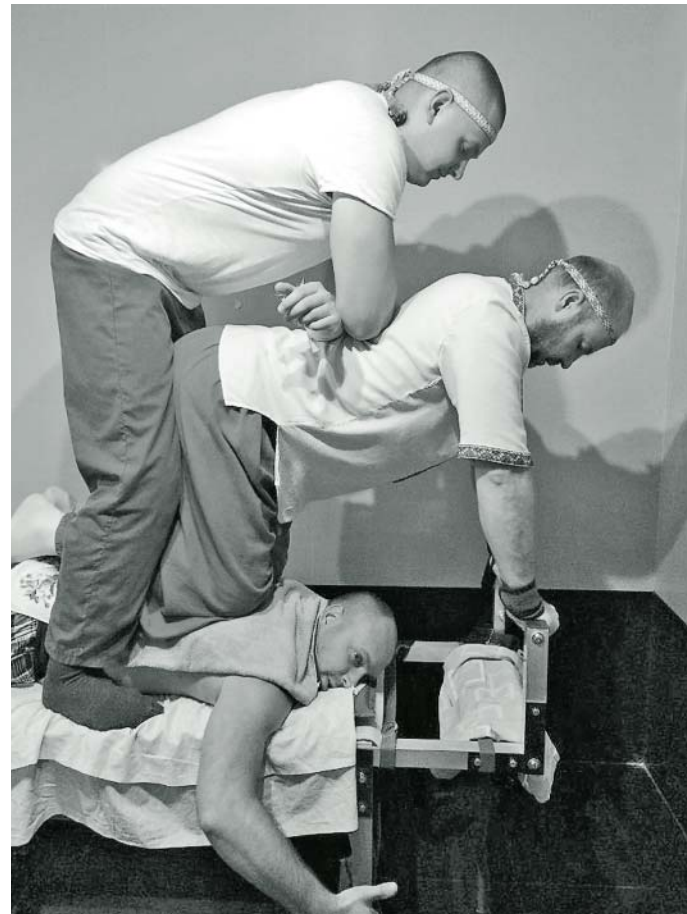
Совсем недавно два моих приятеля, не знакомые друг с другом, не сговариваясь, чуть ли не в один день спросили меня: «А ты уже правил себе атлант?.. А не хочешь ли ты атлант себе поправить?..» Я насторожился. Что это такое? Если все вокруг говорят, значит, и мне это надо! Заверните!

Всем нам хочется, чтобы было быстро и хорошо, пусть даже за большие деньги. Я плачу – сделайте мне! Именно на этот менталитет и рассчитывают люди, которые практикуют по городам и весям так называемую процедуру правки атланта за пятнадцать минут. Я сам чуть на такую не попал, да вовремя одумался. Вы ещё не знаете, что такое «правка атланта»? Да вы не в тренде! Это же последний писк медицинской моды! Повальное увлечение продвинутой интеллигенции! Неужели не слышали?..

Придумал эту штуку один ушлый швейцарец. Легенда такая. Процедура современного родовспоможения в цивилизованных странах устроена не по-природному. Рожать бы надо сидя, а у нас женщина лежит, да ещё ребёнка за голову тащит акушерка. При этом ребёнок проходит родовые пути, делая два неудобных поворота головой, и из-за всего этого самый верхний позвонок, на котором стоит череп, чуть-чуть смещается. Позвонок этот называется атлантом, а оставшееся после родов лёгкое его смещение – подвывихом. И это практически у всех в разной степени. А дальше начинаются проблемы. Инстинктивно стремясь держать голову прямо, как того требует вестибулярный аппарат, человек начинает непроизвольно чуть-чуть скашивать шею, компенсируя кривизну атланта. За перекосом первого шейного позвонка

следует компенсационный перекос в шейном отделе, потом в грудном, затем в поясничном, неровно встаёт таз, отчего одна нога делается чуть короче другой. Эффект домино. И тогда здравствуйте сколиоз, головные боли, вегетососудистая дистония и другие болезни, до причин коих современная медицина никак докопаться не может.

Что же делать? Ставить на место пресловутый атлант! Тогда выпрямится и шея под правильно стоящий череп, что потянет за собой обратную волну по всему позвоночнику, который постепенно выпрямится весь. И все проблемы уйдут. Голова станет ясной и будет лучше соображать из-за улучшившегося кровоснабжения, обострится слух, настанет счастливая новая жизнь.

Как же его поставить, позвонок этот? О! Для этого швейцарец и изобрёл свою чудо-машинку, напоминающую отбойный молоток с твёрдым резиновым набалдашником. Наконечник приставляют к шее и начинают долбить под основание черепа, разбивая мышечные спазмы. Это очень больно. И довольно дорого. Но зато быстро. Пятнадцать минут работы, пятнадцать тысяч рублей – и вуаля! Делают это, как правило, не врачи. И потому в договоре пишут «немедицинская процедура»

ра». Сам прибор клиенту не показывают, видимо, чтобы не утрачивать. Диагноз «смещение атланта» ставят всем пришедшим. Рентгеновских снимков не требуют. Не странно ли?

Интернет полон восторженных отзывов на сайтах самих долбилщиков, и мне стоило труда и времени найти отрицательные отзывы. Которые меня просто ужаснули, поскольку указанная процедура превратила несчастных пациентов, желающих лёгкого оздоровления, в форменных инвалидов. Причём я не утверждаю, что все восторженные отзывы о правке атланта в Интернете – ложь. Просто овчинка показалась мне настолько не стоящей выделки, что, почитав договор о «немедицинской услуге», я понёсся от неё прочь большими шагами, унося свой кривой атлант из подвала хиропрактиков обратно домой.

Вам теперь должно быть понятно, почему, преисполненный ужаса от этой новой московской моды, свой первый вопрос я задал Казакевичу именно об атланте, начав, таким образом, разговор с самого первого позвонка в надежде добраться к концу беседы и до... хвоста.

☉ *Слушайте, мне тут надъезд чуть атлант на место не поставили за пятнадцать тысяч. Еле убежал...*

– Повезло! Ко мне после этой процедуры люди приходят, за стенку держатся, не то что бегать – ходить могут с трудом. И я их долго восстанавливаю потом. Я сам иногда правлю людям атлант, но только когда это действительно необходимо. И предварительно требую обязательно принести рентгеновский снимок. Это не простой снимок, не везде его делают, это специальная трансоральная рентгенограмма через открытый рот.

И как эти деятели без рентгена да всем подряд так смело отрывают отбойным молотком основание черепа от позвоночника, я не понимаю, ведь есть масса противопоказаний для такой процедуры! Бывает врождённая деформация дужки атланта в виде несращения. И тыкать в такую дужку вообще нельзя. Бывают суперспазмированные связки... В результате люди идут править атлант, чтобы скорректировать малую проблему – головные боли, метеозависимость, – а в итоге после такой правки у них вдруг начинают выпадать волосы, зубы, даже до расстройств психики доходит, могут появиться суицидальные мысли из-за возникшего синдрома хронической усталости. У меня была пара таких несчастных.

И то, что сразу после лечения клиенты якобы пишут восторженные отзывы, очень настораживает. Потому что после правки всегда бывают некомфортные состояния – боли, головокружения, ведь вся хроника уходит через обострения: болят размятые мышцы, болят кости, поскольку трутся друг о друга, соответственно возникают воспаления, ломаются остеофиты – костные наросты, и орга-

низму нужно время, чтобы вывести осколки этих солей кальция, которые раздражают мягкие ткани.

Дальше. Допустим, у человека был СПА – синдром пережатой артерии, и голова имела недостаточное кровоснабжение, потому что артерия вертебралис как раз питает задние отделы головного мозга. Организм к этому адаптировался. А тут ему резко разжали артерию, и полным потоком пошла кровь, неся кислород. Наступает кислородное отравление, как у горожанина в лесу, начинает кружиться голова, пока организм не привыкнет к новой реальности. Это может длиться от семи до десяти дней. Человек ходит, как пьяный.

☉ *Слушайте, я человек довольно начитанный, но вынужден признаться, что до недавнего времени про этот атлант даже не слышал.*

– И неудивительно. Даже в медицине не существует общего понимания – некоей сводной работы, в которой были бы рассмотрены все загадки атланта, есть только отдельные материалы про это. Есть диссертация Лиева из Ставропольской медицинской академии от 1998 года, где он доказал влияние сдвига атланта на сколиоз – то есть если атлант сместился вправо, то сколиоз уйдёт влево и наоборот... Но даже Лиев, отец мануальной медицины, не даёт способов исправления. А я даю! И я их апробировал...

Что у нас ещё там есть? По пальцам можно пересчитать. Раткин и Никитин из Новокузнецкого медицинского института, которые с семидесятых годов занимаются этой проблемой и в результате перешли к хирургической постановке имплантатов прямо в атлант в случае переломов... Есть работы новосибирских ребят, на Украине есть работы Ярового... Есть, наконец, маленькая статья на шесть – восемь страничек «Дисфункции кранио-вертебральной области», где медики обсуждают проблему. Но, повторюсь, общего представления по проблеме атланта нету! Так что про машинку эту вашу швейцарскую забудьте. С её помощью можно ликвидировать только какой-нибудь лёгкий лжевывих или крупно угробиться.

При этом справедливость требует отметить, что многое написанное на сайтах этих коновалов верно по сути. Действительно, правильное положение атланта очень важно для качественной жизни, и на это люди обратили внимание довольно давно. Я сейчас пишу диссертацию, набираю материал, и мне недавно попала удивительная публикация на английском. Там автор в историческом обзоре касается проблемы постановки атланта как части оккультных практик у масонов. Всем «топ-менеджерам» масонов ставили голову на место. Это был совершенно секретный ритуал, недоступный непосвящённым, потому что правка атланта действительно качественно улучшает работу головы. Резко обостряются восприятие, скорость мышления,

голова начинает вращаться легко, словно на подшипнике, подбородок можно завести за плечо... Так вот, эту секретную масонскую фишку у нас в деревнях практиковали неграмотные бабки. У меня самого мать была повитухой и правила атлант детям – мне, сестре, внукам. А её научила этому моя прабабка. Поэтому в нашей семье нет сколиоза, все ровненькие.

☉ *И вы типа сызмальства пошли по стопам предков...*

– Совершенно не собирался я идти ни по каким стопам! Были другие планы. Но в пятнадцать лет у меня случилась клиническая смерть – наши великие медики так удачно сделали мне операцию, что я оказался в реанимации с сепсисом: у меня был острый артрит плечевого сустава, который неудачно вскрыли. Потом было ещё три операции, и во время последней я умер.

«НАСТОЯЩАЯ
ОЗДОРОВИ-
ТЕЛЬНАЯ МЕДИ-
ЦИНА – ЭТО НЕ
НОЖ, А РАБОТА
РУКАМИ»

ВИТАЛИЙ КАЗАКЕВИЧ

☉ *Дайте-ка я угадаю. Вы увидели тот самый тоннель...*

– Нет-нет. Ничего такого не было. Меня просто вытащили. Рука прооперированная после выписки не поднималась выше плеча, врачи сказали, что и не будет больше подниматься. Дали инвалидность. Долечивала меня одна бабка, она показала, как разрабатывать руку. А однажды вдруг заявила: «Ты сам будешь лечить людей!» Я тогда подумал: «Старуха совсем с ума сошла!»

Она, кстати, мне много ещё чего наговорила, на что я тогда внимания не обратил. Предсказала, например, что у меня будет два брака и довольно поздно родится вторая дочка. Так и вышло... Так вот, она сказала: «Ты ко мне ещё вернёшься!» В результате я действительно вернулся к ней через двенадцать лет. Бабуле надо было передать кому-то свои знания, дочка её этим заниматься не хотела, и она выбрала меня. И начала передавать – рассказывала про травы, учила защиты ставить от «пробоев»...

☉ *Какие ещё защиты? Каких пробоев? Это что за чертовщина в солидном журнале?*

– Знаете, мир вовсе не таков, каким он представляется человеку, закончившему школу, отучившемуся в институте и спокойно существующему в обычной социальной среде. Но если я начну рассказывать о его изнанке, люди будут крутить пальцем у виска. И поскольку я всё-таки дипломированный специалист по реабилитации, давайте говорить на привычном публике языке костей, артерий и мышц. А всё потустороннее оставим за скобками, насколько возможно. Скажу только, чтобы предостеречь ваших читателей: никогда не ходите к разным колдунам, которые лечат «энергетикой». Это даже с точки зрения ортодоксальной медицины неправильно. Всё. Закрыли тему.

☉ *То есть костоправству вас учила эта бабка?*

– Нет! Костоправству меня никто никогда не учил. Бабка учила совсем другому, в частности как делать мази, готовить травы. Это мне было близко, у меня же мать была травница.

☉ *Не понял. Как же вы стали костоправом, если никто не учил?*

– Вот так и стал. Это всё вылезло изнутри меня, как цыплёнок из яйца... Я просто хорошо чувствую тело... Слушайте, вы думаете, это всё только для вас дико звучит? Я тоже нормальный человек, начал искать, откуда это во мне, стал спрашивать бабушку, и оказалось, что не только по материнской, но и по отцовской линии мой прапрадед был костоправом. Наследственность с двух сторон!

☉ *Вот откуда в вас эта любовь к старине и всяким славянским колдоворотам...*

– Ну да. Традиционные знания – великая сила, как оказалось. Современная западная наука, конечно, дала нам рентген, МРТ, другие вещи... Да у меня и самого несколько изобретений – стол для правки позвоночника «Ладушка», электронный станок для закачки спины «Трекмоушен». Но вынужден отметить, что старинная наука костоправства не может работать в современном формате – в рамках больницы или поликлиники.

☉ *Почему?*

– Ну смотрите. Рентген по медицинским нормам ребёнку раньше семи лет делать нельзя: лучевую нагрузку на кости даёт. А править ребёнка надо, у него сдвиг. И чем младше ребёнок, тем проще это сделать. А без рентгена я его править не имею права – на то есть определённые медицинские протоколы, которые нельзя нарушать. Поэтому детей младше семи лет я не принимаю. А к десяти годам, когда брать его можно, позвоночник, принимая компенсаторную нагрузку, уже сильно искривляется, и лечить становится сложнее. В обычных поликлиниках и не вылечивают.

А вот в славянской деревне не было рентгена и Минздрава с протоколами. А костоправы

были. Принесли годовалого ребёнка к повитухе, она увидела искривления, покрутила – щёлк-щёлк – и за один раз исправила то, что в четырнадцать лет за месяцы не исправишь. У детей скелет строится очень быстро. Видели, как дерево в саду растёт? Если оно начало криво расти и его не подвязали, так дальше криво и будет расти. С людьми то же самое. А у меня в саду все деревья подвязаны. И детей своих я правил сызмальства – выросли прямые. А если человек кривой, у него и жизнь может криво сложиться – он не станет тем, кем хотел, не женится на том, на ком хотел, не родятся дети...

☉ *Но ведь сейчас есть такая официальная дисциплина – мануальная терапия. Это же костоправство в чистом виде.*

– Нет. Разница в том, что мануальные терапевты работают с костями. Массажисты работают с мышцами. А костоправ и с костями, и с мышцами, и со связками, и с мозгами. В голове ведь тоже надо навести порядок. Иначе нельзя.

☉ *Нечто похоже мне доктор Бубновский говорит: мол, править одни кости без мышц – деньги на ветер... Но при чём тут мозги?*

– Человеку нужно объяснить, отчего у него блок в мышце. Например, из-за обиды на родителей.

☉ *Точно! Я это уже слышал от психотелесного терапевта Кошкиной, которая по женским проблемам специализируется. Вообще, у меня такое ощущение, что сейчас начинает складываться какая-то параллельная (таблеткам и скальпелю) медицина будущего, которая станет лечить, грубо говоря, голыми руками...*

– Я не знаю Кошкину, но вот нам бы с ней в паре поработать! Потому что ко мне постоянно приходят одни и те же женщины с одной и той же проблемой. Ты её выправил, а она через год снова такая же, как была. Потому что кричат её проблемы женской нереализованности, в которые я, мужчина, лезть не могу. Ей либидо надо править, отношения с мужчинами. Иначе её опять перекосит, и я снова буду равнять симптомы, давая на некоторое время облегчение...

☉ *Эта Кошкина утверждает: набор спазмов у каждого человека индивидуален, как отпечаток пальца, и образует как бы отпечаток нашей личности и нашей прошлой жизни. Их нужно стереть и начать жизнь с чистого листа.*

– Вы говорите о так называемых триггерных точках. С точки зрения медицины это миофасциальный синдром. Попросту говоря, гипертонус мышц, спазмированные мышечные волокна. Это очень известный, но не до конца изученный феномен. Кстати, в шее тоже возникают такие точки, если смещены атлант и аксис (второй позвонок), потому что натягиваются связки, которые находятся в постоянном напряжении.

Знаете, о психосоматике и хронически спазмированных мышцах много писал американский психотерапевт Томас Ханна. Но мне и читать его не нужно, я всё это по опыту знаю. Если человек много нервничает на работе, у него будет больной желудок и поджелудочная. Есть на поверхности тела точки-сигнализаторы, о них прекрасно известно китайской медицине и почти неизвестно европейской. Я на приёме всегда эти три точки на шее трогаю: давлю на них. Если болезненные, желудок можно уже не проверять, всё ясно и так. А в поликлинике вам на точки нажимать не будут, а тупо пошлют на гастроскопию – трубу в желудок будут через глотку засовывать, чтобы посмотреть, чего там. Западная медицина такая непосредственная!.. Повернитесь-ка спиной. Чувствуете, я вам сейчас на шею сзади жму. Больно?

☉ *Терпимо.*

– Вот. А есть люди, которым нажмёшь слегка на эти точки, а они буквально орать начинают, аж слёзы текут. Есть аналогичные точки – глашатаи сдвига почек, сдвига атланта. И если вернуться к тому, с чего мы начали разговор, – к атланту, то править его отдельно от всего прочего – пустой номер, человека надо править комплексно. Бесплезно выставлять один первый позвонок, пусть даже самый главный, если вся шея кривая. Кривая шея его обратно вывернет под себя по старой памяти. Да и другие тонкости там есть. Нужно, например, учитывать костную оксификацию – окостенение хрящей. Скажем, у ребёнка зубовидный отросток первого позвонка может не прирастать к телу позвонка, поэтому нельзя его дёргать до семи лет. А вот у грудного младенца до месяца позвонки вправлять как раз можно!

Ещё в 1972 году советский врач Юхнова получила авторское свидетельство за изобретение метода правки атланта у детей. Правда, это длительная методика, дети там лежат на наклонной поверхности с петлей Глиссона на голове. У меня метод быстрее – всего за четыре дня, а в сложных случаях за восемь я выправляю этот атлант.

☉ *А правда, что он у всех свёрнут и все люди живут в сумеречном сознании?*

– Нет, это выдуманная статистика. По данным официальной медицинской статистики, людей с подвывихом атланта от 47 до 60 процентов. И процедура родовспоможения тут не всегда виновата. Смещение атланта можно получить не только при рождении, но и во время жизни. Вон моя дочка упала в семь месяцев прямо на моих глазах – только что лежала на диване и вот уже летит головой в пол. А как она сальто делает? Это же ужас! Прыгает, прыгает и в один прекрасный момент головой в пол приземляется. Говоришь ей: «Не прыгай», – но она всё равно прыгает. Это же дети! Они всё время падают с велосипедов, с веток, с батуты, с горок.

А этот атлант может сместиться даже из-за авитаминоза, что доказал Санкт-Петербургский врач Губин. Он три года наблюдал за детьми трёх городских больниц. В каждой в течение года наблюдалось около трёх тысяч детей. То есть всего восемнадцать тысяч. Солидная выборка! И выяснилось, что самое большое обращение к врачам происходит в ноябре и апреле, это самые авитаминозные месяцы. Причина – мышцы из-за недостатка витаминов неправильно развиваются и сдвигают атлант. Но у детей атлант может потом сам выправиться во время зарядки, упражнений, потому что у них ещё не прошла оссификация.

☉ *Ладно, вернёмся в прошлое. Допустим, кто-то правит вас никто не учил. Когда же это включилось в мозг?*

– Началось с несчастного случая. В двенадцать лет, катаясь на скейте, я сломал руку. Две кости – локтевую и лучезапястную, со смещением шиловидного отростка. Типичный детский перелом. Рука была буквой «П», что меня напугало. Я приятно кричу: «Дёрни меня за руку, чтобы она была ровной!» Он не дёрнул, конечно, тоже был перепуган. И бабушки на скамейке кричат: «Не дёргай, нельзя!» А у меня болевой шок, и мне

страшно, что рука кривая. Взял и дёрнул себе руку. И вправил! В больнице потом спрашивают: «Кто делал репозицию?» – «Сам!» – «Да что ты нам врешь! Это невозможно!» Опросили врачей «скорой», которые меня привезли, те сказали: «Да, седи и бабки на лавке подтвердили – сам сделал». У меня в карточке теперь так и написано: «Репозиция произведена на месте успешно».

☉ *Репозиция – это правильная состыковка переломанных и разошедшихся костей, поясним для читателей, далёких от медицины.*

– Да. То есть я так умудрился дёрнуть руку, что не порвал осколками костей ни сосуды, ни нервы и правильно соединил кости. Это случилось в 1987 году... Потом в шестнадцать лет произошёл ещё один непонятный случай. Я тогда занимался йогой, и мой друг Саша со сколиозом, который очень увлекался эзотерикой, однажды сказал: «Правь меня!» – «Что значит «правь»? Я не умею!» – «Умеешь! Я вижу...» Это тоже было странно. Но тем не менее я начал его править. Целое лето я на нём тренировался, и в результате он стал ровненький и выше на два сантиметра, выправил я ему сколиоз! Это был мой первый пациент. В шестнадцать лет. Узнав про это, стали обращаться соседи: «Дёрни меня!» Я дёргал.

ГРИППФЕРОН®

Рекомбинантный интерферон альфа-2
КАПЛИ В НОС и СПРЕЙ

Отправляясь в дальний путь,
ГРИППФЕРОН® не забудь.
С ним без **ГРИППА** и **ПРОСТУДЫ**
Сможешь славно отдохнуть!

FIRM БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ
ФИРН М www.firm.ru

ВОЗМОЖНЫ ПРОТИВОПОКАЗАНИЯ, ПЕРЕД ПРИМЕНЕНИЕМ ВНИМАТЕЛЬНО ПРОЧИТАЙТЕ ИНСТРУКЦИЮ ИЛИ ПОСОВЕТУЙТЕСЬ СО СПЕЦИАЛИСТОМ

Параллельно я занимался боевыми искусствами, сам преподавал айкидо, а после тренировок клал людей на маты, хрустел чужими костями. Десять лет я тренировал людей и исправлял последствия неудачных падений в виде сместившихся позвонков. Так что в институт я поступил уже имея солидный багаж за плечами. А между тем обороты всё раскручивались, слухи ползли, и в конце концов со всего бывшего Союза люди стали ездить ко мне в Херсон. И сам я теперь езжу по городам, поскольку не все могут до меня добраться.

☉ **А на кой ляд вы живёте в своём Херсоне, когда есть столичные города, где больше денег?**

– У меня дом даже не в Херсоне, а за городом, возле дома большой сад и море под боком – пятьдесят минут езды. Вжик – и там, сели в субботу утром в машину и через час уже купаемся. Жена голову ломает: «Не знаю, что на ужин готовить». – «Спокойно, будут морепродукты». Сел в машину, доехал до моря, понырял, привёз крабов, рапанов, мидий. Они варятся две минуты. Добавили лучка, оливкового масла – вот тебе и ужин. А в Москве вашей где я свежих рапанов возьму?

☉ **Да, нам тут очень нелегко. А кстати, наши столичные жители, которые экологических рапанов не едят, с какими горестями приходят к костоправу из Херсона? Что это вообще за люди? Может, и сам Путин заходит инкогнито?**

– Нет, Путин не приходит. У Путина есть свой хороший массажист, корейский мастер. Пока справляется... А ко мне очень часто приходят врачи, потому что они как никто понимают бессилие медицины. А из врачей больше всего стоматологов, поскольку они сидят всегда сгорбленными в одной позе, у них проблемы с позвоночником профессиональные. Кстати! Совсем недавно была на приёме одна женщина-стоматолог аккурат после правки атланта – пришла лечить гипертонию, мгновенно развившуюся после этой варварской процедуры. И к сожалению, в последнее время таких всё больше. У вас в Москве с ума тут все походили, что ли, с этим атлантом?..

А бывают и постоянные пациенты. Скажем, некий Сергей. Ему пятьдесят пять лет, и он ходит ко мне каждый мой приезд в Москву. Потому что у него горб. Был. Мы его уже почти убрали, во всяком случае под одеждой не видно. Скоро совсем уберём. Ну, а если смотреть проблемы по отделам позвоночника, то больше всего у людей страдает шея как самый подвижный участок.

☉ **А я думал, связана с шеей.**

– А поясница связана с шеей. Если шея неправильно стоит, обязательно болит поясница. Вот недавно в Питере приходила ваша коллега из «Космополитен» с жалобами на поясницу. Так я поясницу вообще не трогал – только шею. Выправил шею – и она забыла о пояснице.

☉ **А какая связь между головой и... попой?**

– Медиальный и латеральный тракты – большие мышцы-разгибатели спины, которые идут от шеи до поясницы, вот такая между ними связь... Понимаете, у современного горожанина не может не быть проблем с позвоночником. Утром он проснулся, сел на унитаза, потом сел завтракать, потом сел почту проверить, потом сел в машину или метро, затем на работе до обеда сидим. Обедаем – сидим. После обеда сидим. И в обратный путь сидя. Дома сидя поужинали и сели смотреть телевизор... А в сидячем положении нагрузка на поясницу – сто сорок процентов, поэтому с ней беда.

Наш позвоночник конструктивно предназначен для активной нагрузки. Он S-образный, это пружина для постоянного бега или ходьбы. А мы сидим с самого детства – с тех пор, как люди придумали школы. Поэтому небольших в современном обществе нет. Больная спина – это уже нормально. Ненормально, когда это пытаются лечить таблетками или хирургическим вмешательством, калеча человека, которого можно выправить и обучить делать элементарные упражнения, чтобы беда не повторялась. Для каждого отдела позвоночника существуют отдельные упражнения. Я выложил их на ютубе, каждый может посмотреть и совершенно бесплатно не иметь проблем со спиной. Но людям лень заниматься, они предпочитают платить деньги, чтобы не самим двигаться, а чтобы над ними произвели движения и всё им поправили. Вольному воля.

Вот вы сказали, что мне жить нужно в Москве. Отчасти вы правы, основное месторождение богатых ленивых офисных работников – здесь. Поэтому я и хочу построить рядом с Московской реабилитационный центр. Настоящая оздоравливающая медицина – это не нож, это работа руками.

☉ **Неужели даже непобедимый артрит можно вылечить голыми руками?**

– Если он не вирусной этиологии, то я лечу и артриты тоже, благо сам настрадался от артрита. Но даже и вирусный артрит возникает не на пустом месте! Нормальный pH-фактор в суставе 7,8. А если в организме происходит закисление от неправильной пищи и недостаточности крови и лимфотока, то это прекрасная среда для размножения всякой гадости. Люди активно поедают закисляющую организм пищу – сахар, выпечку, мясо, всякие копчености. Я в том же ютубе выложил в открытом доступе совершенно забесплатно рекомендации по питанию, но люди по-прежнему едят то, к чему привыкли.

☉ **Теперь я задам яркому представителю западной цивилизации вопрос, который мне покоя не даёт и на который вы так толком и не ответили: если вас никогда не учили костоправству, откуда всё-таки в вас эти знания и умения?**

– Яркий представитель вам на этот вопрос не ответит. А бывший эзотерик, увлекавшийся восточ-

ными практиками, скажет следующее: есть мнение, что все знания и вся информация содержатся вовсе не в мозгу, каждый человеческий мозг – это всего лишь индивидуальным образом настроенный приёмник, который ловит свою волну.

☉ *Да, есть такая теория: мозг – это считывающая головка магнитофона, которая только снимает информацию с мирового носителя...*

Значит, вас никто не учил. А масштабировать эту медицину уникальных личностей можно? Иными словами, вы можете этому кого-то научить или оно только чудом передаётся?

– Правильный вопрос. Мы сейчас больше доверяем железяке – рентгену. И это плохо. Потому что нету рентгена, который бы отыскал и почувствовал спазм мышц. Существует электронейромиография – суют две иголки в мышцу, дают импульс и смотрят на отклик. Но человека же всего иголками не истычешь, да и приборов таких единицы – так же как и специалистов, которые умеют правильно расшифровывать сигналы с них. Проще научить человека пальцами чувствовать спазмы.

Я на семинарах развиваю чувствительность у людей так: кладу мешковину, под неё нитку и человек, проводя пальцами по мешковине, должен найти под ней нитку. Сначала не могут, потом нау-

чаются. Или взял глиняный кувшин, разбил, бросил осколки в мешок. И сунув туда руки, не глядя, человек склеивает в мешке кувшин по осколкам. Этому в медвузах не учат. А у меня целая методика по обучению есть. То есть новая медицина будущего, которую вы тут пророчили, возможна.

☉ *Слушайте, а это больно вообще – кости править?*

– Я всех предупреждаю – нужно перед приходом ко мне пройти курс массажа, чтобы разогреть-размять мышцы, разбить основные спазмы, разогнать соли. Но люди, конечно, ленятся и приходят жёсткие. Тогда я говорю: «Смотрите, я вас предупреждал. Теперь терпите». И в этом случае я не даю гарантии, что за два – четыре сеанса, а больше я в Москве не бываю, я что-то вам до конца вправлю: спазмированные мышцы могут помешать. Не нужно лениться.

Но обычно удаётся справиться. Только десять процентов повторно возвращаются с той же проблемой. Остальные приходят или с другой проблемой, или просто на профилактику. Таких уважаю: болезнь лучше предупредить. Знаешь, чем хороший пациент отличается от плохого? Хороший пациент начинает лечиться за семь лет до заболевания, а плохой – за три дня до смерти. ☉

ОФТАЛЬМОФЕРОН®

капли глазные

ЛЕЧЕНИЕ ВИРУСНЫХ И АЛЛЕРГИЧЕСКИХ ЗАБОЛЕВАНИЙ ГЛАЗ У ВЗРОСЛЫХ И ДЕТЕЙ

- лечение герпетических поражений глаз, аденовирусных инфекций глаз
- лечение синдрома сухого глаза
- лечение и профилактика осложнений после хирургических вмешательств
- содержит рекомбинантный интерферон альфа-2b и противоаллергический компонент

Per. P N 002902/01

БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ
ФИРН М www.firnm.ru

ВОЗМОЖНЫ ПРОТИВОПОКАЗАНИЯ. ПЕРЕД ПРИМЕНЕНИЕМ ВНИМАТЕЛЬНО ПРОЧИТАЙТЕ ИНСТРУКЦИЮ ИЛИ ПОСОВЕТУЙТЕСЬ СО СПЕЦИАЛИСТОМ

Сибиряда

Театральный режиссёр Рива Левите и основательница клана Дворжецких – о том, что такое истинная стойкость

МАРИНА БОЙКОВА

Она была женой актёра Вацлава Дворжецкого и матерью Евгения Дворжецкого, Владислав Дворжецкий был её пасынком. Сейчас ей 94 года, и это тот случай, когда её года – её богатство. Она в совершенстве овладела тем, что называют философской основой для долгой жизни. Поводов для разочарований и отчаяний в её жизни было предостаточно – хватает уже того, что пережила всех своих любимых мужчин. Что помогло ей со всем этим справиться? Убежденность: боль ощущается не так остро, если имеешь твёрдое решение выстоять.

1940-е годы. Пошла напролом

Я считала, что должна быть артисткой, никаких разговоров. Но когда окончила школу, на-

чалась война. Московские вузы были в эвакуации. И чтобы хоть куда-нибудь поступить, я ринулась в тот институт, который ещё оставался в Москве – в юридический. Потом два с половиной месяца были сплошные трудовые работы на окопах. С гордостью говорю: мы работали в Крылатском, там остановили немцев. Видели и отступление – оказались в самой гуще, и немецкий десант спускался... Короче, всё, что можно было почерпнуть, мы почерпнули, и получили высокую квалификацию землекопов. Вернулись, и нас буквально через считанные часы отправили в эвакуацию в Алма-Ату. Мы

там учились. Но это только так называлось. Главным образом работали в колхозах Казахстана. Научились и жать, и копнить, и молотить. Но, надо сказать, культурно образовываться тоже успевали. В Алма-Ату был эвакуирован Театр Моссовета во главе с Завадским. А женой его тогда была Галина Уланова. Мы не пропустили ни одного спектакля, ни одного балета.

В сорок третьем вернулись в Москву. При Театре Моссовета организовывалась актёрская студия. И я пошла туда поступать. Думала: перейду в юридическом на заочное отделение, но не брошу. Не вышло – нас, студийцев, сразу пустили в дело. Мальчики играли в спектаклях Театра Моссовета солдат, девочки помогали с шумами, создавали ветер, гром и прочее. Вместе с режиссёром Константином Наумовичем Воиновым (это он поставил фильм «Же-

нитба Бальзаминава») к нам пришли трое мальчиков, три Толи, как мы их называли: Толя Эфрос, Толя Адоскин и Толя Баранцев. И в один прекрасный день Завадский (мы были уже на втором курсе) сказал нам с Толей Эфросом: «Ребята, вам надо заниматься режиссурой». Мы оба, конечно, взвизгнули от счастья. Юрий Саньч написал записочку декану режиссёрского факультета ГИТИСа. Нас приняли – и сразу на второй курс. Окончила я ГИТИС с красным дипломом. Завадский сказал: «Ривочка, не торопись уезжать из Москвы. На какую-нибудь ассистентскую работу мы поможем тебе устроиться. А там уж будешь доказывать, на что способна». Я ответила: «Не хочу идти в ассистенты, хочу – сама, сама». Вот так и решила отправиться в Омск. С бухты-барахты. Мол, подумаешь – три года. Отработаю – и вернусь. Вышло по-другому. Оказалось: это я судьбу себе выбрала.

1949 год. Нечаянная встреча

Приехала в Омск. Выхожу на перрон со своим огромным чемоданом, в который мама с трудом уложила одеяло, подушку – всё, что в её понятие должно было пригодиться дочери «на чужбине». Встречает директор театра. А он в Москве заманивал меня рассказами, что Омск – крупный промышленный город, что в театре прекрасная группа. Всё так и оказалось. Но первое, что я увидела, выйдя на перрон: огромная отара овец, которую гонят по дороге, поэтому мы не можем перейти на другую сторону. Овцы серые, грязные, шерсть свалялась и висит клоками, и их – море!

На следующий день спешу на дневной спектакль. «Ромео и Джульетта» мне поначалу не понравился. Показался «подержанным». И вдруг появляются два молодых человека. Бенволио и Меркуцио. У них сцена, когда они обсуждают ветреность Ромео: то ему Розалину подавай, то Джульетту. Обсуждают – но своими словами! И всё в стихах, причём делают это блестяще. И явно соревнуются, кто кого пересочиняет на ходу. Но разве я, после всех наших факультативов по Шекспиру, могла это перенести?! У меня всё внутри закипает. После спектакля прихожу к главному режиссёру знакомиться. И кручусь-верчусь:

и обидеть не хочу, понимаю, что спектакль не новый, но надо же и честно высказать своё мнение! Наконец не выдерживаю: что за безобразия, говорю, у вас творили Бенволио и Меркуцио?! А он мне совершенно спокойно: «Ривочка Яковлевна, вы ведь приехали в театр, а в театре и не такое бывает». Потом поговорили о моей будущей постановке. После разговора выхожу из кабинета. Спускаюсь по лестнице, внизу – эти два паразита, уже разгримировались. Один из них – Вацлав Дворжецкий... Это они пришли посмотреть, что за фифа приехала.

А потом ещё вот что выяснилось. Когда главный режиссёр вернулся из Москвы в Омск со «смотрин», он сказал Дворжецкому: «Знаешь, я договорился с девушкой, молодым режиссёром, она к нам приедет. А потом ты на ней женишься!» Представляете? И мужики... Конечно, им было любопытно взглянуть на ту, которую Вацлаву Яновичу прочили в невесты. Хотя представить, что Дворжецкий женится, было невозможно. У него же поклонниц было море!..

24 декабря 1950 года. Укрощение строптивой

После премьеры моего спектакля мы с Вацлавом пошли в Театр музыкальной комедии, там была предварительная встреча

Нового года. Помню, когда уже всё закончилось, вышли на улицу – а там красота! Снег только что выпал – все дороги, тротуары заметены, мороз сухой... Вдруг мой хахаль, Вацлав тот есть, встаёт на колени и говорит: «Хватит валять дурака, выходи за меня замуж». Мне кажется, я даже на секундочку ради приличия не задумалась, сразу сказала: «Хорошо».

Причём я ведь вышла замуж, а маме даже не позвонила, не сообщила. И разрешения не спрашивала. Думала: лучше не морочить никому голову и осуществить задуманное, потом приеду в Москву, расскажу, и всё встанет на свои места. А получилось совсем не так. Мой любимый двоюродный брат приехал в Ленинград в командировку. Пришёл к своему приятелю, актёру. Тот говорит: «Всё-таки ты мне не друг». – «Почему?» – «Ну, как же, маленькая ваша вышла замуж за очень хорошего актёра, а ты молчишь!» – «Что ты говоришь? А я не знал! И когда это случилось?!» И приятель ему рассказал. Актёры, они ведь все связаны, и Дворжецкого уже всюду знали к этому моменту. Потом брат приезжает к моей маме в Москву. Обнялись, расцеловались. И вдруг он ей выдаёт: «Тётя, я-то думал, что вы меня любите, что вы мне доверяете...» Мама: «Что случилось?» – «Наша-то малышка вышла замуж, а мне об этом сказал посторонний человек!» – «Что?!»... Таким образом мама узнала, что она уже тёща.

Надо сказать, достаточно было «заботливых» людей, которые меня от этого брака отговаривали. На улице, помню, подошла какая-то пожилая женщина: «Девочка, миленькая, что же вы делаете?! Он же 14 лет в лагерях пробыл. У него две семьи»...

К моменту нашего знакомства с Вацлавом Яновичем у него уже были сын Владик и дочка Таня... Владик родился в первом браке. Но в ту семью Вацлав Янович

не вернулся после второго лагеря, в котором пробыл всю войну. То, что они расстались с Таисией, было естественным. Он не мог вернуться, потому что не святой, и она – не святая. История закончилась. Она бы, я думаю, закончилась в любом случае. Молодые оба. Таисия была женщина активная, балерина, очень не глупая, потом работала в Омском театре руководителем танцевального коллектива. Они разошлись без всяких обид.

У нас с Владиком знакомство вышло просто замечательное. Приехав в Омск, я остановилась в общежитии. И буквально через два дня Владик – они с матерью жили там же, в комнате напротив моей – просто постучал в мою дверь. Это был ребёнок, которому явно не хватало общения. Слышу робкий стук, открываю – стоит. Весь всклокоченный, тогда волос у него было много, глаза в пол-лица. Худющий невозможно. На нём вытянутая майка, которую стирали тысячу раз, какие-то непонятные штаны. «Можно, я к вам зайду?» – «Конечно». – «Можно мы с вами поговорим?» – «Давай. Ты кто?» – «Я – Дворжецкий. Наша дверь напротив»...

А что касается Танечки – это лагерная история. С её матерью, вольнонаёмной, Вацлав Янович встретился, когда второй раз оказался на поселении. Жениться не собирался. Но она была очень в него влюблена. И родилась девочка... Эта женщина просто святая. Я читала её письма, которые писались в ответ – когда Вацлав Янович посылал деньги. Она его только за всё благодарила и ни разу – ни устно, ни письменно – ни в чём не упрекнула. Тане было 9 лет, когда её мама умерла. Девочка стала жить у маминой подруги. И нам ничего об этом не написала. А потом в 14 лет Таня неожиданно приехала к нам – уже в Нижний Новгород. Всего на один день. Девочка

была очаровательная, похожая на юную Галину Польских. Вечером, после того, как мы проводили Таню на поезд – в Кишинёв, состоялась у меня с моей мамой такой телефонный разговор: «Вот, приезжала, но как-то странно – на один день». – «Не думала, что у меня такая глупая дочь. Она приезжала посмотреть на тебя, узнать, что ты за человек». Мама моя всегда была права... Спустя какое-то время Вацлав Янович, он тогда отдыхал в Ялте, получил от дочери телеграмму: «Я больше не могу здесь жить». Он был на своей машине, поэтому всё бросил, поехал к дочери в Кишинёв и привёз к нам. Три года она жила с нами... К сожалению, Тани уже нет. У неё была врождённая болезнь сердца, врачи давали 28 лет жизни, не больше, а она прожила 48 лет. Чудный она была человек. Мы любили друг друга.

1968 год. Прорыв

Для нашей семьи это был знаковый год. На экраны вышел первый фильм с участием Вацлава Яновича – «Щит и меч». И у Владика вдруг случилось сложилось киносудьба. Было так. В Омск приехала ассистентка из Москвы, которая работала у Наумова и Алова на картине «Бег». Искала антигероя. И вот стоит она в холле театра в окружении актёров, в это время выходит Владик. И кто-то: «Во – Дворжецкий. Посмотрите: явный антигерой!» Ассистентка уже знала Вацлава Яновича по фильму «Щит и меч», поэтому посмотрела на Владика внимательно. В итоге она взяла его фотографии, и вскоре Владика вызвали на пробы. И вдруг кому-то из режиссёров пришло в голову: «Давай попробуем парня на Хлудова». И его первый в жизни кадр: когда Хлудов в вагоне и снится ему страшный сон – один из труднейших эпизодов в филь-

ме. И ведь как сыграл! Хотя ничто, как говорится, не предвещало...

Владик сначала же хотел заниматься медициной. Три последних школьных года, как и Таня, Владик жил с нами. Меня называл «моя родная мачеха». В нём была склонность сильно волноваться, переживать даже по незначительным поводам. Но – внутри. Возможно, это и стало причиной сердечной болезни, которая свела его в могилу в 39 лет. Учился Владик средне. Всегда хорошо соображал, хорошо говорил, если говорил, но не уделял учёбе большого внимания. Очень неплохо писал. После школы решил поступать в медицинский институт. И вдруг – исчез. Мы тогда чуть с ума не сошли. Потом получили от него письмо: «Не волнуйтесь, я у мамы». Позже вот что выяснилось. В Саратове, где мы тогда жили, Владик дружил с прекрасной девочкой, Наташей, дочкой известного врача, профессора. Она часто бывала у нас в доме. И Владик потом мне рассказывал: «Понимаешь, я узнал, что в приёмной комиссии сидит Наташин отец. А я не настолько подготовлен, чтобы произвести впечатление. Наташка сгорит от стыда, если я провалюсь. Поэтому решил уехать». Поехал к матери в Омск, там у него началась совершенно другая жизнь. Владик закончил медицинское училище, получил назначение на Сахалин, женился, там родился его сын Саша. Кстати, специалистом Владик был хорошим, заведовал аптекой и как акушер принял 86 детей. Представляете? Он очень любил детей... Потом уехал с Сахалина, оставив семью. Этот брак не мог быть долгим. Вернулся в Омск. А там как раз открывалась студия при ТЮЗе. И он в неё поступил. Кончил студию. Его взяли в драматический театр. Успел сыграть несколько эпизодов. После чего и случилась та судьбоносная для него встреча с ассистенткой Алова и Наумова.

Владик снимался, звонил мне, говорил: «Ещё неизвестно, что из этого получится». Получилось. О Владике заговорили, он очень быстро стал набирать обороты как актёр. Но жил очень тяжело – и материально, и психологически, долго не имел своего жилья, так и не наладил семейную жизнь. Фильм с участием Владика, который я особенно люблю, – «Возвращение «Святого Луки». Там уже видны признаки настоящего мастерства. Жаль, очень жаль, что век его оказался таким коротким...

1980-е годы. Продолжение династии

Сын Женька поступил в театральный вуз. В детстве он постоянно говорил, что никогда не будет артистом. Думаю, это всё были попытки борьбы с собой. Потом, когда всё-таки пошёл в артисты, я стала вспоминать всякие мелочи, доказывающие его артистическую природу. Например, идём в детсад. Он вдруг: «Ой, мамуля, ползёт! Сколько ног!» – «Женечка, ты знаешь, у нас времени мало». – «Да-да, мамуля, идём». И через минуту: «Ой, мамуля, смотри – летит!» Вот такие проявления – наблюдательность, воображение, реакция – они о многом говорят. Причём Женька никогда ни в какой самодеятельности не участвовал. В отличие от меня – я в детстве читала стихи на всех конкурсах. Но после школы он всё-таки решил поступать в театральный вуз. А у нас в семье правило: ни за кого не хлопотать. Можете представить, сколько моих ровесников и добрых знакомых было тогда в том же Щукинском училище? Но – никаких просьб. Пройдёшь сам. Как все. Женька написал сочинение, наделал уйму ошибок – и срезался. Но совсем не огорчился. Потом рассказал: «У меня, мамочка, как раз во время вступительных экзаменов случился роман. Десять дней он продолжался. Но та-

кой!» Понятно, почему ему было совершенно наплевать: поступил – не поступил. Я прекрасно знаю женщину, с кем у него был роман. Она очень известная, прекрасная. Понимаю: удержаться было трудно. Через полгода он имел право повторить попытку поступить. И в эти месяцы работал чертёжником в нижегородском «Сантехпроекте». Вот туда его устроили по протекции – единственный раз в жизни. И то не мама и не папа постарались, а моя двоюродная сестра. У неё друг имел какое-то отношение к этому «Сантехпроекту», вот он и позвонил: «Возьмите хорошего мальчика». Через полгода Женька поступил в Щукинский училище. Сначала складывалось непросто. Худой, длинный, нос еврейский с горбинкой – кому такой нужен? Но в итоге Женька действительно оказался очень талантливым человеком. Было в кого!

1989 год. Обновление

Вацлав Янович ушёл из Нижегородского театра драмы. Почему? Надоело. Ему очень хотелось в кино, куда приглашали, но он всегда был слишком занят в репертуаре. В театре ходила присказка: у нас столько-то народных артистов, столько-то заслуженных и один настоящий – Дворжецкий. Звания ему не давали. Казалось, Вацлав Янович не обращает на это внимания, но это только казалось. Был момент: директор театра попытался заговорить о звании для Дворжецкого в самом важном доме. Там стукнули кулаком по столу: «Ничего он не получит!» «Народного артиста», минуя «заслуженного», ему присвоили лишь за два года до ухода. Это было непростое решение – покинуть театр. Но зато началась вторая молодость – в кино. И даже несмотря на то, что в последние годы Вацлав Янович практически ослеп, – всё равно снимался. Они и с Женей долж-

ны были играть вместе в одном фильме. Как только отец опрашивается после операции. Врачи на ней настаивали. Но из больницы он уже не вышел...

Мы прожили с Вацлавом Яновичем вместе сорок три года – не фунт изюма. Он был сложным человеком, во многих вопросах нестигаемым, сформировавшимся, причём в совершенно жутких условиях. Он же первый раз оказался в лагере в 19 лет (и там, кстати, в лагерном театре, впервые ощутил себя актёром). Они, трое студентов политехнического института, организовали «группу освобождения личности» – ГОЛ. Собирались, читали вместе книги – Достоевского, Шопенгауэра, русских философов... К этому сводились все деяния этих мальчишек. Их взяли в Запорожье, куда все трое приехали на практику. Кто-то, наверное, донёс, кто – они не знали. Тогда Вацлаву Яновичу дали 10 лет. А второй раз получил срок просто потому, что сидел в первый раз.

Считаю, его спасло то, что он был настоящим артистом, с настоящей актёрской природой. С воображением, с фантазией. Он рассказывал, что на Вайгаче были жутчайшие условия. Они там рыли что-то ужасное – цинк, ещё какую-то гадость. В вечной мерзлоте, примитивными кирками. Люди умирали, как мухи. «А я вдруг подумал, – рассказывал Вацлав Янович, – что я, дурак, что ли, на них работать? Я буду копать и верить в то, что там есть клад или что-то такое, чего никто не знает, а я узнаю?» И он включался в эту игру. Из-за чего быстро гибли интеллигентные люди? Из-за безысходности. Они чувствовали себя упёртыми в стенку. А Вацлав Янович находил в этой стене щёлку, а если не находил, придумывал. Например, ему случайно оставили на башмаке какую-то металлическую заклёпку, крючок для шнура (их срывали – не положено). Он эту заклёпку снял

и обточил на камне. Получилось как бы крохотное холодное оружие. Он никого не хотел убивать, но, как сам рассказывал, эта вещица давала ему ощущение свободы – мол, случись что, он может принять своё решение, а не подчиниться начальству. Вот такие внутренние установки и спасали.

1999 год. Потеря

Жени не стало, разбился на машине... Ему, как и Владу, было всего 39 лет... Знаете, после того, что случилось, возможно, странно услышать от меня такое, но я считаю себя счастливой матерью. Потому что мы с Женей были очень дружны и близки всю жизнь. С первого до последнего дня. Как это получилось? Я часто слышала от Жениных подружек: «Мы воспитывали своих сыновей только по вашему методу. Иногда это удавалось...» Не знаю, что за метод. Возможно, мне от мамы что-то такое передалось. Помню, сидим как-то с друзьями у нас дома, рассказываем, как кого воспитывали. Один: «Меня ставили в угол», другой: «Меня мама вечно отчитывала», третий ещё что-то. Всякое. Я говорю: «А меня вообще не воспитывали». Мама рассмеялась. Я потом её спросила: «Что смешного я сказала?» Она в ответ: «Я просто удивилась. Я думала, ты понимаешь, что воспитание – это не монологи». И я это хорошо усвоила. И был второй урок. Вернее, совет, который дала мне подруга ещё в годы нашей юности. Не помню, по какому поводу, она сказала: «Никогда не задавай лишних вопросов близкому человеку, если хочешь о нём что-то знать. Дождись, когда он сам тебе всё расскажет». И это был ключ ко всем моим дальнейшим действиям. И дело не в том, что я послушалась подругу, просто почувствовала: это верно. Женя мне либо всё

рассказывал тут же, либо проходило два-три дня. Я должна была терпеть, хотя видела: сына что-то мучает. Потом терпение вознаграждалось. Причём он делился со мной даже такими подробностями, которыми с матерью обычно не делятся. И так было всегда. Понимаете, никогда не надо лезть к человеку, когда у него что-то болит или его только что что-то заинтересовало, привлекло. Полезешь – только оттолкнёшь, вызовешь раздражение. Надо дожидаться момента, когда он сам будет готов и захочет поделиться. Главное – относиться к человеку с доверием и с огромной осторожностью касаться всего, что отзывается в его душе. Я вот сейчас ставлю спектакль на выпускном курсе Нижегородского театрального училища – пьесу Островского «Бешеные деньги». Мне говорили: зачем взялась за такую трудную пьесу? Но я пошла на это сознательно. И не только для того, чтобы студенты поняли, насколько непроста профессия, которую они выбрали, насколько она требует постоянного преодоления. Я ещё хочу, чтобы они научились задействовать душу. А у нашего молодого поколения с этим делом, увы, не очень. Хотя, когда меня спрашивают, каковы они, нынешние молодые, я искренне отвечаю: замечательные.

2000-е годы. Фамильные ценности

Внучка моя, Женина дочь Аня, – актриса РАМТа. Выходит на одну сцену со своей мамой Ниной Дворжецкой. У Ани растёт чудесная дочь Соня, моя правнучка, ей сейчас 4 года. Внук Миша учится в десятом классе. Стал похож на отца. Пока хочет стать оператором, а там будет видно. Я счастлива, что фамилия Дворжецких по-прежнему звучит, что династия продолжается. Всё хорошее, настоящее, я считаю, непременно должно иметь продолжение... ☉

3

ГЛАВА

ОТГАДКИ

*В которой блохи помогают самым
стойким и живучим европейцам стать
капиталистами **с.62***

.....
*а таракан превращает
Николая Олейникова в человека-загадку
и поэта-легенду **с.48***

—❖ ПРИТЧА ❖—

Волшебная структура таракана

*Убил или не убивал отца поэт Николай Олейников?
Какие стихи он писал – шуточные или трагические до озноба?
Каким тайным зрением видел он микрокосмос насекомых
и макромир математических законов? Зачем он, как самурай,
избрал путь смерти? И кем вообще был этот никому
и ничему не подвластный человек?*

АЛЛА БОССАРТ

20 июля 1937 года двоюродный брат Евгения Шварца актёр Антон Шварц ранним утром встретил на Итальянской улице в Ленинграде Николая Олейникова. Поэт шёл в сопровождении двух незнакомцев.

– Как дела, Коля?

Олейников обернулся:

– Жизнь, Тоня, прекрасна...

В то же утро Олейникова с теми же пристязными встретил Иракий Андроников:

– Куда так рано?

Николай Макарович ничего не ответил, лишь, по словам Андроникова, «ухмыльнулся». Сопровождающие, вспоминает он, были якобы при винтовках.

Что, конечно, не очень похоже на правду. В Большой дом на Литейный, даже на рассвете, арестованного вряд ли мог вести по улицам вооружённый конвой. Это было против правил игры (жить-то стало лучше и веселее).

Но такое разделение последнего действия загадочной жизни Николая Макаровича Олейникова, будто написанного для театра абсурда, как родное встраивается в болезненно нечёткую, точно при диплоии, раздвоенную картину его биографии.

«Разрыв между масштабом влияния Олейникова, его поэтическим статусом, следом, который он оставил в жизни многих самых замечательных личностей, – и тем, что он «произвёл», очевиден. Но проблема не в том, что его стихов мало, а в том, что за редкими (но сногшибательными) исключениями он как будто сознательно не пускает себя на «следующий» поэтический уровень, даёт гению прорываться лишь отдельными протуберанцами», – пишет Анна Наринская, добавляя, что «не быть великим» – выбор самого поэта, понимавшего, что в этой стране гениальность – наказуема.

Двоятся Олейников-поэт и Олейников-человек. Желчность была присуща его натуре. И всё-таки как из «пламенного революционера», который рвался (и прорвался) к красным буквально накануне расстрела, за какие-то пять лет пророс «злой, умный, как змей» насмешник (Маршак: «берегись Николая Олейникова, чей девиз – никогда не жалея никого»)? А ещё через пять – мрачный философ экзистенциального склада?

Всякие анкеты, автобиографии, протоколы, подписанные и написанные им, содержат самые разноречивые сведения о семье, партийности, образовании, работе. Ровным счётом ничего не известно о детстве. Известно, что ненавидел папашу, но так никто доподлинно и не знает, действительно ли доведённый до крайности сын убил отца.

Античная версия была одной из сенсаций «Фейсбука» в прошлом году. Но её автор, литературовед А. Герасимова, указывает опять-таки на признание самого «убийцы», вся жизнь которого состоит из кавычек. «Слушали: Дело члена ВКП

с июня 1920 года тов. Олейникова Николая Макарьевича. Родился в 1898 году в Донской области. Отец служащий. Сам тоже служащий. Образование среднее – окончил реальное училище. Во время гражданской войны, на почве политических разногласий, убил отца. Служил в Красной армии, с конца 1919 года по 1920 год. В профсоюзе с 1920 года. В партии с 1920 года. Сейчас зав. отделом «Партийная жизнь» ред. газеты «Молот»... Постановили: Считать проверенным. Политически развит удовлетворительно. Предложить знания углубить» (выписка из протокола заседания комиссии по проверке нерабочего состава РКП(б) ячейки при редакции газ. «Молот» Ленрайона гор. Ростова н/Д. 15 июня 1925 г.).

Постановили считать Николая Олейникова проверенным. Никто, однако, не проверял. Как никто, само собой, и не думал проверять факт убийства. Например: «Отношения с отцом? – Да кончил я его, вражину». Выдал, например, желаемое за действительное. В тот момент это показалось ему неплохой идеей. А с другой стороны – 18-й год, красные, зелёные, золотопогонные. Почему бы и нет? Случались вещи и пострашнее. Хотя сам Николай Макарович в разное время сообщает, что отец его выгнал из дому или он сам сбежал на фронт назло опостылевшей казацкой родне; отца называет то крестьянином, то донским казаком, то «сидельцем в винной лавке».

Есть, конечно, воспоминания друзей. Реплика Олейникова в записи Липавского: «Если бы можно было убить без всяких неприятностей для себя, чтобы избавиться от забот и нужд, я бы это сделал». Из дневника Шварца: «Он... как-то предупредил меня, что близких людей нет у него. Что если ему будет нужно, то он и меня уничтожит...»

Но доверять словам Олейникова, даже если они сказаны таким закадычным/заклятым друзьям, как Евгений Шварц, трудно. Николай Макарович играл всю жизнь. Его внутренний театр тотальной пародии естественным образом сблизил его с обэриутами с их манифестацией карнавала. И всё же он не примкнул к группе реального искусства. Яков Друскин писал: «Хармс играл самого себя, а кого играл Олейников – не знаю». В отличие от обэриутов при всём их безумии и абсурде Олейников не столько самовыражался в персонаже, сколько прятался за ним. Эту жутковатую, почти демоническую игру Олейникова имеет в виду А. Герасимова, замечая, что его «жизнь не плавный процесс, а дискретное мерцание, постоянное протейское превращение, так что непонятно уже, о ком идёт речь»...

Убил ли Николай Олейников отца своего Макара? Никто не может утверждать со всей достоверностью. Мог ли убить? Пожалуй, что и мог. Шолохов или не Шолохов, но автор «Тихого Дона» всё нам про это рассказал. А Олейников

как раз и был из этих героев, живой персонаж «Тихого Дона», сын жестокого малограмотного казака, страшного (записывает со слов Олейникова в дневнике Е. Шварц) настолько, что «сын не в силах был представить себе, что кто-нибудь может относиться к отцу иначе, чем с ненавистью и отвращением». Николай Макарович со странным удовольствием демонстрировал желающим спину, исполосованную шрамами от шомполов, которыми, как он утверждал, отец «воспитывал» его. Когда в 1918 году немцы отрезали Дон от красных частей, Олейников, уже сделавший свой выбор в пользу большевиков, решил всё же искать спасения и укрытия дома, в родной станице Каменской. Но зверюга-отец сдал его, Николая забили едва не до смерти. Чудом он сумел выбраться из подвала, служившего камерой смертников, и буквально переползти в соседнюю станицу к деду. Дед пожалел и дал отлежаться.

Можно было в состоянии аффекта, а хоть бы и обычной ярости, подогреваемой лихорадкой непримиримой войны и фронтовым кошмаром, замочить такого отца? Исследователи ищут ответ в освобождении от эдипова комплекса. Мне кажется, венская школа слабовата против разгула русских страстей. Олейников же был «умён, силён, а главное – страстен. Со страстью любил он дело, друзей, женщин и – по роковой сущности страсти – так же сильно трезвел и ненавидел, как только что любил... И в состоянии трезвости находился он много дольше, чем в состоянии любви или восторга. И был поэтому могучим разрушителем... И ничего не прощал...» (Е. Шварц).

Ничего не прощал. И псевдоним себе взял подходящий – Макар Свирепый. Привет папаше. Этот Макар Свирепый – лихой красный конник, герой комиксов, что печатались из номера в номер в детских журналах «ЧИЖ» и «ЁЖ», – единственная дань бывшего красноармейца своему военному опыту. В отличие от многих Олейников помалкивал о фронтовом прошлом. Описание жестокостей войны презрительно именовал «кишочками». Реальность вообще была для Олейникова в основном объектом пародии, как собственная личность и её внутренняя жизнь могли оставаться на бумаге только в виде шаржа. Ни один из его серьёзных любовных сюжетов (а Николай Макарович был крупным специалистом по этому вопросу) не получил литературного воплощения. Куча посвящений дамам при всей игривости были исключительно шутейными, никого из адресаток не связывали с Олейниковым реальные отношения.

Любовь пройдёт. Обманет страсть. Но лишена обмана

Волищевная структура таракана.

О, тараканьи растопыренные ножки, которых шесть!

*Они о чём-то говорят, они по воздуху каракулями пишут,
Их очертания полны значенья тайного...*

Да, в таракане что-то есть,

Когда он лапкой двигает и усиком кольшиет.

А где же дамочки, вы спросите, где милые под ружки,

Делившие со мною мой ночной досуг,

*Телосложением напоминавшие графинчики,
кадушки, –*

Куда они девались вдруг?

Иных уж нет. А те далеке.

Сгорели все они, как свечи.

*А я горю иным огнём, другим желаньем –
Ударничеством и соревнованьем!*

«Зелёный, южный, весёлый город с разноцветными домами и домиками, с галерейками вдоль окон...» Так по воспоминаниям М. Слонимского выглядел центр Донецкой губернии город Бахмут (сейчас Артёмовск). Сюда в 1921 году приехал пробовать свои силы в журналистике «красивый, 22-летний» Олейников. Между прочим, и правда красивый. Когда через два года он собрался в Ленинград (почему-то, по легенде для начальства, поступать в Академию художеств – помните, в одном хорошем фильме герой говорит: «Дай, думаю, совру – да и соврал»), то ради смеха вытребовал себе справку: «Сим удостоверяется, что Олейников Николай Макарович действительно красивый». «Разводил», как обычно, Олейников Николай Макарович с таким серьёзным и деловым лицом, что начальник поверил, будто бы в Академии художеств принимают только красавцев.

Газета «Всероссийская кочегарка» выходила в Бахмуте с 10 декабря 1920 года. Работала по двадцать часов в сутки, спали в типографии. Именно «Кочегарка», благодаря своей крайней бедности, первой из ведомственных советских газет начала создавать рабкоровский корпус. Большинство заметок поставлялось Удалым, Громобоем, Чаво-тебе, Васькой Усом, Путником, Коксовиком, комсомольцем Сенькой, Ландышем, сыном Донбасса, Тарасом Бульбой, Тигром, рабкором Мозоль, Таракашкой... Под псевдонимами ещё можно было писать в газету правду.

Оттачивали перья и штатные сотрудники. Ответственный секретарь Николай Олейников в мае 1922 года опубликовал разгромный фельетон «Культраба в селе Лузовая-Павловка»: «А ведь имеется заведующий электробиографом (установка для кинопоказа. – Прим. авт.) гр. Солдаткин. Интересно знать, куда он смотрит? Почему он допустил такое расхищение и разрушение народного хозяйства? Не мешало бы кому следует взять его за ушко да на солнышко посмотреть, не в пушку ли его рыльце, и проучить, чтобы знал, что народное достояние надо лучше блюсти,

чем свою персону!» Нетрудно проследить, откуда растут ноги зощенковского лирического героя.

Искушённые в пародийном, ироническом методе авторы знают, какой питательной почвой для этой поэтики могут стать графоманские тексты. Молодой Олейников коллекционировал перлы из почты, и даром это ему не прошло.

Уж небось струна-другая дрогнула в особом поэтическом устройстве Николая Олейникова от рабочей «песни»:

*Рабочий мало получает,
день-день-день,
и через это он страдает,
день-день-день...*

Другой донбасский поэт писал:
*Когда мне было лет семнадцать,
Любил я девочку одну,
Когда мне стало лет под двадцать,
Я прислонил к себе другу.*

А через пять лет чётким эхом Николай Олейников сочиняет признание сотруднице Детского отдела «Госиздата» Груне Левитиной, в которую они со Шварцем были как бы влюблены и поносили друг друга в ревнивых стихах:

*Я влюблён в Генриетту Давыдовну,
А она в меня, кажется, нет.
Ею Шварцу квитанция выдана,
Мне квитанции, кажется, нет.*

В 1923 году в «Кочегарку» приехали из Ленинграда Евгений Шварц и Михаил Слонимский – наладить связи с местными литераторами. Их встретил чубатый хлопец. Выслушал вежливо, солидно. Со словами «прошу вас подождать» уединился в кабинете главного редактора. А через минуту оттуда вылетел маленький толстяк и, схватив Слонимского за обе руки, стал едва ли не на коленях умолять его немедленно, сию же минуту сделаться редактором какого-то журнала...

С тех пор как местная власть решила «подтянуть культурку» и создать литературный журнал, ответсек «Кочегарки» Николай Олейников потерял покой. Такое издание было его мечтой. Но какой литературный журнал в условиях Донбасса начала индустриализации?

Случайным визитом молодых ленинградских писателей Олейников распорядился по-своему. Сообщил редактору, что вот тут сейчас находится проездом пролетарский Достоевский и его надо, пока не очулся, немедленно «посадить на журнал». Обалдевший Слонимский согласился. Согласился за компанию и Шварц. Именно он стал самым близким, самым душевным другом Олейникова – если у того, крайне закрытого, беспощадно злоязычного, вообще могли быть друзья. Но они были. И было их не так уж мало. Николай Олейников обладал двумя золотыми качествами: умел

«ОДНАЖДЫ СКЛОЧНИК В ИСТОЧНИК ПЛЮ- НУЛ С ВЫСОТЫ... С ТЕХ ПОР ИСТОЧНИК С НИМ НА ТЫ»

НИКОЛАЙ ОЛЕЙНИКОВ

страстно работать и страстно, совершенно безбашенно веселиться. За это можно простить многое.

К тому же все они были молоды, талантливы и легки на подъём. И пока, как влитые, подходили той стране. А страна подходила им.

Название, убеждал новых коллег Евгений Шварц на первом собрании, должно быть не банальным, не затасканным и в то же время близким сердцу шахтёра. Главный соредактор Слонимского В. Валь («номенклатура»), согласно и ласково кивая, выслушал Шварца и козырнул «прекрасным названием для журнала»: «Красный Ильич». Увы, губком его не одобрил, а утвердил предложенное Шварцем «Забой».

Журнал, о котором «до умоисступления» мечтал Олейников, начал выходить приложением к «Всероссийской кочегарке» в октябре 1923 года. Неожиданно он стал тем же, чем в своё время был московский «Гудок» Булгакова, Ильфа и Петрова, Олеси. В «Забое» кроме Олейникова печатались Зоценко, Шварц, Слонимский, Ходасевич, Всеволод Иванов, Бабель, Маяковский...

Олейников тогда стихов не писал. Поэтический шлюз открылся в нём под влиянием Шварца. Поначалу это были, так сказать, «альбомные» стишки, которыми друзья смешили друг друга и всех вокруг.

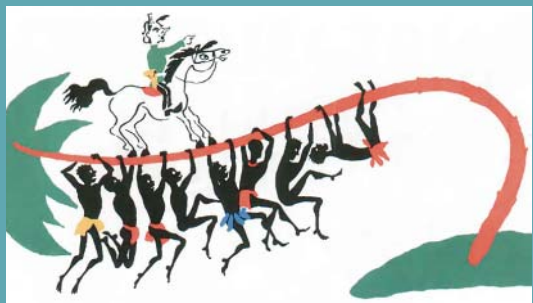
*Ненавижу я Шварца проклятого,
За которым страдает она!
За него, за умом небогатого,
Замуж хочет, как рыбка, она...*

И прочее в том же роде.

Вообще говоря, с ранней юности (получив образование в объёме четырёх классов реального училища) Коля Олейников дрейфовал в сторону математики. И проявлял по этой части какие-то необъяснимые способности – если учесть, что

ПРИКЛЮЧЕНИЯ МАКАРА СВИРЕПОГО

– Вся Африка
будет читать
«ЁЖ», –
сказал Макар,
вскочил на коня
и во весь опор
ринулся
на пароход.

► Михаил Зощенко ► Евгений Шварц ► Даниил Хармс

до всего доходил своим умом, лишь совсем уже взрослым человеком начал читать специальную литературу. Возможно, только гибель помешала ему закончить труд по теории чисел, над которым он работал все десять лет жизни в Питере.

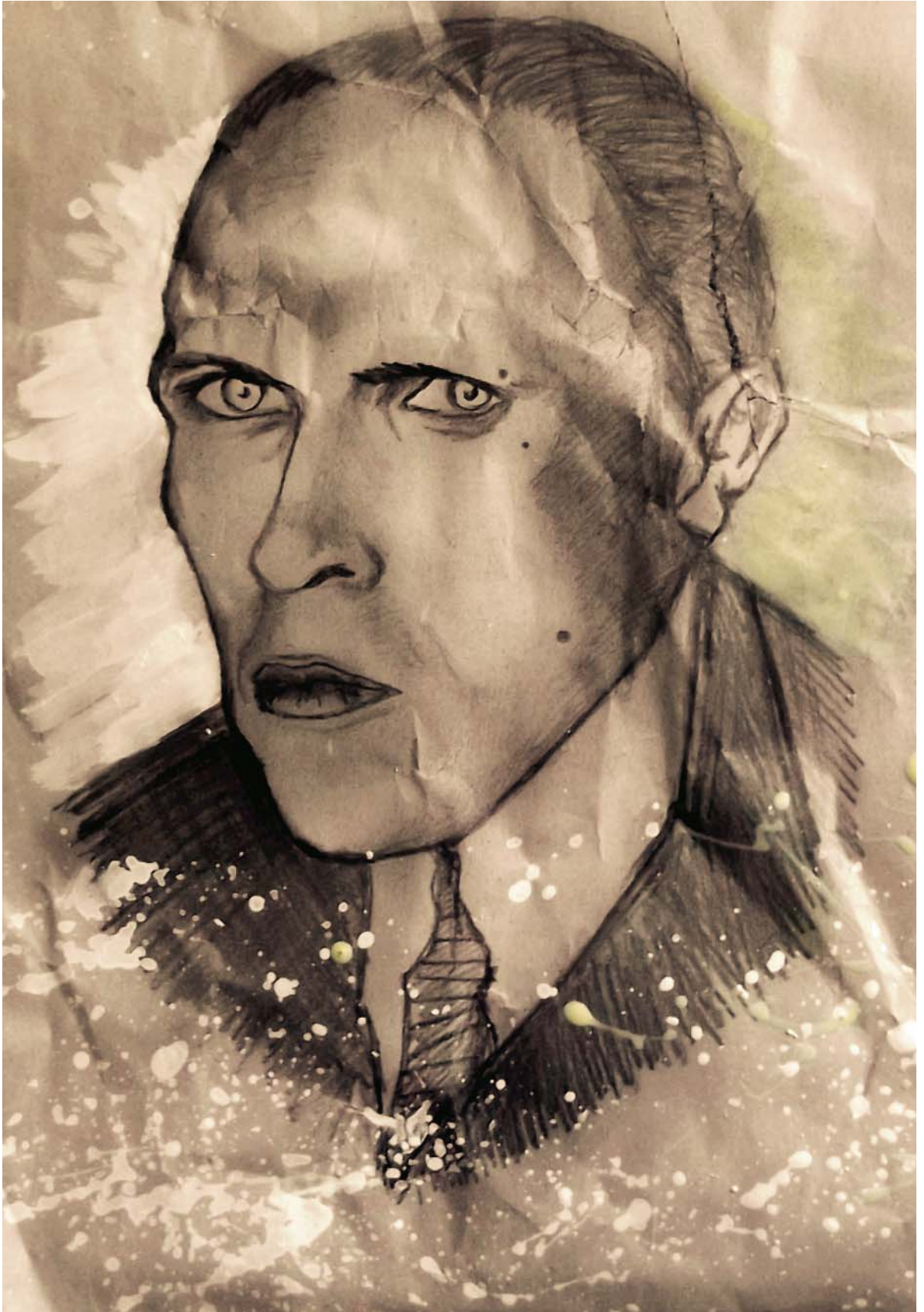
Не думаю, что математический дар и те открытия (а в случае с Хлебниковым – откровения), которые вспыхивали в мозгу самых загадочных поэтов XX века – Хлебникова, Хармса и Олейникова, – случайное совпадение. Может быть, тут есть связь с природой гения, который открывает (которому открывается) новое тайное знание. Он как бы впитывает его из ноосферы. Литература это или математика – не существенно. «Они не искали новой формы. Они не могли писать иначе, чем пишут. Хармс говорил – хочу писать так, чтобы было чисто. У них было отвращение ко всему, что стало литературой. Они были гении, как сами говорили шутя. И не очень шутя» (Е. Шварц).

Литературу тут следовало бы взять в кавычки, это понятно: вся старая культура, пафос и красоты символизма, пошлость и мусор штампов... Олейников чтит одного лишь предшественника – Хлеб-

никова, конечно. И, никогда ничему регулярно не учась, был, по общему мнению, «умён неописуемо».

Двоящийся Олейников не только хотел не быть великим поэтом. Он, вероятно, хотел вообще не быть поэтом. Предпочитал оставаться просто талантливым шутником. Спрятаться за свои острые слова, как признался Лидии Гинзбург, спрятать себя от всех, спасаясь таким образом от чего-то инфернального, чему ещё не знал названия. По счастью, Николая Макаровича окружали конгениальные ему люди. Шварц, Хармс, Заболоцкий, Введенский, Житков, Друскин, Н. Чуковский, отчасти Маршак и другие, товарищи не только по перу, прекрасно понимали масштаб поэта Николая Олейникова, как и человеческий его масштаб, – одного без другого не бывает. Вовсе скрыться ему не удалось. Во всех воспоминаниях и исследованиях об Олейникове авторы говорят о некой тайне. А. Герасимова называет его «трикстером» – героем, подменяющим себя плутовской маской.

Его не поддающийся имитации «почерк Леонардо» – это прежде всего снижение, облечение в шуточную форму (травестия) экзистенциальных

переживаний. И в то же время избыточный поэтический класс «застольных» и «детских» стихов. Можно соглашаться или не соглашаться, что стихи Олейникова вообще не есть «шуточные стихи». Но то, что Николай Олейников погружается в тему смерти тяжело и неуклонно, как субмарина, не заметить трудно. Его юмор становится всё чернее. Происходит это не столько по субъективной, сколько по объективной, исторической причине. Ведь «поздний» Олейников – это середина самых жутких советских лет – 30-х.

Однажды в издательство, где я работала, приехал Александр Градский с невероятно смешными – не песнями, а типа ораториями Леонида Десятникова, в их числе с такой:

*...Если ты помотришь в сад,
Там почти на каждой ветке
Невесёлые сидят,
Будто запертые в клетки,
Наши старые знакомые
Небольшие насекомые:
То есть пчёлы, то есть мухи,
То есть те, кто в нашем ухе
Букву «Ж» изготовляли,
Кто летали и кусали
И тебя, и твою Шуру
За роскошную фигуру.
И бледна, и нездорова,
Там одна блоха сидит
По фамилии Петрова,
Некрасивая на вид...
...Страшно жить на этом свете,
В нём отсутствует уют,
Ветер воет на рассвете,
Волки зайчика грызут...
Лев рычит во мраке ночи,
Кошка стонет на трубе,
Жук-буржуй и жук-рабочий
Гибнут в классовой борьбе...
И блоха, мадам Петрова,
Что сидит к тебе анфас, –
Умереть она готова,
И умрёт она сейчас.
Дико прыгает букашка
С бесконечной высоты,
Разбивает лоб бедняжка...
Разобьёшь его и ты!*

На самом деле баллада была вдвое длиннее и смешнее (ещё и потому, что исполнялась роскошным оперным голосищем). Трудно поверить, но тогда, в начале 80-х, мы не знали ни этого текста Олейникова, ни других, за исключением «Таракана» и «Карася» («Маленькая рыбка, жареный карась, где ж ваша улыбка, что была вчерась...»). Да и их с пятое на десятое:

*Таракан сидит в стакане,
Ножку рыжую сосёт.*

*Он попался. Он в капкане.
И теперь он казни ждёт.*

Вот, собственно, и всё. А ведь и «Надклассовое послание» про блоху мадам Петрову (1932), и «Таракан» (1934), да и многие другие поздние стихи, конечно, принадлежат поэту, который остро ощущает трагизм жизни, хотя и закапывает его, как тайные письма, глубоко в нелепицу, абсурд и шутку.

*...Таракан к стеклу прижался
И глядит, едва дыша...*

*Он бы смерти не боялся,
Если б знал, что есть душа.*

*Но наука доказала,
Что душа не существует,
Что печёнка, кости, сало –
Вот что душу образует.*

*Против выводов науки
Невозможно устоять.*

*Таракан, сжимая руки,
Приготовился страдать...*

*Сто четыре инструмента
Рвут на части пациента.*

*От увечий и от ран
Помирает таракан...*

*Там, в щели большого шкапа,
Всеми кинутый, один,*

*Сын лепечет: «Папа, папа!»
Бедный сын!*

*И стоит над ним лохматый
Вивисектор удалой,*

*Безобразный, волосатый,
Со щипцами и пилкой.*

*Ты, подлец, носящий брюки,
Знай, что мёртвый таракан –*

*Это мученик науки,
А не просто таракан...*

*Его косточки сухие
Будет дождик поливать,*

*Его глазки голубые
Будет курица клевать.*

Ахматова говорила, что Олейников пишет, как капитан Лебядкин. «Она думает, что Олейников – шутка, что вообще так шутят» (Л. Гинзбург). Вкусовой предел классического поэта – Мандельштам. Обэриуты – за этим пределом. Кстати, не зря «Таракану»-то предпослан эпитафия (хотя перевёрнутый): «Таракан попал в стакан. Достоевский»...

Нелепость, несуразность экзистенции – тот уровень сверхнового в поэзии, что делает Олейникова поэтом XXI века, намного опередившим современных ироников.

*...Вот ты сидишь сейчас в красивом платье
И дремлешь в нём, а думаешь о Нём,*

О том, который из-за вас поплатится, –

Он негодяй и хам (его мы в скобках Шварцем назовём).

Живи, любимая, живи, отличная...

Мы все умрём.

А если не умрём, то на могилку к вам придём.

Ну не весело ли? Это 1928 год. А вот 1932-й. Всего четыре года, а столб атмосферный давит, как оглобля:

*...В траве жуки проводят время
в занимательной беседе.*

Спешишь кузнечик на своём велосипеде.

Запутавшись в строении цветка,

Бежит по венчику ничтожная мурашка.

*Бежит, бежит... Я вижу резвость эту, и меня
берёт тоска,*

Мне тяжело!

*Я вспоминаю дни, когда я свежестью превосходил
коня,*

И гложет тайный витамин меня,

*И я молчу, сжимаю руки... – совершенно как
достоевский таракан.*

Новые друзья Олейникова, Шварц и Слонимский, вернулись в Ленинград в 1923 году. Через год Николай Макарович получил направление ЦК в редакцию «Ленинградской правды». Начало карьеры для молодого (26 лет) журналиста – впечатляющее. Газетой в те годы руководил Зиновьев. Понятно, какое будущее ожидало сотрудников, притом что «Ленправда» находилась в прямой оппозиции к «главной», московской «Правде». В 1935-м, после туруханской ссылки, расстреляли Владимира Матвеева, старого большевика, ответсека газеты. В своё время Олейникову припомнили и дружбу с ним.

Но до чёрного кошмара 30-х ещё целое десятилетие, а пока живы так называемые «ленинские нормы», и Коля Олейников – вполне себе убеждённый партиец, хотя червяк сарказма уже начал свой подкоп под внешне неколебимую стену его убеждений.

– Кем бы вы хотели у нас работать? – спросил Матвеев молодого назначенца.

– Ответственным секретарём.

– Но позвольте, ведь это я – ответственный секретарь!

– Ничего не поделаешь, – улыбнулся Олейников. – Я действительно хочу работать ответственным секретарём...

Бог миловал Олейникова от партийной топки, отпустил ему несколько лишних лет жизни. Вместо угрюмой «Ленинградской правды» он оказался в детском журнале «Новый Робинзон». Из этой редакции вскоре и пророс знаменитый Детский отдел «Госиздата», придуманный Корнеем Чуковским и взятый под своё корифейское крыло

умнейшим и хитрейшим Маршаком. Там же пришвартовался и Шварц.

До поры до времени Маршак всячески поощрял дикое веселье, в котором рождались чудесные детские журналы «ЧИЖ» и «ЁЖ» и вообще протекало ликующее «детство детской литературы» (Н. Чуковский). Все, кому повезло тогда забредать на пятый этаж «Госиздата» на Невском, вспоминают, как сотрясался Детский отдел от сумасшедшего хохота. Посетители, рассказывает Николай Чуковский, до того слабели от смеха, что выходили на лестничную площадку, держась за стены, как пьяные.

Так однажды зарулили туда Леонид Пантелеев и Григорий Бельх с рукописью «Республики ШКИД». Юные соавторы робко поднимаются на пятый этаж «дома Зингера», и тут из дверей вываливаются на площадку два красавца на четвереньках. Причём один, весь из себя пышноволосяный царевич, радостно возвещает: «Я – верблюд!» И тут же светски обращается к визитёрам:

– Вам что угодно, юноши?

– Маршака... Олейникова... Шварца, – лепечут те.

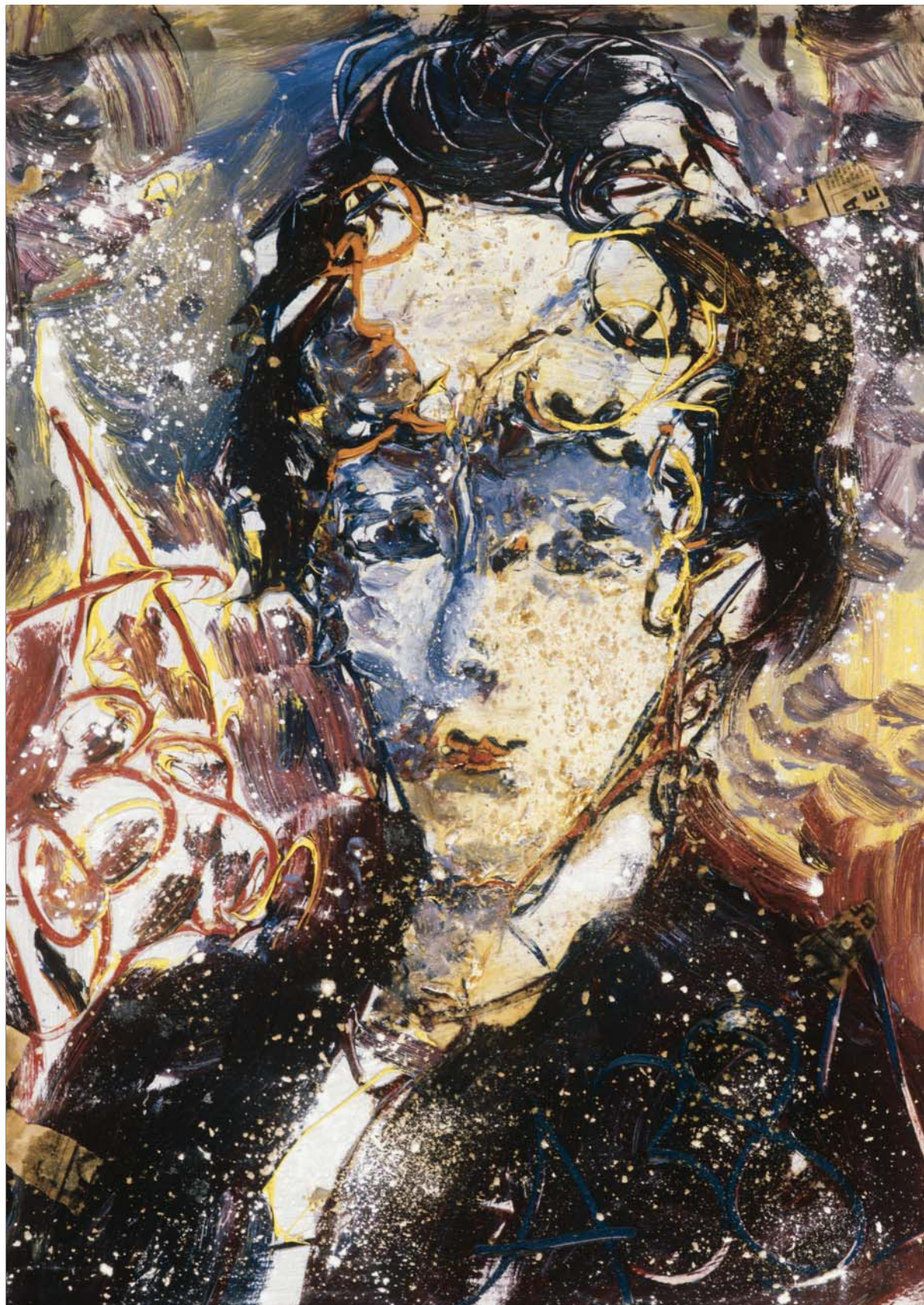
– Олейников! – Царевич поднимает правую переднюю лапу.

– Шварц! – представляется другой.

Компания собралась вполне безумная: Хармс, Заболоцкий, Введенский, практикант Ираклий Андроников, Борис Житков...

Считается, что в Советском Союзе большие писатели уходили в детское «подполье», так как оно позволяло писать то и так, что взрослая проза и поэзия переварить не могли. Как всякая банальность, это верно только на первый взгляд. А «в действительности всё не так, как на самом деле» (Станислав Ежи Лец). Сочинять для детей вообще мало кто может. А то, что происходило в Детском отделе ленинградского «Госиздата», и вовсе не было каким-то спланированным бегством от огорчительно тусклого мира. Так звёзды сошлись, что в какой-то момент именно там двое друзей с совершенно особым устройством мозгов создали некий микроклимат, атмосферу, озонированную неисчерпаемым озорством, бесконечным карнавалом. И это нарядное, феерическое бытие, пиршество юмора и игры не могло не примагнитить людей одной крови с этими «клоунами» – Олейниковым и Шварцем.

При этом Хармс, как известно, всячески прокламировал, что терпеть не может детей и хорошо бы их всех свалить в яму и засыпать известью. Олейников в свою очередь получил плачевный сыновний опыт, отца ненавидел (и не исключено, что убил). При этом оба остались в созвездии первой детской литературы. Олейников, заметим, не поэтом и даже не прозаиком, а персонажем. Макар Свирипый был совсем не свирипым, а смешным до абсурдности. (Это в свой час тоже аукнулось

► Велимир Хлебников ► Самуил Маршак ► Николай Заболоцкий

как издевательство над Красной армией.) Борис Антоновский рисовал «сериалы», герой которых сильно смахивал на Николая Макаровича – чуб, хитрые глаза, казацкая лихость. Подписи под этими картинками Олейников писал с той степенью весёлой и дурашливой свободы, с какой друзья пишут друг другу письма. Или особо остроумные пользователи сочиняют свои посты на «Фейсбуке».

Детская литература и вообще мир детства были для этих шутников не паллиативом творчества, а игрой, без которой они не могли обходиться.

Счастье «милого дома» Зингера продолжалось до 1936 года. До того момента, пока Маршак с его феноменальным нюхом не стал избавляться от слишком ярких соратников. Шварц, Олейников, Хармс, Введенский, Заболоцкий, Н. Чуковский, Житков, Андроников были не просто коллегами. Каждого, как ему казалось, связывали с хозяином Детского отдела дружба и единомыслие. Предательство мэтра подкосило всех.

Впрочем, Олейников, самый умный и взрослый из компании в силу «беспощадного жизненного опыта» (Шварц), давно не обольщался на счёт

Самуила Яковлевича. Его работу называл эрзацем, стиль общения с авторами считал менторским, не доверял обаятельному дружелюбию.

Возможно, поэт раньше других понял то, о чём лишь спустя годы написал Николай Чуковский. «Маршак, всегда обладавший острейшим чувством времени, ощущал грань, отделявшую двадцатые годы от тридцатых. Он понимал, что пора чудачеств, эксцентриад, дурашливых домашних шуток, неповторимых дарований прошла. В наступающую эпоху его могла только компрометировать связь с нестройной бандой оригиналов, чей едкий ум не признавал никакой иерархии».

«Детиздат», сменивший Детский отдел, превратился в благочинную, серьёзную контору: учреждение. Место безбашенных «верблюдов» заняли четыре грамотные девушки, религией их была редактура, а мессией – Маршак.

Олейников был изгнан первым. Его ответом стали презрение и жгучая ненависть (помним – «ничего не прощал»). При каждом удобном случае глумился над Маршаком с таким аппетитом и блеском, что вскоре глубоко почитаемый в Ленинграде крупный деятель культуры сделался

в обширном олейниковском кругу каким-то пугалом, столь же уморительным, сколь и гнусным.

Из всей команды отверженных Олейников оказался в самом плачевном положении. Во-первых, писать для взрослых прозу он не хотел и не умел, а его «взрослые» стихи печатать было невозможно не только в стерильные, люто серьёзные 30-е, но и почти шестьдесят лет спустя. Первый относительно полный поэтический сборник Олейникова «Пучина страстей» вышел в 1989 году. Во-вторых, к тому времени Николай Макарович женился и стал отцом. Вопрос заработка встал в полный рост.

Пионервожатую Ларису (он называл её Рарочка) Николай запеленговал, выступая перед пионерами на Путиловском заводе. Чистенькая, сероглазая почти что отроковица в красном беретике чем-то зацепила выдавшего виды донжуана. До сих пор Николаю Макаровичу нравились роковые красавицы вроде жены Альмана Ирины Щёголевой. А тут девчонка, детские ручки торчат из коротковатых рукавов какой-то перелицованной жакетки... Олейников некоторое время обхаживал новую любовь, шептал ей в чистые ушки про серые глаза, а потом взял да исчез. Рарочка, уже влюблённая по уши, не выдержала и пришла к нему в мансарду сама, чтобы остаться навсегда (а этому «всегда» суждено было продлиться шесть лет).

Быть женой деспотичного Олейникова было непросто. Если, например, ему хотелось выпить с дружками-художниками – Лебедевым, Пахомовым, Курдовым, Рарочку просто гнали вон.

Что, конечно, ерунда по сравнению с тем, какие страдания и унижения ожидали Ларису Александровну с конца 1937 года...

Сейчас-то мы знаем, что советскую литературу (и не только литературу) сталинская гильотина обезглавила не за политику. Но следователи, состряпавшие «дело Олейникова», как и тысячи других дел творческой, научной, военной интеллигенции, хотя и не были законченными идиотами, всё-таки разрабатывали версию «шпионажа в пользу Японии» более или менее серьёзно.

А сотрудник Эрмитажа, востоковед Дмитрий Жуков, только что вернулся из Токио. Ну грех же не взять на карандаш. А Коля, что ни день, пропадает у Жуковых в коммуналке, и под вой двух примусов на кухне, под водочку, картошечку и лучок в постном масле они с Митей поют на мотив «Дубинушки» очередной бедовый слоган про труд, который есть «дело чести, дело славы, дело доблести и геройства»...

Между тем на дворе ещё 32-й, 33-й год. Олейников пишет свои лучшие стихи. Обретает наконец уверенность в своём именно поэтическом мастерстве, легко сметая все законы и установления ритма, размеров и семантики.

Хвала тому, кто первый начал называть котов и кошек человеческими именами,

Кто дал жукам названия точильщиков, могильщиков и дровосеков...

Одновременно он продолжает пока свою вполне советскую работу в «Госиздате», редактирует детские журналы. Пишет сценарии. То есть пашет, как ни крути, на ниве идеологической конъюнктуры. Он коммунист, член Ленинградской писательской организации (впрочем, его «вредную, опошляющую Красную армию» книжку «Танки и санки» уже изъяли). А Герасимова утверждает, что такая двойная игра оказалась стихией Олейникова и он «чувствовал себя, как рыба в воде». Сомневаюсь. Хотя можно вообразить, что для «трикстера» из чёрной трагикомедии, то и дело меняющего маски, эта рулетка была таким странным и страшным, извращённым источником адреналина. Как для героя «Охотника на оленей», который неделю за неделей крутил барабан пистолета – и оставался живым.

Олейников пишет достаточно откровенное стихотворение «Перемена фамилии» – вроде бы о популярном в те годы акте. Сплошь и рядом люди меняли фамилии: слишком простецкие – на «красивые», с «поповским налётом» – на «революционные». В общем, «Какашкин на Любимов». У Олейникова эта бытовая процедура ведёт к драме, к шизофренической гражданской войне внутри личности: «И мне же моя же нога угрожала». Кончается дело самоубийством: «Орлова не стало. Козлова не стало. / Друзья, помолитесь за нас».

«Таракан» был очень умён и знал, что он в капкане. Он хорошо видел своих вивисекторов. Но тексты, которые он в покаянной речи 1935 года назовёт «юродствующей юмористикой», продолжали ходить по рукам в списках, и это было для него важно. Важнее той пули, которая однажды, через месяц или через год, вышибет ему мозги.

Короче говоря, случилось то, что должно было случиться: в 1935 году, ещё до ждановской команды «фас!» в связи с «вредительством» в детской литературе, встал вопрос об исключении Олейникова из партии. Десять лет назад его «постановили считать проверенным». Десять лет Николай Макарович играл свою загадочную игру. Десять лет водил режим за нос.

Его покаяние некоторые исследователи предлагают отнести к прозе, настолько издевательски-пародийно оно звучит (синтаксис сохранён):

«Я должен был остановиться и понять, в какую тину засасывает меня моя юродствующая юмористика. Я думал заклеить пошлость а получилось воспевание пошлости, думал заклеить любовную глупость а получилась порнография... Со всей искренностью и прямоотой я заявляю что раз и навсегда порываю со стихами подобного рода.

Мне становится страшно при мысли что я навсегда буду лишён возможности быть в первых рядах строителей социализма. Вне рядов партии я не мыслю своего существования...»

И снова не тронули! Карась опять ускользнул, хотя его улыбка уже не цвела, как «вчерась». Олейников болел, мрачнел, избегал вечеринок, которые так любил когда-то. На плаву его держал только новый журнал «Сверчок», который начал выходить в Москве в январе 1937 года.

Весной 1937 года арестовали Дмитрия Жукова. Узнав об этом, Олейников тут же позвонил его жене Лидии: «Всё остаётся как было. Как дружили, так и будем дружить». Через два месяца взяли самого Николая Макаровича. Во время обыска пропали все бумаги – стихи, проза, математические разработки.

20 июля Лариса приехала с дачи – квартира опечатана. Мимо проходили люди, стараясь не заметить, не узнать. Простояла под своей опечатанной дверью несколько часов. Никто не предложил зайти, не вынес стула. Нормальное, порядочное поведение самого Олейникова оказалось благородством самого редкого разбора.

В те дни мало кто заходил в квартиру с табличкой на двери: «Поэт и светлый гений». Но зато Рарочку стал посещать элегантный мужчина, представился следователем Николая Макаровича. Ходил, по её словам, «как нанятый, как окаянный». Как-то раз спросил годовалого Сашу: «Я увижу папу, что ему передать?» Тот ответил: «Ёлки-палки!»

В то лето подгрести всё окружение Жукова. Конвейерными допросами, побоями, пытками из учёных и писателей выбивали показания друг на друга, устраивали мучительные очные ставки.

Когда читаешь свидетельства выживших, волосы встают дыбом, и рука не поднимается переписывать инквизиторские ужасы допросов. Вот когда оцениваешь силу донского казака Олейникова, который продержался восемнадцать суток. Но и подтвердив своё участие в шпионской группе и вербовку Жукова, он продолжал отказываться от других обвинений. Только 10 сентября, через пятьдесят дней, подписал всё. Лишь на вопрос о Маршаке сказал, что они в ссоре и не общаются. Станным образом о Самуиле Яковлевиче его больше не спрашивали.

Японский сюжет не кажется мне таким уж нелепым в жизни Олейникова. За казачьей внешностью Макара Свирепого я вижу порой бесстрастного самурая, который шёл к своей смерти избранным путём, как велит ему его кодекс...

В ноябре элегантный следователь Слепнёв велел Ларисе принести для Николая Макаровича тёплые вещи. Рарочка много часов стояла с тюком зимней

одежды на углу Литейного и Невы. Ветер с реки высекал слёзы, которые тут же леденели. Стенело. «И я подумала: из окон НКВД видно меня. Сейчас он указывает на меня Николаю и говорит: «Вот видишь, она стоит и ещё будет стоять», – и требует у него признания».

Олейников был расстрелян вместе с Жуковым в числе пятидесяти «японских шпионов» в один день – 24 ноября 1937 года. Всего в тот день в Ленинграде расстреляли 719 человек.

Воспоминания Ларисы Олейниковой не датированы. Не исключено, что в день, когда она умирала от холода на набережной, всё уже было кончено.

Двадцать лет, в ссылке и после неё, Лариса Александровна добивалась хоть какого-то ответа о судьбе мужа. 5 июля 1957 года (!) военная прокуратура сообщила, что дело Николая «Макарьевича» «направлено для окончательного разрешения в Главную военную коллегия Верховного суда СССР». Ещё через два месяца Военный трибунал Воронежского военного округа известил её «о смерти Олейникова Николая Макаровича 5 мая 1942 года от возвратного тифа», а также о его полной реабилитации.

Бунин в «Окаянных днях» писал про абсурдных «конных матросах», которых встретил в Крыму. Таким матросом-всадником был Макар Свирепый, с поразительной уверенностью направляющий (как в одном из комиксов) своего коня, подкованного спасательными кругами, по бурному морю, в самую пучину страстей. Его загадка – это загадка уникального типа «раннесоветского человека», о котором размышляет писатель и критик Олег Юрьев (предлагающий самые, по-моему, интересные версии становления Олейникова-поэта и разбалансировки Олейникова-человека). «Раннесоветский человек» находился «на лезвии бритвы между старым миром и новым, старой и новой культурой... Бритва резала ему пятки, а он танцевал на лезвии, пока мог. Но приходилось или меняться вместе со всем обществом, или погибать».

С Олейниковым произошло и то и другое.

Нам перепали немногие стихи, стишки и стихота, а также разноречивые документы, по которым, как по картам таро, остаётся гадать, какая из масок, кто из двойников и симулякров был настоящим Николаем Макаровичем Олейниковым.

Стремится понять его, надо быть готовым к тому, что, когда мы вроде бы уже близки к разгадке, Макар Свирепый или изменился до неузнаваемости, или канул невесть куда, оставив по себе условную могилу на Левашовском кладбище. ☉

Автор благодарит литературоведа А. Герасимову за помощь в подготовке материала.

Это просто чума

*Как болезнь, убившая каждого второго европейца,
помогла Западу построить капитализм?*

ИЛЬЯ НОСЫРЕВ

Мой знакомый в девяностые работал начальником санитарно-эпидемиологической станции в Казахстане. Ранней весной, когда в степи пробуждалась жизнь, он со своими сотрудниками, вооружившись баллонами с ядами, отправлялся в самое сердце Казахской степи – там, среди цветущих тюльпанов и маков, они несколько дней подряд заливали ядом норки крыс и мышей – основных разносчиков чумной палочки. Он пояснял мне важность своей работы: если оставить грызунов в покое хотя бы на год – мир поразит самая настоящая эпидемия чумы. Здесь, говорил он, под землёй, неслышно бьётся Сердце чумы – в почве обитают сурки, тушканчики и крысы, на которых паразитируют бактерии чумной палочки. Для многих грызунов чума не летальна, не сразу умирают от неё и пьющие их кровь блохи. Однако люди, решившие сделать в этих землях привал, станут лёгкой жертвой чумы – блохи охотно поделятся с ними бактериями, живущими в их кишечном тракте. В старину Сердце чумы редко беспокоили – конечно, кочуя по степи, какое-то племя могло остановиться здесь, но заразить соседей оно вряд ли успело бы: болезнь убивает быстро, и племя уже не имело шансов увидеть лица других людей. Для того чтобы выпустить злого духа на свободу, нужен был по-настоящему крупный отряд – и он появился здесь лишь единожды в истории, когда триумфальный поход из этих мест начала знаменитая Чёрная смерть, посетившая Европу в XIV веке. Впрочем, не будем забывать, что в пустынях и степях мира бьётся и несколько других Сердец чумы.

Главные действующие лица этой истории – не люди, а микробы. Куда более многочисленные, чем любые орды кочевников, они лавиной шли по континентам, опустошая города и приводя в ужас уцелевших. Кто бы мог подумать, что крошечные бактерии чумной палочки могут не просто убивать людей, но и менять расстановку политических сил, структуру общества и законы! За всю исто-

рию в мире было три пандемии чумы, и каждая приводила к последствиям национальным, политическим и экономическим. Например, «чума Юстиниана», обрушившаяся на Европу в VI веке, помешала амбициозному императору вернуть Византии утраченное величие Римской империи: даже завоевав Италию, побережье Африки и Испании, византийцы не смогли удержать эти территории, поскольку чума унесла с собой половину армии и большую часть налогоплательщиков, подорвав финансы империи. Существует даже версия, что в эту эпоху почти всё исконное население Греции было убито болезнью. Откуда же взялись современные греки? Ими стали населившие опустевший полуостров славяне, воспринявшие от немногочисленных выживших аборигенов греческий язык и культуру. Чума оставила в культуре человечества сотни образов – и не только из-за ужаса, который вызывала неспособность справиться с болезнью. Как любое страшное бедствие, она обнажала истинные мотивы людей – их ограниченность и алчность, трусость и стремление к власти. И всё-таки чума дала примеры не только слабости человека, но и героизма.

Великий поход

В 1346 году войско хана Золотой Орды Джанибека после долгого похода вышло на восточный берег Крыма. Позади были сожжённые аулы Казахстана, разгромленные становища кочевников Великой степи. Но главная цель была тут, прямо на берегу. За стенами крепости Каффа (она и сейчас стоит на юге от Феодосии) укрылись богатые генуэзские купцы, чьи суда плавали по всему побережью Чёрного моря. У монголов не было своих кораблей, но они нашли слабое место этих богатеев: завладеть Кафпой – означало заставить алчных купцов платить немалую дань за возможность пользоваться удобным путём из Средиземного моря в Чёрное, возя товары из Западной Европы в страны Востока

Der Doctor Schnabel von Rom

Vos Creditis, als eine fabel,
 quod scribitur vom Doctor schmabel,
 der fugit die Contagion
 et autert seinen Lohn darvon
 Cadavera sucht er zu fristen,
 gleich wie der Corvus auf der Misten.
 Ah Credite, zihet nicht dort hin,
 dann Romæ regnat die Pestin.

Quis non deberet sehr erschreck
 für seiner Virgul oder stecken,
 qua loquitur, als wär er stumm,
 und deutet sein Consilium,
 Wie mancher Credit ohne zweiffel
 das ihm tentir ein schwarztauch
 Marsupium heist seine Höll,
 und aurum die geholte seel.

I. Columbina, ad vivum delineavit.

Paulus Fürst. Excudit.

Kleidung wider den Tod zu Rom. Anno 1656.
 Also gehen die Doctores Medici dahin zu Rom, wann sie die ander Pest erkrankte Personen besuchen, sie zu curiren und fragen, sich wider den Gift zu sichern, ein langes Kleid von gewärmtem Tuch ihr Angesicht ist verlarvt, süden Augen haben sie grosse Crystalline Brillen, wider Nasen einen langen Schnabel voll wolriechender Specereij, in der Hände welche mit Handschühert wol versehen ist, eine lange Kütze und darmit deuten sie, was man thun, und gebrauchte soll.

и обратно. Джанибек был самым талантливым полководцем со времён Батые – вскоре он сумеет раздвинуть границы Золотой Орды до небывалых пределов, огнём и мечом пройдясь по Средней Азии, Донским степям и Кавказу. Но этот его поход был обречён на провал: войско Джанибека представляло бледную тень той армии, которую он вывел из монгольской столицы – Сарая. Виной тому была таинственная болезнь, которую занесли в его армию примкнувшие к ней жители казахских земель. Болезнь убивала человека всего за несколько дней: из цветущего и полного сил воина он превращался в труп, покрытый чёрными пятнами. Джанибек был в ярости: армия таяла на глазах и стремление взять крепость измором становилось абсурдным – мор косил его собственное войско, а не генуэзцев.

И всё же Джанибек был хитроумен, как лис, и вдобавок обладал ещё одним полезным для предводителя кочевников качеством – беспринципностью. В своё время он пришёл к власти, убив родного брата, и, уж конечно, вовсе не собирался останавливаться перед какой-то крепостью, даже если её нельзя взять силой оружия. Заметив, как быстро болезнь передаётся от человека к человеку, он приказал заряжать катапульты... мёртвыми телами. Через городскую стену Каффы полетели трупы. Сперва воины тихо роптали, видя в этом неуважение к павшим товарищам, но затем оценили изобретательность своего вождя: наслышанные о страшной болезни, генуэзцы пришли в панику и поспешили покинуть осаждённую крепость, на кораблях бежав на родину. Правда, взять твердыню у Джанибека не получилось: остатки его армии были так малочисленны, что речь шла уже о том, как бы вернуться домой, не сложив голову в бесконечных степях, которые им предстояло пересечь на обратном пути. Крепость, под стенами которой ещё недавно звучал глухой стук таранов и крики воинов, отдыхала в мёртвой тишине. Её защитники плыли на родину – в далёкую Италию, не зная, что патоген уже проник в их кровь.

Когда корабли вернулись на родину, экипаж представлял чудовищное зрелище – палубы были завалены мёртвыми телами, из тысячи человек в живых оставались едва десять. На корабль поднялись священники, чтобы причастить умирающих, и многочисленные родственники моряков, съехавшиеся со всей Генуи. «В то время, когда они говорили с нами, когда обнимали и целовали нас, мы распространили заразу нашими устами, – напишет впоследствии один из защитников крепости, нотариус Габриэле де Мусси. – И когда они вернулись домой, они в свою очередь заразили целые семьи, которые слегли в три дня и были похоронены в одной братской могиле. Священники и доктора, посещавшие больных,

возвращались больными и скоро пополнили число умерших».

Войско Джанибека было почти уничтожено чумой, но алчность и жестокость монголов словно передалась тем микроскопическим существам, которых они выпустили на волю. Болезнь двинулась по Европе со скоростью, не доступной ни одной армии: невидимые глазу микробы вместе с нечистотами попадали в реки, оставались на одежде умерших, которую наивные доктора предписывали очищать простым проветриванием. Крысы и мыши переносили чуму из вымершего города в ещё цветущий и спокойный, и вскоре вся Италия наполнилась стонами умирающих. Картину болезни красноречиво описал Боккаччо, переживший эти страшные годы во Флоренции: «У мужчин и женщин показывались в паху или под мышками опухоли, разраставшиеся до величины яблока или яйца; народ называл их чумными бубонами. В короткое время смертельная опухоль распространялась от указанных частей тела на другие, а затем признак указанного недуга изменялся в чёрные и багровые пятна». Эти пятна – омертвевшие ткани организма – были верным знаком неминуемой смерти: большинство пациентов умирали на третий день после их появления. «Сколько крепких мужчин, красивых женщин, прекрасных юношей, которых Гален, Гиппократ и Эскулап признали бы вполне здоровыми, утром обедали с родными, товарищами и друзьями, а на следующий вечер ужинали со своими предками на том свете!» – восклицал Боккаччо. И это было чистой правдой: всего за шесть лет чума унесла 25 миллионов жизней – треть населения Европы в то время, а до конца столетия умерло ещё 20 миллионов. Половина населения европейских стран! Но мы не погрешим против истины, если скажем, что эти цифры статистики измеряют «среднюю температуру по больнице»: в жарких и густонаселённых странах вроде Италии и Испании от чумы погибли четверо человек из каждых пяти, в далёкой и прохладной Англии – лишь каждый пятый.

Бубонная дама

Напуганные известием о невиданной болезни, города затворяли ворота, отказывая в приюте заразившимся. Тщетно. Болезнь в каждый новый город зачастую приносили те же люди, которые принесли и слухи о ней. Понимая, что враг уже в городе, некоторые богатые принимали решение запереться в собственных домах – и попросту забыть о беде, которая бушевала за стенами: они верили, что от болезни можно уберечься, если сохранять бодрость духа, пить лучшие вина и питаться изысканной пищей. И пока снаружи слышался непрекращающийся плач, затворники проводили дни в веселье и пирах, не желая даже знать о том, что происходит в мире, предпочтя

забыть о родных и друзьях, но сохранить себе жизнь. И всё же полностью закрыться от мира было нельзя – болезнь приходила в дом с булочником или виночерпием, и вскоре уже прекрасные юноши и девушки, желавшие сохранить от болезни тело, с ужасом глядели на чёрные пятна на своей коже и посылали за священником, чтобы он успел спасти их душу. Священники чаще всего не приходили, ссылаясь на чрезмерную занятость. И кто мог в этом сомневаться, если ежедневно в последнем причастии нуждались десятки прихожан?

Боккаччо с прискорбием отмечал, что очень многие выжили бы, если бы им хоть кто-нибудь оказал помощь. Однако страх надёжно разделил людей: максимум заботы, которую мог проявить к человеку его сосед, – вынести после его смерти труп из дома и оставить у подъезда, как ещё недавно люди оставляли кринки для молока, которые собирал проезжающий по улице молочник. Да и это происходило вовсе не из человеколюбия, а из боязни, что разлагающийся труп заразит весь квартал – ведь в средневековых городах дома тесно лепились друг к другу. Утром улицы были наполнены такими трупами – могильщики укладывали их в телегу и везли за город: мест на кладбищах давно уже не было. Боккаччо вспоминал эти дни как прискорбный пример, насколько малодушен может оказаться человек перед лицом смерти. «Бедствие воспитало в сердцах мужчин и женщин такой ужас, что брат покидал брата и нередко жена мужа; более того и невероятнее: отцы и матери избегали навещать своих детей и ходить за ними, как будто то были не их дети». И тщетно заболевшие пытались купить золотом заботу слуг: последние, смеясь бывшим хозяевам в лицо, забирали богатства при ещё живом, стонущем в постели хозяине и пускались наутёк.

А что же врачи, к которым обращались за исцелением пациенты, в ужасе наблюдавшие, как их тело покрывается бубонами? Не будем забывать, что чума высадила свой десант в Италии, где уже началось Возрождение и доктора имели возможность изучать античные медицинские книги. Увы, врачи оказались не готовы к заболеванию, о котором не имели ни малейшего представления: они быстро угодили в паутину своих предрассудков и ложных учений. Эпидемия чумы показала, сколько знаний отняли у людей Средние века – ведь ещё древние народы понимали связь между грызунами и чумой. В Библии описан эпизод, когда филистимляне, разгромив евреев на поле битвы, забрали к себе ковчег Завета Господня и поставили его у ног статуи их бога Дагона. В наказание за святотатство Господь наслал на них чуму. Чтобы задобрить Бога, жрецы филистимлян поспешили вернуть ковчег, положив туда богатые дары – пять золотых наростов и пять золотых мышей. Наросты означали бубоны, а вот мыши... В Италии времён

«ГОВОРЯТ, ЧТО УМИРАТЬ ХОРОШО, СПАСАЯ ЖИЗНЬ ДРУГОМУ... ТОТ, КТО ХОЧЕТ БЫТЬ ЗДОРОВЫМ, ОТЧАСТИ УЖЕ ВЫЗДОРАВЛИВАЕТ»

БОККАЧЧО. «ДЕКАМЕРОН»

Возрождения о роли грызунов в распространении эпидемии уже не помнили: самая авторитетная версия докторов гласила, что к эпидемии привело распространение дурного воздуха, появившегося благодаря неблагоприятному сочетанию звёзд. Версия, прямо скажем, так себе, но на ней европейские доктора ещё столетия спустя строили свои курсы лечения. Знаменитая маска чумного доктора, которую и сейчас можно увидеть на карнавале в Венеции, – своего рода «противогаз»: внутри картонной коробки с длинным птичьим носом, которую врачи надевали на голову, собираясь к больному, скрывались открытые склянки с духами. Врачи рассчитывали на то, что приятный запах справится с дурным воздухом, с помощью которого якобы передаётся болезнь.

Надежда тщетная: смертность среди докторов была куда выше, чем среди их пациентов, – ведь им ежедневно приходилось ходить по домам заражённых. Известны примеры, когда медицинские коллегии всего за несколько лет были полностью выбиты чумой, и городским властям приходилось комплектовать новый состав из полуграмотных знахарей. Впрочем, лишь самые храбрые оставались верны заветам профессии. Когда чума приходила в очередной город, врачи бежали куда глаза глядят. Власти негодовали, лишали их лицензий на врачевание, но поделаться ничего не могли. Наверное, они успокоились бы, проведя небольшое статистическое исследование и осознав, что от работы докторов всё равно не было никакой пользы.

Трудно поверить, но в действительности именно тем, у кого появились бубоны, везло – около трети таких больных выздоравливало. А вот те, у кого чума сразу приводила к сепсису или пневмонии, имели ничтожные шансы выжить. Как бы то ни было, именно в бубонах большинство врачей видели источник болезни – доктора пытались лечить чуму, намазывая бубоны кровью больного или даже его экскрементами. А сотни больных

ФОТО: BRIDGEMAN/FOTODOM

погибли от болевого шока в результате попыток медиков вскрыть бубоны, которые на самом деле были чудовищно вздувшимися лимфатическими узлами. Иногда эти бубоны прорывались сами, и тогда пациент выздоравливал. Так, некий англичанин, обезумевший от нестерпимой боли в бубонах, выскочил из своего дома и принял скакать по улице, обращая прохожих в бегство. Отчаявшись справиться с жаром, он прыгнул в Темзу, и – о чудо! – в холодной воде бубоны прорвались, из них вышел гной, и через пару дней счастливцев был здоров, хоть и напоминал собой иссохший скелет.

Умнее всего поступили те, кто покидал города и отправлялся жить в леса. Им удавалось переждать болезнь, а потом вернуться в опустошённые города. Главное было не торопиться: ведь дома и вещи умерших ещё долго оставались заразными. Однако порой тех, кто благополучно вернулся в родные места, ждало другое бедствие: они сходили с ума, увидев опустевшие улицы, где нельзя было встретить уже ни одного знакомого лица. Особенным ударом для психики, как свидетельствует Боккаччо, было то, что домашние животные – ослы, овцы, козы, свиньи, куры, собаки, – покидая утром дворы хозяев, которые уже не могли задать им корму, кормились на полях несжатым урожаем, а к вечеру возвращались в свои стойла и курятники, несмотря на то, что хозяева уже были в могилах. Казалось, что мир, как во времена до Адама, снова принадлежит животным.

Да и как было не сойти с ума, если на землю сошли ужасы, затмевавшие даже те, которые были предсказаны в Апокалипсисе? По всему Средиземному морю блуждали ободранные, полные трупов корабли, которые волнами выносило на берег. В Париже Чёрная смерть не пощадилась не только тысячи простых горожан, но и саму королеву – умную и сильную Жанну Бургундскую, правившую Францией, пока её муж бился на севере против англичан. Чума тут, правда, неожиданно выступила миротворцем – обе армии, английская и французская, были настолько обескровлены, что англичане, было надеявшиеся на блицкриг, вынуждены были отступить. Эта война, затянувшаяся более чем на век, получит название Столетней. Люди пытались спастись от гнева Божия радикальными способами: по городам шествовали процессии флагеллантов – полуголых людей, без устали бичевавших себя плетьюми, надеясь таким образом заслужить прощение небес. В Базеле власти города собрали всех евреев и сожгли, желая проверить слухи о том, что это иудеи, подстрекаемые врагами христиан – испанскими сарацинами, отравляют источники. Эксперимент не удался: болезнь продолжала выкашивать население города.

Впрочем, похоже, что с ума сошло всё пережившее эпидемию общество – современники пишут о страшном падении нравов в европейских горо-

дах после Чёрной смерти. Среди многих сетований Боккаччо глаз останавливается на одном, почти курьёзом: флорентиец возмущается тем, что «развились привычка, дотоле не слыханная, что дамы красивые, родовитые, заболевая, не стеснялись услугами мужчины, каков бы он ни был, молодой или нет, без стыда обнажая перед ним всякую часть тела». Напомним, что большинство врачей были мужчинами, а согласно морали того времени, женщина не могла демонстрировать своё тело постороннему мужчине. Однако страх оказался сильнее приличий. Едва ли только это привело к падению нравов, которое, по словам Боккаччо, стало очевидным после чумы. Выжившие потеряли свои семьи – и теперь не тратили время на то, чтобы освятить браком возникавшие между мужчинами и женщинами привязанности. За время эпидемии у флорентийцев развились чёрный юмор и лёгкое отношение к греху – видя, что шансы выжить у праведников ничуть не выше, чем у грешников, они отпускали святотатственные шуточки и уже не гнушались ни воровства, ни убийства, а уж тем более блуда. Людям хотелось наслаждаться жизнью, пока у них её ещё не отняли.

О пользе запирательства

Пройдя по Европе, словно разбушевавшийся убийца, чума вдруг затаилась, стала незаметной, но никуда не делась – так ведёт себя в доме приживальщик, старающийся, чтобы его не выгнали за чрезмерное стремление быть на глазах. Вплоть до конца XVIII века в течение каждого столетия отмечалось несколько эпидемий чумы – уже не такого масштаба, как ранее, и всё же достаточно разрушительных. Особенно обидным было то, что врачи по-прежнему не знали, чем лечить болезнь: Дефо, писавший свой «Дневник чумного года» в начале XVIII века, описывает те же методы лечения, что и Боккаччо четырьмя столетиями раньше. А вот профилактика заболевания всё-таки сделала шаг вперёд, хотя и велась исключительно жестокими методами. Власти хорватского Дубровника, куда эпидемия возвращалась несколько раз, впервые в истории против чумы применили карантин, запретив посещать дома заболевших до исхода болезни. Это открытие с успехом подхватили в Англии, где при короле Якове I дома заболевших чумой стали попросту запирать, обрекая бедных страждущих умирать в родных пенатах – в одиночку или целыми семьями. Закон заставлял запирать и дома тех, кто осмелился навесить заболевшего. Как и ранее в Италии, чума разбивала дружеские и даже любовные узы. Во время Великой лондонской чумы 1665–1666 годов будущему автору «Робинзона Крузо» было пять лет, и в отличие от Боккаччо он засел за историю эпидемии лишь через много лет, уже во взрослом возрасте, вооружившись воспоминаниями

членов семьи. Приглаживая волосы, встающие дыбом от рассказов старших о жестокости британской системы карантина, он одновременно восхищался её эффективностью. Как только чума вступила в Лондон, предусмотрительные мэрии британских городов одна за другой публиковали списки хитроумных мер, позволявших быстро купировать заразу. Бездомных больных насильно свозили в чумной барак. Хоронить погибших во время мора можно было только ночью – жители Лондона просыпались от скрипа телег, свозивших тела к огромной братской могиле на окраине города. Тела погибших от чумы запрещалось отпевать в церкви, их не разрешалось сопровождать к могиле друзьям и близким. Даже после смерти чумные больные оставались одиноки.

Англичане – деловой народ, и в Лондоне чума быстро превратилась в доходный бизнес: город наводнили гадалки, астрологи и самозванные лекари. Люди охотно покупали у них бумажки с надписью «Абракадабра», ношение которых якобы позволяло защититься от заразы. Озолотились в эпидемию и сторожа, которым власти поручали охранять запертые дома. Некоторые из них вступали в сговор с хозяевами, за деньги выпуская их на свободу, другие, дождавшись, пока больные ослабнут, душили их, вынося из дома ценные вещи. Алчность способствовала распространению заразы: могильщики, хоронившие богатых, не гнушались тем, чтобы завладеть саваном, прельстившись хорошей тканью, – совсем скоро этот саван становился им и в самом деле нужен. Но Дефо и его близкие наблюдали вокруг себя не только алчность и грех: иных людей чума делала лучше и чище. Например, воры, убийцы и прелюбодеи сознавались в грехах прямо на улице, надеясь, что покаяние избавит их от печальной участи. Многие заболевшие, не желая быть обузой и источником заразы для общества, сами бросались в ямы с мёртвыми телами. Как ни возмущаясь бесчеловечностью властей, но их жестокость всё же сделала своё дело. Заболевание быстро исчезало в тех приходах, где начинали строго наблюдать за заражёнными домами и своевременно хоронили мертвецов. Обрекая несчастных заразившихся на верную смерть, власти Лондона отдали чуме всего несколько тысяч жизней – на порядок меньше, чем в других европейских столицах.

У чумы было одно последствие, которое историки поняли только в наше время: она парадоксальным образом привела Европу к капитализму. Из-за того, что треть крестьян вымерла, их труд стал цениться невероятно высоко. Феодалы принялись переманивать чужих крепостных, и, например, в Англии, возник настоящий рынок труда. Феодалные повинности были забыты или резко сократились – во Франции, Англии и на западе Германии крестьян почти перестали гонять на

барщину: она сократилась до десяти дней в году, а остальное время крестьяне сами обрабатывали свои наделы, платя оброк. Сравните это с положением русских крестьян, многие из которых ещё в середине XIX века гнули спину на барина. Освободившись от власти помещиков, европейские крестьяне охотно оседали в городах, нанимаясь на мануфактуры. Вскоре это даст сильнейший толчок развитию промышленности.

Во имя любви

Одной из самых неприятных черт чумы была внезапность. Трое из четырёх других всадников Апокалипсиса – Война, Голод и Смерть – не прибывали столь внезапно. Государства обычно за несколько лет знали о начале войны с соседом и имели время подготовиться. О том, что осенью будет голод, крестьяне могли догадаться ещё летом, глядя на то, как жара иссушает их поля. И даже естественная смерть хоть и была довольно непредсказуемой в эпоху, когда медицина топталась на месте, но всё же оставалась частной бедой конкретного человека и его близких. Мор же всегда прибывал внезапно, тем более что коммуникации в старину были медленными. Откуда, например, властям Лондона было знать о том, что эпидемия чумы ещё несколько месяцев назад посетила Москву?

Не знал об этом и царь Алексей Михайлович, возвращавшийся в Москву после успешного польского похода. Лишь на подъезде к столице его встретил гонец с письмом от патриарха, сообщивший, что в городе мор. Предусмотрительный Никон настоял на том, чтобы царица с царевичем Алексеем Алексеевичем и царскими сёстрами отправились на богомолье из города, охваченного чумой. По донесениям из столицы царь узнал страшные новости: улицы завалены трупами, верные слуги государевы бегут во все стороны. В феодальном государстве власти могли себе позволить не лицемерить. Это сейчас первые лица государства постарались бы сделать вид, что они до последнего останутся в городе, а тогда бояре первыми покинули Москву и укрылись в подмосковных селах «ради тяжёлого духа» и оттуда жаловались царю на бытовые неудобства: «Мы, холопы твои, покинув домишки свои, живём в огородах». Меньше повезло чиновникам – дяки и подьячие, ежедневно общавшиеся с многочисленными просителями, заразились и умерли первыми, и все приказы в городе теперь были заперты.

Царь в столицу не поехал, а новости получал от семейства, которое в свою очередь читало сводки страшных событий, составляемые оставшимися в Москве верными боярами Пронским и Хилковым. «Не тишает ли моровое поветрие?» – вопрошал бояр Никон в каждой грамотке. Пронский и Хилков вздыхали: нет, не тишает, и Никон уж стал всерьёз подозревать, что Господь решил

положить предел Российскому государству. Страх, который он испытывал перед чумой, заставил его приказать боярам больше не писать ни ему, ни царице – пусть-де пишут напрямую государю: он не боится. Но писать было некому: Пронский и Хилков умерли в два дня, друг за другом. Раскольники лыбились, радуясь, что Господь так оперативно карает царя и патриарха за нечестивую реформу веры, а сам Никон лишь в начале следующего года решился наконец приехать в столицу. Москва была пуста и засыпана снегом: увидев на снегу лишь собачьи следы, патриарх принялся плакать...

С этих пор чума стала частым гостем в России. Пётр Первый, правда, использовал всю мощь науки того времени, чтобы не допустить эпидемий – при сообщении о моровом поветрии в европейских странах на границах выставлялись карантинные заставы, а всех въезжающих задерживали на шесть недель. И всё же полностью избежать эпидемий не удавалось. Самая страшная из них разразилась в Москве при Екатерине Великой, когда болезнь унесла жизни почти 60 тысяч человек – треть обитателей столицы. Болезнь принесли из Молдавии русские войска, возвращавшиеся с фронта русско-турецкой войны, и некоторые современные историки предполагают, что султан попросту повторил хитрость Джанибека, нарочно отправив в стан русских «перебежчиков», заражённых чумой. Бактериологическое оружие сработало: по мере возвращения войск в Россию моровое поветрие давало о себе знать то в одном городе, то в другом – наконец, в военном госпитале столицы неизвестной «язвой» заболели первые три десятка человек, а вслед за этим открылись случаи смерти от мора на Большом Сукольном дворе у Каменного моста. Приказчики Сукольного двора, опасаясь, что карантин лишит их прибылей, делали вид, что ничего особенного не происходит, – тайно хоронили умерших, и даже сами работники не знали об эпидемии. Когда правда открылась, они в ужасе разбежались по всему городу, разнося бацилл, которые уже неслышно распространялись в их кровеносной системе.

Настали дни, которые москвичи сочли последними: люди падали прямо на улицах, поражённые невидимыми стрелами. Генерал-губернатор Салтыков, не страшившийся пушечных ядер на полях Семилетней войны, тут подал подчинённым пример трусости и безответственности – поспешил укрыться в родном имении Марфине. Пример был подхвачен с быстротой, которая дала бы фору самой чуме, – чиновники снялись с мест и покинули погибающую в муках Москву. Вид столицы и впрямь был страшен: по дорогам разъезжали «санитары» в робах с прорезями для глаз, вооружённые железными крюками. То были вчерашние колодники, в обмен на свободу согла-

сившиеся бороться с болезнью, – крюками они выволакивали из домов мёртвых и умирающих и бросали на свои телеги. Беднягам предстояло упокоиться в братских могилах на окраинах Москвы. Город окутала мгла пожаров – взламываемые опустевшие дома и унося пожитки погибших владельцев, грабители заметали следы, пуская красного петуха. Пожарные команды давно покинули город, и деревянные кварталы тушить было некому. В этой атмосфере неожиданно забрезжил луч надежды: москвичи уверились, что их спасёт чудотворная Боголюбская икона Богородицы, прибитая над Варварскими воротами Китай-города. У ворот собирались толпы отчаявшихся, желая приложиться губами к святыне. Будучи человеком образованным и понимая, что икона уже превратилась в рассадник «язвы», архиепископ Амвросий приказал её спрятать. Это тут же привело к бунту – к Кремлю двинулось «протестное движение», чьи участники были уверены, что Амвросий умыкнул икону, чтобы пользоваться чудодейственным эффектом лично. Ища Амвросия, толпа разгромила Чудов монастырь, а потом пошла громить «подлинных заразы зачинщиков» – карантин и чумные больницы, убивая пытавшихся их спасти врачей. Обнаружив в Донском монастыре Амвросия, обезумевшие люди буквально разорвали его на куски. В столицу был послан отряд, который мятежники забросали камнями и кольями. Тогда Екатерина отдала приказ стрелять по мятежникам картечью, и Красную площадь усеяли горы трупов.

Несмотря на то что бунт был подавлен, ситуация оставалась катастрофической. Не имевшая никакого «антикризисного плана» Екатерина отправила в лишившийся власти город надоевшего фаворита Григория Орлова, заранее наказав по нему панихиду. Но Орлову суждено было снова удивить некогда любившую его женщину. Он рьяно взялся за дело, приказав расстреливать на месте мародёров и бунтарей. Орлов поделил Москву на санитарные участки, контролируемые врачами, открыл новые больницы и карантин. Бесстрашный фаворит лично руководил «субботником» по уборке трупов с улиц и сожжению одежды умерших. В связи с болезнью правительство пошло на небывалые уступки старообрядцам, согласившимся на свои деньги открыть на окраинах Москвы чумные госпитали и кладбища, где они сами хоронили умерших, – так появились кладбища за Рогожской заставой и на Преображенке. По примеру просвещённых англичан Орлов заколачивал дома, где отыскивался хотя бы один заражённый, и отправлял на каторгу родственников, скрывающих гибель кого-то из членов семьи. Трудно сказать, руководствовался ли Орлов прежде всего желанием вернуть благосклонность государыни или же его прельщала трудность поставленной перед ним задачи, но эта беспримерная деятельность оста-

новила эпидемию и спасла Москву. Орлов вернул благосклонность императрицы и получил медаль с надписью: «Россия таковых сынов в себе имеет».

Увы, в России чума отнюдь не привела к отмене крепостного права. В Европе ещё со времён Римской империи значительная часть населения жила в городах, по которым чума была сильнее всего – сказывались скученность населения и антисанитария. Заселять опустевшие города было некому, и рабочие руки становились на вес золота: феодалы вынуждены были приманивать крестьян-переселенцев, облегчая им повинности. В России, где ещё в конце XVIII века большинство населения жило в сельской местности, болезнь опустошала лишь Москву и некоторые другие крупные города, которые после эпидемии быстро заселялись жителями окрестных городков и сёл. В остальной стране помещики нравов своих менять не собирались и льгот крестьянам не предлагали.

Смертью смерть поправ

Когда эпидемия чумы заканчивалась, над братскими могилами устанавливали чумные столбы – памятники в честь погибших, которые должны были напоминать живым о том, что возможны столь великие бедствия. В XVIII веке в Европе был поставлен последний из таких памятников – чума наконец покинула эту часть света. Что же с ней случилось? Куда она делась? Чтобы это понять, нам придётся вспомнить одну из аксиом паразитологии – паразиту нельзя убивать своего хозяина, поскольку с его смертью погибает и он сам. Вот почему эпидемии, обладающие высокой летальностью, не могут длиться долго. Даже периодически возвращаясь, они в конце концов сходят на нет, поскольку не могут «приручить» человека, научиться жить в его организме, не разрушая свою среду обитания. Тот штамм чумы, который на протяжении четырёх веков терзал Европу, в итоге благополучно вымер. Человек не является естественным резервуаром чумы, а значит, он должен либо погибнуть после заражения, либо его иммунитет одержит над ней верх, и чумные палочки, раз погибнув в его организме, уже не будут иметь над ним силы. Со временем победили чуму и полчища европейских крыс, перестав распространять убийственную инфекцию.

Чёрная смерть – пример бессмысленности разрушения: то, что удалось обычной простуде, живущей бок о бок с нами сотни тысяч лет, не удалось жестокой чуме. Её ждала судьба всех великих империй, созданных азиатами с раскосыми и жадными очами, – подобно самим монголам, некогда приводившим в трепет всю Евразию, а теперь мирно пасущим стада в родных степях, чума вернулась в первоначальные свои владения. Там пребывает она, ожидая, пока неосторожные безумцы снова выпустят её, как джинна из бутылки. ☉

ТЕЛЕКАНАЛ

**РУССКИЙ
ДЕТЕКТИВ**

**ПОДКЛЮЧАЙСЯ
К РАССЛЕДОВАНИЮ!**

РЕКЛАМА

16+

СПРАШИВАЙТЕ У ВАШЕГО ОПЕРАТОРА ПЛАТНОГО ТЕЛЕВИДЕНИЯ

Армагеддон рыбного ряда

*Что случилось с фламандской культурой в XVI веке?
В XV веке имелась преувеличенно возвышенная, доведённая
до экстаза религиозная живопись, а спустя сто лет картина
стала бесстыдно плотской и гедонистической. Почему?*

МАКСИМ КАНТОР

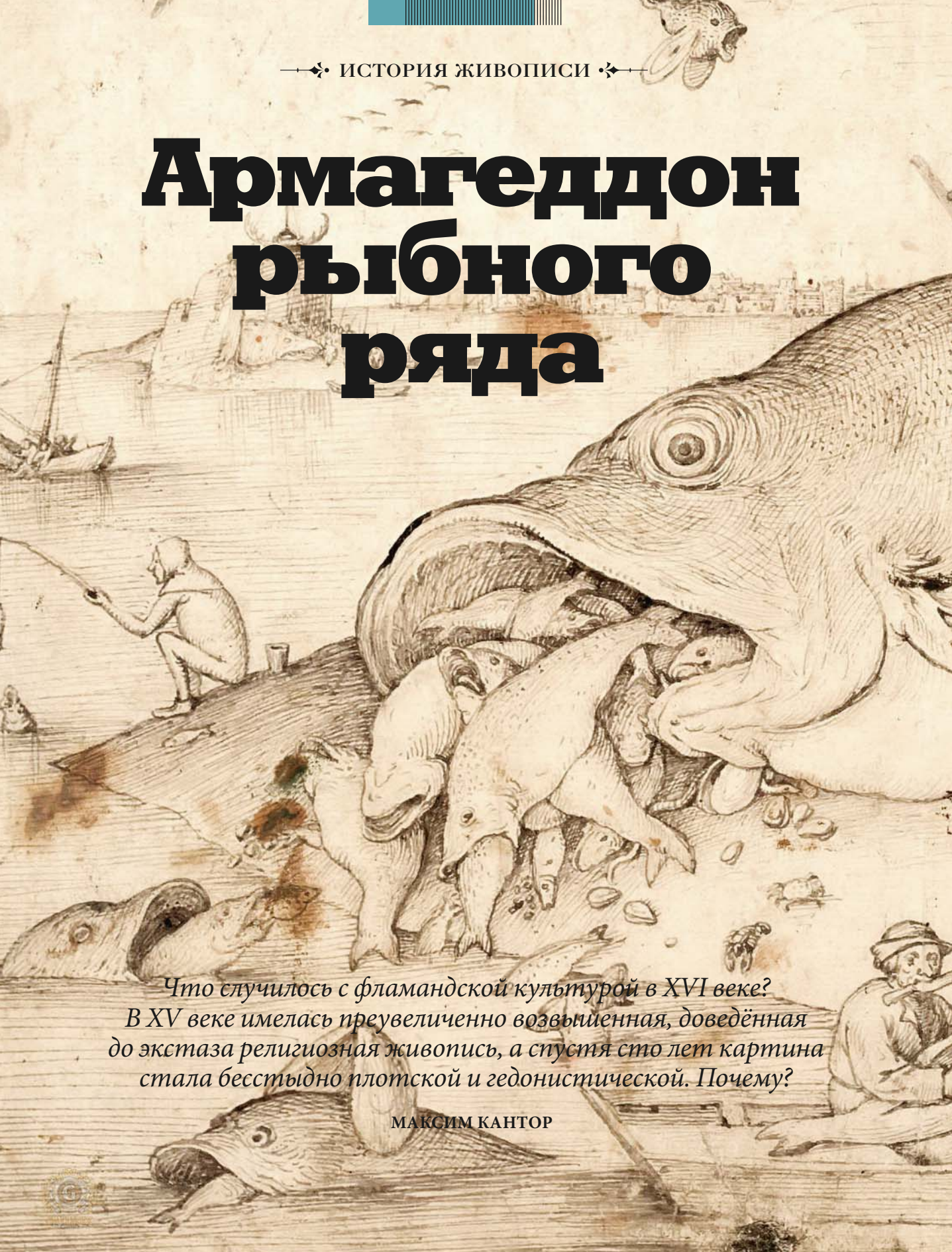

PHOTO: ARTS AND CRAFTS MUSEUM & ART GALLERY, VIENNA, AUSTRIA

«Большие рыбы
пожирают малых».
Питер Брейгель Старший.
1556 год

Случившееся с фламандской культурой в XVI веке по радикальности напоминает перемены, произошедшие с русским искусством в веке XX. В самом деле, всего за полвека до советского мастера Герасимова и прочих певцов рабоче-крестьянского класса и его вождей в русском искусстве царил сладостный аристократический портретный жанр в духе Серова и Сомова, а Репин, чередуя изображения членов Государственной Думы и бурлаков, слыл опасным радикалом.

Кажется, с фламандской культурой произошло нечто подобное. Какой ещё вывод можно сделать, глядя на фламандские залы?

В конце XV века Фландрия ещё часть герцогства Бургундского. Мастеров Антверпена и Брюсселя тех лет – Хуго ван дер Гуса, Ханса Мемлинга, Рогира ван дер Вейдена, Дирка Боутса – чаще всего именуют «ранними фламандскими мастерами». То была особая, небывалая нигде прежде атмосфера рыцарского подвига и сакрального служения Прекрасной даме – триптихи Страшных судов, написанные в Бургундии тех лет, – раз увидев, забыть невозможно. Но однажды культуре Бургундии пришёл конец. Дата, обозначающая закат великой культуры, может быть названа точно: это смерть герцога Карла Смелого и династический брак Маргариты Бургундской, вводящей герцогство в состав Священной Римской империи, – оба события произошли в 1477 году. Дата, с которой мы вправе исчислять подъём национальной живописи Фламандии, известна столь же точно: 1577-й – год рождения Рубенса. Всего сто лет в промежутке. Разумеется, и до появления Рубенса десятки фламандских мастеров уже писали в той манере, что позволила Питеру Паулю Рубенсу обрести небывалую мощь и популярность в Европе. О Рубенсе заговорили с придыханием: «Король живописцев».

Возможно, собственно фламандская культура не могла себя проявить в полную силу при дворах бургундских герцогов, задавленная культурой французской? Как же не поставить этот вопрос! Историк Хёйзинга в своей работе «Осень Средневековья» ввёл в обиход выражение «фламандско-французская культура», говоря о Бургундском герцогстве, – он хотел подчеркнуть, что французская составляющая в бургундской культуре велика. Хотя все художники по крови – фламандцы; хотя столицей Бургундии становился то Гент, то Брюгге, то Брюссель – все фламандские города, и никогда не французский город; хотя влияние бургундской живописи распространилось и на Италию, и на Южную Германию. И на собственно Францию, но ведь действующим лицом, тем не менее, является фламандская культура!

И вот Бургундского герцогства нет, Фландрия отходит сперва к Габсбургам, но скоро попадает в зависимость от испанской империи. Фландрия

оставалась зависимой от Испании (затем – Нидерландов) до XIX века, но на особых, сравнительно льготных началах. Возникает особенное фламандское искусство, свободное от внешних канонов. Настало время «самовыражения» – в наши дни этому слову придать исключительное значение, тогда его не употребляли вовсе, не было такого слова в словаре художника. Однако Рубенс и его современники Снейдерс, Йорданс были первыми, кто явил миру сугубо фламандское творчество, и как таковое (не фламандско-французское, но собственно фламандское) оно и завоевало мир.

Так ученик, терпевший в школе муштру, бывший затем под гнётом институтских профессоров, обретает долгожданную самостоятельность – ну, скажи теперь что-то от себя самого! Каков ты на самом деле, без школьной прописи?

И вот вчерашний ученик начинает говорить такое, что педагоги только руками разводят: зачем же он учился? Он ведь говорит прямо противоположное тому, что ему внушали. Поглядите на пышного Рубенса и сухого ван дер Вейдена. Что же меж ними общего?

Искусство, возникшее в свободной Фландрии, и искусство бургундской Фламандии разнятся настолько, что трудно поверить, что произведения созданы одним и тем же народом, людьми с одинаковым набором хромосом.

Изысканные кавалеры Боутса, хрупкие дамы на полотнах Мемлинга, ломкие, бесплотные рыцари ван дер Вейдена, и в соседнем зале музея – жирные тела румяных баб Рубенса, краснощёкие, кряжистые крестьяне Йорданса. Бургундская живопись – искусство готическое, а готика по определению сухощава, жилиста, аскетична. Рёбра соборов, угловатые скульптуры, много воздуха и совсем мало плоти – герои живут не-материальным интересом. Готические интерьеры ван Эйка, аскетические декорации Робера Кампена, архитектура, где каждая деталь подчинена идее аскезы; и вот, спустя век, в этих самых комнатах вдруг навалены горы снеди – битая дичь и корзины трепещущей рыбы. Всё в этих новых фламандских интерьерах и натюрмортах – через край, их застолья пряные, жирные, липкие. Помилуйте, но ведь эти холсты написаны в тех же городах – в Антверпене, Брюсселе, Генте – и художников от «бургундцев» отделяет всего лишь сто лет. Они ходили по тем же самым улицам, ели такую же еду, смотрели на то же небо, дышали тем же воздухом. Культурный код изменился столь резко, что поневоле думаешь: это что же получается – неужели свобода делает из возвышенных людей материалистических циников?

Вы вообще видели на бургундских картинах, чтобы герои ели? Кусали хлеб? Жевали куриную ножку? Вы помните еду на столах Рогира ван дер Вейдена и Мемлинга?

Но герои фламандских картин постоянно питаются. Когда Рубенс пишет портрет монаха, нас не оставляет мысль, что этот монах недавно плотно пообедал. Впрочем, возможно, нам лишь так кажется – собственно застолья стали изображать на столетие позже: на картинах Броувера и Тенирса персонажи с хрустом разгрызают кости и, чавкая, жуют. В картинах XVI века самого акта обжорства ещё нет. Не столько для насыщения, сколько для того, чтобы торжествовать над миром, явленным в чувственных восприятиях, изображают ряды рынка. Фламандская культура устами поэта Эмиля Верхарна описала эти рынки так:

*В столовой, где сквозь дым ряды окороков,
Колбасы бурные, и медные селёдки,
И гроздь рябчиков, и гроздь индюков,
И жирных каплунов чудовищные чётки,
Алея, с чёрного свисают потолка,
А на столе, дымясь, лежат жаркого горы
И кровь и сок текут из каждого куска, –
Сгрудились, чавкая и грохоча, обжоры.*

Это, конечно, не особенно точное описание картин, таких картин попросту не существует – Верхарн не был внимательным знатоком живописи, – но эти строки передают первое впечатление от фламандской живописи. Прибавьте к зрительному образу ещё и тактильный эффект: мы почти «трогаем» глазами сочную еду. Фламандцы так щедро покрывали картины лаком, что поверхность лоснилась, точно сало, и взгляд буквально осязает масляную краску, жирную и сочную.словно столетие бургундского молитвенного воздержания от мирских благ было постом для фламандской культуры, а, освобождённая от религиозной догмы, народная культура разговелась и отъелась.словно свобода от внешней доктрины высвобождает в художнике естество, а уж человеческая натура выражает себя прежде всего в еде.

Почему именно в еде? Ответа на этот вопрос не существует, но бродячие жонглёры, ваганты, миннезингеры, слагавшие весёлые германские шванки, – все они пели про обжорство и выпивку. Российский филолог Михаил Бахтин на этом факте построил эстетику противопоставления «культуры монастырей и культуры материально-телесного низа». Бахтин попытался прочесть книгу Рабле именно как квинтэссенцию эстетики «материально-телесного низа», там ведь описано столько застолий! Вот и персонажи Рубенса и Йорданса – они как будто сами состоят из окороков, голяшек, отбивных; а уж рыночные ряды – это национальный парад обжорства. Воля свободных людей выражает себя через демонстрацию материальных потребностей, человек перестаёт стесняться естества – перед нами даже не натюрморты (жанр «натюрморт» буквально

значит «замершая жизнь», «мёртвая природа»), но, напротив, бурлящая субстанция бытия.

В голландском (Нидерланды за углом, в трёх часах езды) натюрморте всё крайне скудно, раблезианства там малоато, всё упорядоченно – зрителю предъявлен маленький космос аккуратного человека, микрособор частного дома, в своей протестантской скудности сохранивший архитектонику и изысканность бургундской готики. Голландец расставляет предметы, тщательно обдумывая их место в жизни и значение в композиции. Поглядите: голландские кокетливые натюрморты выстроены как бургундские соборы. Завитая кожура лимона напоминает изгибами аркбутаны собора, а направляющие линии – голландцы любили выкладывать длинные курительные трубки, тонкие ножи, лучины для разжигания огня так, чтобы те создавали ритм у пространства, – разве это не нервюры соборной конструкции? Голландский натюрморт словно говорит зрителю: «Теперь мой собор здесь, в моём маленьком личном пространстве; вот отныне моя готика». Но хаотичные натюрморты фламандцев, где всё через край, – это даже не пышное барокко, сменившее строгую готику, это безмерность, не ограниченная ничем.

Безмерность – свойство, осуждаемое ещё Пифагором, чья нумерология и чувство порядка лежат в основе западной цивилизации, – во фламандских натюрмортах становится назойливой, отсюда и мысль о непристойном обжорстве. Верхарн пишет про обжор, поэт так бурно воспринимает показанную ему еду (раз много еды, стало быть, кто-то её съест), но нигде, ни в единой картине мы самих обжор не отыщем – и кто бы мог таким обжорой стать? Школяр? У него нет денег. Крестьянин? Он скуп и нищ. Ремесленник-горожанин? Но тот не нуждается в упоминательной трапезе – ремесленник должен с утра работать. Рыцарства уже нет, королевский двор крайне далеко (Мадрид). Кто это всё слопаёт? У картин есть потребитель, созерцатель, зритель – тот, кто картины поймёт. И вот наша сегодняшняя задача – почувствовать за того фламандца XVI века, которому эти чрезмерные рыбные ряды адресованы. Зачем рынок вообще написан? Рыбы на прилавках навалены в беспорядке, и кажется, рыбины в общую кучу можно добавлять бесконечно, пока не устанет рука художника. Но разве их кто-то собирает есть? Нет-нет, эти рыбные ряды настойчиво нам говорят о чём-то ином, совсем не про обжорство.

С одной стороны, перед нами явлено изобилие края: вот сколько всяких морских гадов можно в здешних водах поймать, если хорошо работать. Это гимн труженику-рыбаку. Тут и скаты, и угри, и все виды речной и морской рыбы, и раковины большие, и мидии, и устрицы, и крабы, и всё это

вперемешку, без всякой системы – мол, здесь столько всего, глаза разбегаются, Фландрия – щедрая страна. С другой стороны, Фландрия – крайне религиозная, католическая страна; именно католичество и было основанием для отделения Фландрии от Нидерландов. Если иметь в виду то обстоятельство, что рыба символ Христа, если учесть, что живопись по самой своей природе символична, то нерациональное использование символа обескураживает. Зачем вываливать на прилавок в беспорядке сотни умерщвлённых рыб? И это – католик написал? Это написано после религиозной живописи Мемлинга и ван дер Вейдена?

Да, рыболовство для морской страны важно, но трудно допустить, что во времена Ханса Мемлинга в городе Брюгге (находится в 17 км от моря и полон рыбаков), где мастер прожил всю свою жизнь и где сейчас его музей, продавали рыбы меньше, нежели при жизни Снейдерса, жившего в Антверпене, который вообще не на море. Отчего же лишь в XVI веке рыбы стали выражать дух культуры?

Причём отныне рыбный прилавок стал знаком фламандской культуры на века – отныне уже не было века, чтобы бельгийский (большая часть Фландрии стала Бельгией в 1830 году) художник не изобразил пёстрый рыбный ряд. Великий бельгийский живописец-символист Джеймс Энсор (уж он придавал символическое значение всякой запятой), работавший в XIX веке, но доживший аж до 1940 года, создал на протяжении долгой жизни несколько натюрмортов рыбного прилавка. Его работы любопытно сопоставить с работами предшественников. Здесь преемственность налицо. Он писал рыб с ярко выраженным характером, словно актёров драматической постановки. С его помощью мы и у фламандцев ранних разглядим действие на рыночном прилавке.

Оскаленное лицо морского ската (ската, кстати, часто именуют «морской дьявол») наводит зрителя на мысль, что на рыбном прилавке происходит нечто помимо торговли уловом. Это не рыба, но сам Сатана – сотни фламандских натюрмортов показывают нам оскаленную пасть «морского дьявола», которая пугает зрителя. Осьминоги тянут щупальца, точно черти в аду, протягивающие вилы к грешникам. Порой фламандцы изображают на рыбных развалах ещё и морских котиков и тюленей – среди мелкой рыбы тюлени смотрятся левиафанами, особенно если художник пишет их с открытой пастью. Иногда на заднем плане помещают фигуру торговца с корзиной рыбы: из корзины вываливают новую партию дрожащих, голых грешников – рыба трепетная плоть как нельзя точнее передаёт уязвлённое тело

► «Торговка рыбой». Адриан ван Остаде. 1672

► «Рынок на набережной».
Франс Снейдерс.
Около 1635-1640 годов

PHOTO: NORTH CAROLINA MUSEUM OF ART, USA

грешника в аду. Ведь именно таким движением Сатана на картинах Мемлинга или ван дер Вейдена вываливает свой улов грешников в развёрстую пасть ада.

Читатель может счесть данное сравнение преувеличением. Но существует такое понятие, как «карнация» картины, то есть дух картины, переданный её колористическим содержанием, то ощущение цвета, которое остаётся на сетчатке. И вот от рыбных рядов фламандцев остаётся то же колористическое ощущение, какое возникает у триптихов Страшного суда, написанных за столетие до этих полотен. Страшный суд во Фландрии XVI века уже писали весьма редко, но ощущение нагой уязвимой плоти присутствует в обречённых рыбах. Слово бы страх Божий перекочевал в рыбный ряд.

Впрочем, изображена не только нагота – есть ещё и такие рыбы, взглянув на которых вспомнишь о рыцарях Господа, архангелах Михаиле и Гаврииле, встающих на пути у зла.

Поглядите на рыб, одетых в серебристую чешую, – ведь это воинство Христово. Лежащие вповалку, друг на друга, то закрывая своим телом, то кусая соседа («меч вонзивши друг во друга», как сказал бы поэт), рыбины рыбного ряда напоминают нам поле брани.

И, принимая во внимание то, что морской скат – это очевидный Сатана (на натюрморте Энсора сходство явлено предельно недвусмысленно), мы должны будем сказать, что фламандский натюрморт рыбного ряда представляет нам классический религиозный сюжет «Битву архангела Михаила с Сатаной». Вот сошлись два непримиримых воинства – и пошло дело: трещат панцири крабов, разлетается скорлупа пехотинцев-устриц, валятся одна на другую рыхлые камбалы и, стиснув зубы, идут в атаку щуки. Отливает серебром чешуя кольчуг, и солнце играет на клешнях.

Лишь этим можно объяснить настойчивое повторение данного сюжета от холста к холсту, от мастера к мастеру – художники Фландрии писали Армагеддон, просто такой Армагеддон, который был явлен горожанину не в проповеди, не в храмовой литургии, но в ежедневном быту. Вагант, или школяр, или ремесленник – они ведь не отрицали мораль духовенства, они просто излагали доктрину христианства своим собственным языком. Бургундская святость никуда из фламандской культуры не делась и деться не могла – мистическое богословие мимикрировало, оделось в иные образы, но сохранило свой настойчивый пафос. Потому-то мы и не можем дать ясное определение фламандскому рыбному натюрморту, что данная картина не вполне натюрморт, но (через отрицание храмовой живописи, да, но сохраняя

► «Рыбный рынок». Иоахим Бейкелар

пафос религиозного искусства) наследует бургундской сакральной живописи. Именно пафос рыбных рядов и заставляет прийти к такому заключению.

Достаточно сопоставить «Битву архангела Михаила с Сатаной» Питера Брейгеля Старшего с рыбными рядами его современников, чтобы увидеть единый культурный пластический код. Брейгель рыбных рядов не писал, но и его Армагеддон не типичный – это не битва в небе, но небо, сотканное из битвы; воздух напоён войной, элементы воздуха слагаются в невероятных химер, как то и трактует учение религиозных схоластов того времени. Скажем, в книге Генриха Хунрата «Амфитеатр вечной мудрости» субстанция воздуха описана как собрание странных созданий – гигантских лягушек, стрекоз с человеческими головами, летающих рептилий и т.п. Создания эти невидимы простому глазу, но весь воздух, вся атмосфера – это именно перманентная борьба этих существ (носителей зла) с архангелами, расчищающими воздух для нашего дыхания. Стихии воздуха как таковой не существует, но есть конфликт, выражающий эту стихию. Работа эта, современная Питеру Брейгелю, трактует не только воздух, но вообще любую стихию, любой элемент как бесконечность существ (сегодня бы сказали атомов, в XVIII веке – монад). Но ведь стихия океана и Северного моря – она точно так же соткана из персонажей вечной битвы.

Вопреки основной мысли М. Бахтина, делящего культуру Средневековья (а за ним и Ренессанса) на «высокую» культуру монастырей/рыцарства и вульгарную плотскую контркультуру городов (последнюю Бахтин и называет культурой «материально-телесного низа»), живопись демонстрирует нам, зрителям (и заставляет предполагать, что так обстоит и со всей культурой в целом), единое тело, пронизанное противоположными, но комплементарными тенденциями. Живопись, как и воздух, как и океан, как и культура, – это вечнодвигающаяся субстанция, состоящая из невидимой глазу борьбы противоположных начал.

Но, как и в небесном Армагеддоне, суждение о характере битвы можно вынести лишь с позиций светлой силы. Произведение живописи возможно лишь при наличии искренней жизни души – и никакой «материально-телесный низ» не в силах эту жизнь души передать без участия души. Невозможно написать свиную тушу, не пользуясь не имеющей плоти душой, сколь бы ни была свиная туша материальна и груба. Живопись как субстанция груба по своей природе (краска – пачкает), но это возвышенное занятие. И вот торговые ряды фламандских живописцев XVI века, в сопоставлении с религиозными триптихами бургундцев XV века, показывают нам единство проблематики. И на рынке, и в рыбном ряду,

и среди свиных туш и окороков, копчёных угрей и устриц продолжается великая битва принципов Добра и Зла.

И, дойдя до этого пункта в своих рассуждениях, мы, зрители, вправе спросить: не означает ли это, что философия «рынка» в рассуждениях XVI века подменила богословие? И это очень болезненный вопрос. Ведь если все функции морали, способность разграничивать дефиниции добра и зла переданы от триптихов Страшного суда рыбному ряду, то не означает ли это, что в абстрактном богословии уже нужды нет? А следовательно, – и таков будет очередной вопрос к фламандской живописи XVI века – мораль рынка встала вровень с моралью Евангелия? На это есть тьма объективных причин: пороки и лицемерие церкви, nepотизм, торговля индульгенциями, религиозные войны, коварство священнослужителей; всё это широко известно. Рынок по отношению к церковной иерархии выступает как честное соревнование, где места ханжеству и коварству будто бы нет. Кажется, что гражданское общество (то есть носитель «материальной культуры») вобрало в себя – по факту культурной преемственности и органичного единства культурной стихии – всё то от богословия, что было существенно. Отныне соревнование равных и труд свободных воплощают в том числе и религиозную мораль. И сказать так исключительно соблазнительно.

Питер Брейгель, написавший небесный «Армагеддон», двумя десятилетиями позже нарисует свой знаменитый рисунок – «Большие рыбы пожирают малых». Это Армагеддон рынка, это Страшный суд открытого общества.

Работа эта, исключительно пессимистическая, не оставляет иллюзий по поводу самоорганизации коллектива – как стихия воздуха состоит из вечной битвы Добра и Зла, так стихия социума состоит из процесса вечного естественного отбора. Этот безжалостный рисунок Брейгеля противостоит тысяче фламандских натюрмортов, книге Михаила Бахтина и представлению о том, что, самовыражаясь в материальном, ты сможешь обрести достоинство и сохранить пафос морали.

Впрочем, искусство живописи, как всякая стихия, обладает способностью самоочищения: параллельно с рыбными рядами и гимном рынку именно фламандцы начинают писать портреты менял и скряг, заменивших ханжеских попов и лицемерных святош. Шаг за шагом, мазок за мазку, пластическая культура Европы продвигалась в осознании того, что ни религиозная доктрина, ни доктрина рынка, никакая доктрина вообще ещё не делает человека свободным. Свобода вообще не описывается никакой доктриной, но состоит из ежедневной заботы. В случае фламандского живописца это неустанный труд по отделению «морского дьявола» от беззащитной камбалы. ☉

4

ГЛАВА

ОПЫТЫ ЛЮБВИ

*В которой народный артист
Лев Дуров получает в подарок галстук
из платья Евы Браун **с.90***

.....
*а директор школы Ерухимов с помощью
швабры уборщицы Попандопуло
одерживает победу **с.84***

Жор Ерухимова

Мы сидим на ферме, где Сандро производит вино и оливковое масло. Внизу мерцают огни Сен-Тропе. Он вспоминает город, который удалён отсюда на пять тысяч километров. В нём прошло наше детство

ИРАКЛИЙ КВИРИКАДЗЕ

В нашем городе была традиция. Много лет весной, в мае, проводились состязания за право считаться лучшим городским хором. Победителем два сезона подряд был хор ликёроводочного завода. Дирекция завода спаивала полгорода, чтобы голосовали за ликёрных певцов. Потом вперёд вырвался хор завода имени Третьего Коминтерна, а однажды наш школьный хор неожиданно получил заветную статую Крылатой Ники, изготовленную на заводе металлорежущих станков из уникального металла – титана. Чтобы заполучить богиню весом в одиннадцать килограммов, в ход шли все дозволенные и недозволенные приёмы.

Жертвой их стал директор нашей школы Марк Вольфович Ерухимов, предки которого ещё в девятнадцатом веке пели хоровые песни и стояли у истоков городской песенной олимпиады. Три брата Ерухимовых – бас, баритон, тенор – пели в хоре, когда ещё не был прорыт Панамский канал, Шамиль ещё не был пленён, а Тунгусскому метеориту ещё было лететь и лететь до Тунгусии. Братья Исай, Август, Арон Ерухимовы были моими прапрадедами, а Марк Вольфович Ерухимов, директор школы, – мой родной отец, который, пропев краткую любовную песнь с моей мамой Тинатин Сергеевной Джандиери, ушёл жить один. Ушёл недалеко. Во всяком случае, когда папа пел по утрам на балконе своего дома, моя мама, я, моя старшая сестра слышали его «Смейся, паяц, над разбитой любовью, смейся и плачь...». Весь репертуар великого Карузо папа знал и пел по любому поводу и без... Мама, несмотря на двенадцать лет одиночества, продолжала любить папу и требовала, чтобы я тоже любил его. Я носил его фамилию Ерухимов. Имя моё Александр, Сандрик, мне было четырнадцать лет, и я был солистом в школьном хоре, которым руководил Марк Вольфович, «мой пахан», как звали его мои одноклассники и друзья – Петя Маков и Гриша Озиашвили. Мы

втроём пели, втроём бездельничали, лёжа на городском пляже, разглядывая прелестные тела туристок в атласных купальниках, каждый день приезжавших в наш город из Орджоникидзе, Свердловска, Сталинграда...

В нашем городе жили грузины, русские, греки, армяне, чехи, персы, айсоры и айсорки в пёстрых нарядах, подметавшие по утрам набережную. Жили евреи, которых я не то чтобы забыл упомянуть, но о которых я и собираюсь вести рассказ, так как главный герой его – мой папа Марк Вольфович Ерухимов, тайно посещавший городскую синагогу и совершенно открыто игравший во всех трёх бильярдных города.

Рассказ о папе я начну с игры на бильярде, далее несколько слов о любовницах папы и, конечно же, о той злополучной охоте на зайцев, в которой пришлось участвовать мне, восьмикласснику Сандро Ерухимову.

Наш город расположен на берегу Чёрного моря. В порту пришвартовывались корабли со всех концов света. Их заправляли нефтью. На склоне горы высилось несколько коринфских колонн. Археологи что-то постоянно копали, но нашли лишь вазу с крайне неприличным древнегреческим рисунком. Его теперь тиражируют на открытках. Курчавый атлет вонзает свой меч в пышные ягодицы греческой матроны... Мама Тинатин считала, что это порнография, но туристы покупали с удовольствием. Что-то разыскивая в маминном комодке, я неожиданно обнаружил несколько таких открыток с надписями: «Дорогой мой Марк Вольфович Ерухимов, это вы. 1954 год». Написано за год до моего рождения.

Летом в нашем городе зной, зимой – дожди. Все жители – фанаты хорового пения. Пели в ресторанах, пели на свадьбах, пели на улицах, пели в ван-ных комнатах, в туалетах, пели на операционных столах, даже пел один мертвец, приподнявшись

из гроба, когда его несли на городское кладбище. Я знаю даже фамилию мертвеца – Джинджихашвили, директор бойни. Ему подпевали идущие за гробом. Так пели нью-орлеанские похоронные процессии. Так пели у нас. В это трудно поверить, но мама Тинатин уверяла меня в правдивости этой истории. Постоянно пел и герой моего рассказа Марк Вольфович Ерухимов...

Он – высокий, курчавый, массивный, чем-то похожий на несгораемый шкаф мужчина пятидесяти лет, преподавал географию и немецкий. Носил на голове велюровую шляпу, надевал китайский плащ фирмы «Дружба», который раздувался, как парашют. Повторяю, Марк Вольфович Ерухимов обожал бильярд, всё свободное время проводил в бильярдной, которая находилась на приморской набережной, напротив нашей школы.

Были случаи, когда за плохое поведение на уроках учительница математики хватала меня за ухо, вела в бильярдную, где папа натирал мелом кий и молча слушал её жалобу. Потом спрашивал меня:

– Сколько?

Я отвечал:

– Три, ну четыре, Марк Вольфович...

Он отрицательно качал головой и повторял свой вопрос:

– Сколько?

Я говорил:

– Пять, только пять...

В итоге учительница отпускала моё ухо, я подходил к папе вплотную, и он наносил семь мощных щелчков, сокрушающих мой слабый лоб. Я очень любил директора школы, несмотря на жуткие щелчки, вызывающие крокодильевы слёзы у меня и у многих моих одноклассников.

Марк Вольфович играл на бильярде гениально. Однажды с ним сразился полковник Вячеслав Михайлович Барсуков, который приехал в наш город командовать танковой дивизией, расположившейся в болотистой низине реки Айхо, впадавшей в Чёрное море поблизости от нашего города. Полковник играл на бильярде очень хорошо и был уверен в победе над «толстожопым евреем». Он так и сказал неприлично громко и грубо. Но это было неправдой: при ста двадцати семи килограммах веса папа не имел ни грамма жира.

Они начали игру. Марк Вольфович с ходу стал вбивать шары друг за другом. Последний, победный шар он вколотил в лузу так: выхватил у уборщицы швабру и ударил ею по шару. Полковник пришёл в дикую ярость! Марк Вольфович извинился перед Тосей Папандопуло, убирающей бильярдную, и вернул ей швабру. Уборщица простила его, даже угостила кофе и нагадала на гуще долгую, счастливую, беззаботную жизнь.

– Тебя любят женщины, малыш, – сказала старая гречанка, разглядывая кофейные узоры на

стенках папиной чашечки. О женщинах Ерухимова можно было знать и без кофе, достаточно было быть его сыном-соседом.

Когда я утром шёл в школу, проходя мимо папиного дома, я знал, что меня окликнет директорский бас:

– Ерухимов!

Я поднимал голову и видел на каменном балконе огромного мужчину в зелёных сатиновых трусах по колено.

– Ерухимов, зайдёшь в учительскую комнату и скажешь им, что у меня ангина... Сегодня я не приду...

За спиной папы была видна обнажённая женская фигура, которая куталась в простыню и смотрела на меня, восьмиклассника, почему-то выставив голую левую ногу. Каждый раз нога ставилась на стул. Почему? Этот вопрос занимал меня всю дорогу до школы. В учительской я говорил, что у Марка Вольфовича ангина. Мне мало кто верил. Все знали: четверг у Ерухимова – день серийной любви. С интервалами в час, весь день к нему шли женщины с турбазы. Гриша Озиашвили, живущий в доме напротив и имеющий морской бинокль, говорил: «У Марка Вольфовича рекорд»... Нет, не озвучу цифру, вы всё равно не поверите.

Пётр Маков, такой же, как и я, бездарь по математике, однажды сказал:

– Сандро, давай на контрольных делать вид, что пишем контрольную, а ночью проберёмся в учительскую и спокойно запишем в тетради правильные решения!

Бабушка Макова служила ночным сторожем в школе. С того дня во время контрольных работ я рисовал в тетради девичьи профили, автомобили, чертей... Ночью бабушка-сторож открывала двери учительской комнаты, выпускала Макова и меня и просила побыстрее кончать «наши дурацкие авантюры». Мы доставали из шкафа наши тетради и вписывали в них правильные решения. Так продолжалось до той ночи, когда мы услышали гулкие шаги в школьном коридоре. Так не могла шагать бабушка Макова. Кто это? Мы в панике бросили тетради в шкафчик, залезли под стол, накрытый скатертью, опущенной, к счастью, до самого пола.

Открылась дверь, показались женские ноги в лакированных туфлях, потом женщина села на стул, и её изрядно пышные ноги оказались рядом с нашими носами. Мы тут же угадали, что это ноги математички. Зачем она пришла? Сейчас услышит биеие наших сердец, которые так гулко бьют под столом, около её колен. Мы застыли в полуобморочном состоянии. Раздался телефонный звонок. Математичка нервно заговорила в трубку: – Да, Марк! Приходи быстрее... Я сказала ему, что иду к Гаджиевой... Жду...

Мы с Маковым обменялись взглядами. Так смотрят утопающие перед тем, как окончательно

уйти на дно. Наши конечности отекли, хотелось поменять позы, но любое движение, скрип туфель, шуршание одежды могли выдать нас.

Елена (так звали математичку) долго чесала колено. Открылась дверь. Вошёл мой папа Марк Вольфович Ерухимов. Математичка порывисто встала из-за стола. Под шум их объятий мы поменяли позы. Дальше звуки и слова понеслись стремительно, галопом. Елена говорила, что её муж обо всём догадывается, что ей жалко его, хоть он абсолютное ничтожество... Она двенадцать лет не изменяла ему, а сейчас...

Её перебил Марк Вольфович:

– Елена... Я хочу тебя сейчас...

– Нет, Марк...

– Да, Елена...

Началась битва титанов. Она гремела над нашими головами. На столе, видимо, лежала Прекрасная Елена, а Марк, как Зевс Громовержец, стоял и метал молнии. Мы видели только ботинки сорок шестого размера, пятки которых со скрипом поднимались и опускались, поднимались и опускались. Мы оглохли от шума, треска, криков, храпа.

В конце раздалось женское полупение...

– Марк, подними меня в воздух...

Мы с Маковым взглянули друг на друга.

Что это значило – «подними меня в воздух»?

Стол стих. Ботинки отошли куда-то в сторону. Стоны математички стали раздаваться где-то наверху. Мы не понимали, что происходит.

И тут два тела упали на кожаный диван. Маков уронил бутылку чернил. Было слышно, как бутылка катится по паркету, делает зигзаг к дивану. Любовники застыли. Потом встал Марк Вольфович Ерухимов, сделал шаг к столу.

Пётр (я никогда не пойму, почему он так поступил) откинул скатерть, вылез... Вылез и я.

– Здравствуйте, Марк Вольфович! – сказали мы в два голоса и, стараясь не смотреть на учительницу математики, лежащую на диване, вышли из учительской.

Я неделю не ходил в школу, делал вид, что болею. Потом с опаской пошёл и услышал окрик с балкона дома, где жил папа.

– Ерухимов, зайдёшь в учительскую, скажешь, что у меня ангина...

Сейчас постараюсь объяснить, почему меня напрягает многократное упоминание фамилии Ерухимов. Наш приморский советский город-порт можно было назвать Вавилоном. Я уже сказал, что здесь жило множество народов, религий. Папина синагога соседствовала с мечетью, с католической церковью, с православным храмом. Я прожил двенадцать лет, не подозревая, что фамилия Ерухимов имеет некий изъян.

Я ходил к папиному другу Вахтангу Хубутии, капитану-фронтовику, который давал уроки лезгинки. Я имел лишний вес, и бешеная барабан-

ная дробь, выбиваемая капитаном-фронтовиком, мои движения ногами, руками, неистовые крики «асса!», кружение по квартирке капитана, где на полу стояли десятки бутылок, пустых и полных с вином, чачей, пивом, которые не дай бог было задеть в диком кружении под дикую барабанную дробь, – все эти тренировки растопили в моём теле лишние шесть-семь килограммов, и мама Тинатин сшила мне черкеску. Настоящую, из тонкого сукна, с газырями на груди. Я, стройный, подтянутый, счастливый, вышел в черкеске из дома и пошёл к Вахтангу Хубутии. Проходя сквозь цветущие кусты жёлтого рододендрона, услышал: «Эй, Ерухимов, какого хрена ты в черкеске, ты же еврей!» Я остановился. В подворотне дома капитана – два девятиклассника и с ними десятиклассницы Тата и Меги (моя тайная любовь). Тот, кто мне это сказал, курил сигару и повторял: «Жид в черкеске! Смешно, да?» Я смутно знал, что с моей фамилией Ерухимов что-то неладное, но что именно – стеснялся спросить... Стоящие в подворотне это что-то высмеивали, курия кубинскую сигару, переходящую из губ в губы...

Не знаю почему, я заплакал и побежал домой...

Маме Тинатин ничего не сказал. Через три дня в наш город приехал замминистра образования СССР Павел Владимирович Огулов. Он приехал инспектировать городские школы... Огулов был фанат охоты и считал себя метким стрелком.

Иосиф Метревели, папин начальник, глава РОНО нашего города, предложил Огулову заячью охоту. Метревели хотел перебраться в Москву, а Огулов знал многих в правительстве...

Утром меня окликнул папа, и я удивился, что он говорит со мной не о традиционной лжеангине, а об охоте на зайцев, в которой я должен был исполнять более чем странную роль.

– Сандро, у меня нет от тебя тайн. (Что он имел в виду: любовную сцену с Еленой Прекрасной?) Ты должен помочь папе... (Если бы он только знал, как я люблю его, никчёмного моего папу, если бы он только знал, что я хулиганю в классе лишь потому, что меня ведут к нему и он наносит мне жуткие щелбаны, и я готов получать их не семь, а семнадцать раз!)

На другое утро над холмами поднималось огромное красное солнце, когда охотники вступили в лес. Я, тайный помощник Марка Вольфовича, шёл параллельными тропами сквозь колючие заросли, невидимый, как человек-невидимка, и нёс большой деревянный чемодан с дырами для воздуха, в котором сидело шесть живых зайцев. Я должен был выпускать их по ходу движения охотников так, чтобы замминистра образования СССР Павел Владимирович Огулов стрелял в них и желательно убивал...

Замминистра образования удивил меня своей неметкостью.

К полудню охотники устроили привал с обедом и выпивкой. Пили крепко. Потом вновь начали охоту. Я быстро добрал остатки со стола охотников, допил остатки коньяка «Белый аист»... Идти пьяному, с чемоданом, перед не умеющим стрелять инспектором мне надоело. Солнце и коньяк разморили меня. Я лёг на траву и неожиданно заснул. Проснулся от удара ногой в живот. Бил Огулов.

– Негодяй, это ты подкидываешь мне зайцев?

Я увидел в руках замминистра чемодан с дырами. К нам бежал папа. Огулов вдруг ударил профессионально-боксерски и разбил в кровь папин нос. Папа, огромная глыба мышц, остановился, слушая ругань в свой адрес.

– Ты, сраный Ерухимов! Что ты позволяешь себе?

Было видно, что замминистра разоблачил нашу заячью аферу и сейчас демонстрирует кристальную честность перед сопровождающими его подчинёнными... Видимо, чтобы не выглядеть смешным, он стал грозным обличителем. Марк Вольфович проглатывал оскорбления. Замминистра материл директора, который устроил бордель в своём кабинете, о чём он, Огулов, знает по письмам, которые десятками приходят в министерство...

– С нового учебного года духу еврейского не будет в школе! – кричал Огулов.

...В ту весну я начал сходить с ума по Анне Татуловой. Самое нелепое в моей любви к Анне Татуловой было то, что она училась в нашем классе и я не обращал на неё внимания, но, когда Татулова уехала в другой город, я потерял покой. Я дико влюбился в пустоту того места, где она сидела. Я поехал в город, где Анна поселилась с родителями. Два часа на поезде, потом сорок минут автобусом. Стал ездить в тот город каждый день. Приезжал, свистел под окнами её школы. Десять минут горячих поцелуев в пыльном подъезде рядом со школой – и назад. Гонял весь день на электричках, товарных составах ради поцелуев с Татуловой.

Папа спросил, что со мной происходит. Я объяснил, почему не хожу в школу.

– Я понимаю, любовь! Но что делать с хором? На носу городская олимпиада, а ты мой солист и ты пропускаешь репетиции! Пусть Татулова потерпит до мая.

Он помолчал, потом продолжил:

– Полковник Барсуков организовал хор и делает всё, чтобы мы проиграли в этом году, а у его танкистов сильные глотки. И их много! Полковник завёл в милиции дело на меня...

Барсуков, тот, с кем папа, играя на бильярде, забил шар шваброй, стал военным комендантом города.

Я ехал к Анне Татуловой. Поезд остановился посреди поля. Обычно здесь ждали встречного, и я часто лакомился сладкой редиской, выкапывая её из земли. В этот раз по полю ехал танк.

Танк остановился, вышли трое танкистов и стали гонять меня по полю, смеясь: «Пой, солист, пой «Хава нагилу»! Танцуй «Семь сорок!»»

Папа взял для нашего хора хормейстера, платил деньги, а так как хормейстер была женщина привлекательная, то переплачивал ей и своей титанической любовью. Хормейстер с удовольствием брала двойную плату и репетировала с нами...

Я обещал папе прекратить поездки к Анне Татуловой хотя бы до певчей олимпиады. Мне было трудно обходиться без подъездных поцелуев. Всю свою страсть по Зигмунду Фрейду я выплёскивал в пение.

В апреле в нашем городе цвела акация, первые смелые купальщицы бросались в море, меня вызвали в милицию. Против директора школы Марка Вольфовича Ерухимова завели дело – принудительное склонение к сожительству с использованием служебного положения. Название обвинения звучало малопонятно. Я и Пётр Маков проходили как свидетели. Допрашивал меня вежливый человек, который при этом странным образом пил чай. У человека отсутствовало чувство горячего (я слышал, что есть люди, у которых нерв, реагирующий на горячее и холодное, словно бы перегорел). Допрашивающий на моих глазах сыпал в рот щепотку сухой заварки, брал с электроплитки чайник и заливал в рот кипятком. Глядя на это жуткое зрелище, я чуть не упал в обморок. Допрашивающий улыбался, чувствуя, какой эффект производит.

– Ты и Пётр Маков находились под столом, когда ваш директор насиловал вашу учительницу математики в своём кабинете?

– Нет.

– Как нет? Об этом говорят Маков и его бабушка...

– Может, под столом находились Маков и его бабушка...

Любитель огненного чая рассвирепел. Но я настаивал на том, что под столом меня не было...

До певчей олимпиады оставалось семнадцать дней. Пётр Маков оказался предателем.

До олимпиады оставалось шесть дней. Я поехал к Анне Татуловой. В гулком подъезде наш поцелуй тянулся так долго, что после него я с трудом успел добежать до поезда. И ещё... В тот день я впервые поцеловал Анну в розовый сосок, она упала в обморок. Я ехал счастливый. Сошёл в поле редисок. Меня никто не бил, не преследовал. Но я крепко рисковал, танкисты вели тренировочные бои.

Через пять дней певчая олимпиада. Когда я пришёл в школу, первым был урок математики. Елена объясняла что-то, абсолютно мне непонятное.

Я сел у окна и смотрел, как папа спускается по лестнице, пересекает улицу и заходит в двери бильярдной...

Об остальном рассказала уборщица Папандопуло.

В бильярдной было много посетителей, среди них полковник Барсуков. Было жарко и накурено. У папы было красное лицо, он нагнулся над бильярдным столом и долго целился в дальний шар, но не наносил удара. Кто-то из игроков положил руку на его плечо, он не реагировал. Его перевернули лицом вверх. Папа лежал с открытыми глазами, глотая ртом воздух, и тихо стонал. Позвонили в «скорую помощь». Приехал врач. Он сказал:

– Инсульт, переносить, перевозить тело нельзя!

Четыре дня и ночи лежал Марк Вольфович Ерухимов на бильярдном столе. Четыре дня и ночи сидела у бильярдного стола Тинатин Джандиери, моя мама, и что-то шептала бывшему мужу в ухо. Бывший муж не отвечал, может, и не слышал её... Она поила его бульоном, меняла судна...

Четыре дня не играли на бильярде, но на дальнем столе иногда вспыхивали короткие бильярдные битвы. Игроков пристыживали, они с извинениями бросали игру и нехотя покидали бильярдную.

Утром, в день олимпиады, папа открыл глаза, увидел склонённого над ним хормейстера и Тинатин и прошептал:

– Пусть... хор придёт ко мне... хочу послушать.

Сорок школьников вошли робко и растерянно в бильярдную. Сорок школьников встали буквой «П» вокруг огромного мужчины, лежащего на зелёном сукне. Сорок школьников запели.

У директора скатилась с правого глаза большая, горячая слеза. Хор пел, взрывая стены и окна бильярдной. Хор пел, взрывая стены и колонны городского театра.

Мы победили хор железнодорожников. В финале мы побили хор сахарного завода и выиграли с разницей в три очка у хора танкистов. На бис мы спели любимую песню Марка Вольфовича Ерухинова, тирольскую пастушечью.

Вечером титановую Нику, весом в одиннадцать килограммов, мы тащили по улицам города сквозь ликующую толпу, в выстрелах петард, в разноцветном фейерверочном огне. Мы внесли её в бильярдную. Уборщица-гречанка сказала:

– Он умер минуту назад.

На лице папы лежало белое полотенце.

Уборщица сказала:

– Он просил, чтобы вы, когда придёте, спели...

Думаю, он ещё слышит...

Мы запели, не сговариваясь, тирольскую пастушечью, хотя озорная песня была не совсем к месту.

Мне и Грише Озиашвили послышался бас Марка Вольфовича Ерухинова, тихо звучащий из-под полотенца... В нашем городе и мертвецы поют...

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОТ АВТОРА

Мой друг Сандро Джандиери завершил свой рассказ, который родился случайно на его оливково-виноградной ферме в горах, возвышающихся над

заливом Сен-Тропе. Он занимается оборудованием буровых нефтяных вышек, ферма для удовольствия, здесь Джандиери изготавливает вино и собирает урожаи оливок. Мы в этот вечер заговорили об отцах: о моём, о его. Пропев красивым голосом арию из оперы «Искатели жемчуга», Джандиери с юмором стал вспоминать юность, сумасбродного папу, певчие олимпиады, популярные в южных приморских городах в шестидесятых – семидесятых, а потом сам же наткнулся на острую душевную рану, которая сопровождает его всю жизнь и с годами не заживает. Умер папа, и он поменял его фамилию Ерухимов.

«Зачем я это сделал? Всё началось с первой насмешки: «Эй, еврей, какого хрена ты в черкеске?» Этот чёртов пятый пункт расставил сети. Я попался с завидной регулярностью. После истории с учительницей математики и сидением под столом я взялся за учебники. Математику полюбил, стал чемпионом Всесоюзной математической олимпиады. С чемпионством получил и путёвку в «Артек», где в то лето отдыхала моя любовь Аня Тагулова. И меня не пустили в «Артек» по пятому пункту. Предупреждали папины друзья, когда я заполнял анкету: «Не езжай по фамилии Ерухимов!» И папа сидел рядом, кивал головой, повторяя: «Сандро, не будь Ерухимовым». Я понимал, что все правы, но упрямо писал: «Я, Ерухимов...» А после папиной смерти, окончив школу, поехал в Москву, поступать в МГУ, и тоже под своей фамилией. Получил двойку на экзамене по математике, я, чемпион Всесоюзных математических олимпиад. Потерянный, бродя по Москве, наткнулся на институт нефти, там был последний день приёма документов, заполнил их под фамилией Джандиери. Принимая мои бумаги, секретарь комиссии сказала: «А, нам донесли, что вы не грузин. Вы еврей?» – «Кто донёс?» – «У нас учится один, увидел вас, предупредил». Секретарь вернула документы.

Я уехал из Москвы, поменял фамилию. На другой год поступил в тот же институт нефти. Первого сентября встретил в институтском коридоре Петра Макова, который уже учился в «нефтянке» и был женат на Анне Тагуловой. Мы сели с Петром Маковым в такси и поехали на Воробьёвы Горы. Там, одни, молча, дрались так долго, что зашло солнце, стемнело. Таксист ждал. Он был кутаисцем и всё понимал в таких делах. Когда Маков упал и уже не мог встать, я дотащил его до машины, заплатил кутаисцу, назвал адрес общежития...»

Мы с Сандро дошли до старого винного завода, входящего в большой комплекс фермы «Джандиери». Мы давили ногами виноградные гроздья, и Сандро прошептал не мне, а себе: «Поменяю». Я понял так: «Стану Ерухимовым». Но я не переспросил, не прояснил. Мы слушали, как с шипением льётся молодое вино на ферме восемнадцатого века... ☉

Мой любимый клоун

У актёра Льва Дурова было два главных жизненных принципа. Первый – всегда находиться в движении. За это друзья прозвали его «перпетум мобиле». Второй – никогда не унывать. Ни из чего не делать трагедий, любые невзгоды высмеивать...

МАРИЯ СПЕРАНСКАЯ

– Да, это правда. У папы была способность не очень-то радостные дела всегда обращать в балаган, – рассказывает дочь Льва Константиновича, актриса Екатерина Дурова. – Много раз он попадал в больницу с серьёзными диагнозами. В палату заходил озабоченный врач, принесил томограммы, там – какой-нибудь ужас. И папа, который еле дышал, был весь в трубках, сипел ему: «О, наконец-то! Давайте сюда свои «весёлые картинки», в Бахрушинский отнесём! Ну что, будете оперировать или пусть ещё поживу?» И сразу всё становилось не так страшно, и как-то он выкарабкивался. Друзья восхищались: «Вот ты цепкий! Опять показал смерти кукиш?!» А однажды, борясь с тяжёлым инсультом, он даже придумал анекдот про собственные похороны. Сочинял при мне, угорали на пару. Будто в новостях сообщают: «Ушёл из жизни народный артист Лев Дуров. Прощание состоится в Театре на Малой Бронной». Народ идёт туда и вдруг слышит: «Дурова уже перевезли в Центральный детский театр (теперь РАМТ. – Прим. авт.), он ведь там начинал». Все в Детский. А им говорят: «Опоздали. Его уже в «Ленком» доставили. Он и там служил». Бегут туда, но и в «Ленкоме» уже никого, потому что актёра Дурова переправили в Сатиру, а затем ещё и в «Школу современной пьесы»! В итоге люди собираются на кладбище. Смотрят, а могила-то пустая. Потому что во всей этой суете гроб потеряли...

☉ **Вот и вам хватает сил шутить над самым грустным...**

– Ну, если б я сейчас начала слёзы лить, Дед, так я его звала, меня бы первый не понял... Сам он держал за правило – никого не грузить своим «внутренним миром». И до конца жизни этому следовал. За неделю до смерти, в прошлом августе, почувствовал, что уходит. Я в это время выпускала в театре спектакль – главная роль, Васса Железнова. И он специально мне ничего не говорил о своём самочувствии. Знал, что иначе я всё брошу и от него не отойду. До последнего дня повторял: «Ничего, ничего. Отдышался, оклемался, всё нормально». Он словно ждал, чтобы я отыграла премьеру. И я успела...

☉ **Вы не раз называли себя папиной дочкой...**

– Папа рассказывал, что, когда я появилась на свет, он подумал: «Какое счастье, что девочка! И в армию её не заберут, и спяну никого не зарежет!» А у меня всегда было ощущение, почти физиологическое, что это он меня родил. Мы совпадали и по темпераменту, и по отношению к жизни, у нас были абсолютно идентичные реакции на всё, вкусы одинаковые – от произведений искусства до еды и одежды. Мама (актриса Ирина Кириченко. – Прим. авт.) это воспринимала с юмором. Помню, на отцовском 50-летию меня вынудили сказать тост. А я этого делать не умею, поэтому сказала первое, что пришло в голову:

«Мам, приношу тебе свои глубокие извинения, но пуповиной я до сих пор соединена с отцом!» О внешнем сходстве я вообще молчу. Дед, кстати, часто иронизировал по поводу своей внешности. Однажды ему предложили отступить в Дворянское собрание – корни-то его оттуда, из дворян. На что он ответил: «Спасибо, но я каждый день бреюсь». «В каком смысле?» – не поняли его. «В смысле каждый день смотрю на себя в зеркало. Ну какой из меня дворянин?» Ржал, вспоминая, что, когда им в институте преподавали манеры, они с Олегом Анофриевым всегда были прислугой. Когда я вздумала поступать в театральный, мама не церемонилась и тоже начала с зеркала: «Ты себя в зеркало-то видела?» Я тогда была ещё и толстая, с румянцем во всю щёку, похожа на пластмассового пупса из «Детского мира». Папа повёл себя тоньше: «Хочешь в актрисы? А тебя ничего не смущает?» – «Нет, ничего». – «Ну, всё-таки данные...» – «А у тебя?!» Ему и крыть нечем. Спрашивает дальше: «А что будешь читать?» – «Монолог Алёши Карамазова». Он опять за своё: «И тебя ничего не смущает?» – «Нет! Многие актёры не понимают, о чём он, а я знаю». В общем, меня уже было не сдвинуть – тоже дуровская черта. «Ладно, – сказал папа. – Только учти, я палец о палец не ударю, поступай сама». В Школе-студии МХАТ я пролетела со свистом, зато была принята в ГИТИС. Когда уже выпускалась оттуда, один наш педагог признался: «А я ведь тебя чуть не завалил на прослушиваниях. Всё убеждал комиссию: «Ну зачем нам этот шар?» Кстати, когда Дед поступал, комиссия тоже сомневалась – брать не брать? – из-за его невысокого роста.

До третьего курса отец мои институтские работы не смотрел – боялся. И вдруг я снялась в эпизоде «Школьного вальса», а потом и вовсе случилось чудо. По всем театральным искали героиню на роль старшеклассницы в телефильм самого Авербаха «Фантазии Фарятьева». Студентки пробовались пачками. Я тоже ходила, но особо ни на что не надеялась. И тут звонок – меня утвердили! Когда узнала, кто мои партнёры, даже сдрейфила – Марина Неёлова, Зинаида Шарко, Андрей Миронов. С Мироновым мы были знакомы. Они вместе с отцом играли на Бронной в «Продолжении Дон Жуана», сидели в одной гримёрной. Однажды после спектакля я ввалилась к ним без стука и увидела, как Андрей Александрович сдирает с себя окровавленную рубашку. Страшное дело! У него тогда обострился фурункулез, но он себя не щадил, всё равно работал. Дед называл талант Миронова хрустальным, а Миронов после поклонов шутил: «Я играл гениально, и ты, Лёвка, мне даже не мешал!» У них были неформальные отношения. Конечно, на «Фантазиях Фарятьева» Миронов вспомнил, чья я дочка. Но это не имело значения. Общался он со мной на равных, как со

взрослым, опытным коллегой. Только так! Авербах добивался, чтобы на этот раз Миронов выглядел совершенно другим, без его знаменитого лоска. Не разрешал ему мыть голову, требовал зашуганного взгляда. И в такого персонажа я по роли влюблялась. На площадке меня все хвалили, но, если честно, я тогда мало что соображала, выезжала на интуиции. Деду, как я сыграла, понравилось. Зауважал.

☉ **А почему Дед? Домашнее прозвище?**

– Стало домашним. На самом деле приклеилось оно к нему ещё в 60-х, в Театре им. Ленинского комсомола. Там Валю Смирнитского называли Мальчонка, Ольгу Михайловну Яковлеву – Девчушка, а отца – Дед. Так они и общались. Откуда прозвище, он вспомнил благодаря мне. Я любила расспрашивать и про детство, и как в театре начинал. В Центральном детском, куда отец попал после Школы-студии МХАТ, он проходил боевое крещение через «зад лошади». Конька-Горбунка играли два актёра: один стоял в полный рост, с лошадиной мордой на голове, а второй позади, согнувшись под прямым углом и держа первого за талию. Вся конструкция накрывалась попоной. И под ней «перед лошади» свободными руками и щипал, и щекотал «зад», который вынужден был всё терпеть. А ещё отца прямо на сцене посто-янно «колол» Олег Николаевич Ефремов. После конкретной реплики он шептал всего одно слово: «Колбаса», – и папу начинало тряссти от смеха. Он

не знал, что делать, пока кто-то из опытных коллег не подсказал: «Тебе надо его опередить». И вот на следующем спектакле Ефремов только набрал воздуха, а папа ему: «Ливерная!» Тут уж раскололся Олег Николаевич, да так, что пришлось давать занавес. Артисту Дурову объявили выговор. И тем не менее вскоре у него появилось много новых ролей: Чеснок, Огонь, Молодой Огурец, Говорящая Тучка, Репейник, Пудель Артемон... Часть афиш у нас жива до сих пор.

А из отцовых рассказов о войне меня особенно потряс такой. Дело было, когда Москву ещё сильно бомбили. Мальчишки лазали на крышу своего дома, Лефортовского дворца, приспособленного под коммуналки, и соревновались, кто больше потушит зажигалок. И однажды расселись они вокруг трубы в ожидании налёта, как вдруг из-за облака вынырнул вражеский самолёт в крестах и пролетел низко над их головами. Немецкий пилот посмотрел Деду в глаза, оскалился и подмигнул. А потом сбросил весь бомбовый груз на госпиталь неподалёку. Спустя пару лет через центр Москвы должны были прогнать колонну пленных немцев – двадцать с лишним тысяч. Такое отец пропустить не мог! Кто-то из взрослых посадил его на фонарный столб. С высоты он вдруг увидел в потоке понурых солдат того лётчика. И они снова встретились глазами. Вскоре после войны Лефортовский дворец стали ремонтировать силами военнопленных. Иногда они звонили в дверь, просили пить. И вот однажды за водой пришёл тот самый немец из самолёта. Отец в этом был абсолютно уверен! Глядя в упор, он дал ему воды и отрезал кусок хлеба. Тот не смог взять. Ребёнок вышел победителем. Больше они не встречались.

☉ **Да, рассказчиком Лев Константинович был великоленным. А как он начал писать?**

– На даче часто гуляла наша с Володей (муж Екатерины – актёр Владимир Ершов. - Прим. авт.) компания во главе с Гармашом. Они с мамой сразу начинали говорить на ридной мове – она ж из Киева, затягивали украинские песни. А выпивали мы уже под Дедовы байки. Это были сплошь гоме-рические истории. Со временем у каждого появи-лась своя любимая, и целый вечер все по очереди просили: Лев Константинович, а расскажите про это... и про это... Особым успехом пользовалась байка про чудесную мазь. Ещё в молодости папа стал лысеть. И друзья по случаю привезли ему из Тбилиси от знахарки какое-то растирание на чесноке. Прямо к поезду, перед гастроярми. А в со-седнем купе ехали актёры Кашинцев, Мартынюк, Сайфулин и Смирнитский. Стали они выпивать, а закусить нечем. Стучат к Деду: «Съедобное есть?» – и косятся на банку с мазью – чесноком же прёт! Отец говорит: «Нет! Это средство, чтобы волосы росли». Они его оборжали, мол, размеч-тался, и ушли. Ночью отец проснулся и увидел:

на крючке висит парик его попутчицы Ольги Михайловны Яковлевой. Тогда парики были в моде, их многие женщины носили. Примерил – красота: волнистые локоны ниже плеч, светло-русые, как у него. Так и вошёл к ребятам: «Ну, смотри-те – выросли! А вы мне не верили!» Смирнитский от смеха упал с верхней полки и сломал руку, остальные решили, что у них белая горячка.

И вот однажды во время посиделок кто-то сказал мне: «Слушай, за Дедом записывать надо. Хотя бы магнитофон включать. Такая фактура! Жаль, если всё пропадёт». Вначале отец отреагировал бурно: «Вы чего?! Буду я ещё на магнитофон!» Но мы убедили, что байки его интересны не только для домашнего пользования. В итоге у него вышло четыре книги. И хорошо разошлись, даже переиздавались! А ведь в какой-то момент Дед чуть не дал задний ход. Он попросил прочесть несколько рассказов о военном времени своего друга – большого писателя Виктора Астафьева. Спустя время тот позвонил: «Лёвка, фулюган, читал в самолёте твои сочинения, ой хохотал! Соседям показывал – тоже смеялись. Чуть в воздухе не перевернулись! Никогда больше не пиши, и так развелось графоманов!» Папа сник, а потом решил: «Буду-ка считать, что Астафьев просто ревнует».

А познакомились они оригинально. Мы были на гастролях в Красноярске. Выдался свободный день, и отец, который ненавидел сидеть на месте, предложил: «Ведь где-то недалеко живёт писатель Астафьев. Давайте съездим!» Высоко ценил его слово. В Овсянке деревенские показали нам нужный дом. Калитка оказалась по-простому заперта на крючок, но можно было просунуть руку и открыть. Вошли, пошумели: «Есть кто? Хозяйка дома?» Видим – женщина в окошко выглядывает. А потом вдруг раздался крик: «Витюня! Лёвочка приехал!» Как будто близкий родственник стоит у дверей. А ведь они раньше вообще никогда не встречались! Целый день мы провели вместе. Гуляли по Овсянке, Виктор Петрович всё нам показывал, даже водил на могилу своей мамы, потом обедом потчевал. Ощущение было такое, что они с папой дружат с детства. А люди просто совпали.

☉ Дуров вообще легко сходился с людьми?

– Да. Он считал, что по отношению к окружающим могут быть две внутренние установки. Одна: все люди дерьмо, и докажи мне, что ты – нет. Вторая обратная: все вокруг замечательные, а если нарываешься на дерьмо – сам виноват. Так вот у папы всегда была вторая установка, он принимал всех и очень страдал, когда заставляли разочаровываться. Чаше прощал, но бывало, что вмиг рвал отношения, причём навсегда, если кто-то вёл себя непорядочно, подло, по-хамски. Пусть даже не с ним, а с кем-то другим. Такой случай произо-

шёл в конце 80-х. Фамилий называть не буду. Дед с двумя коллегами готовился к спектаклю в гримёрной. И вдруг его приятель, актёр очень известный, народный, начал страшно унижать другого. А тот был безобидный человек, пожилой уже, который всю жизнь прослужил в этом театре, но играл в основном «кушать подано». И вот народный из-за какой-то ерунды на него совершенно омерзительно разорался. Отец по складу резкий, правдолюб – объяснил народному, кто он есть, и подытожил: «Я тебя теперь знать не знаю, на километр ко мне не подходи!» Больше они никогда не общались.

Дед ведь и подраться легко мог. О себе говорил: «Я не храбрый – я безрассудный. Со мной лучше не связываться, я лефортовская шпана». Вспыхивал молниеносно. Классическая история – как мы с родителями ехали на троллейбусе в театр. У них спектакль, ну и я хвостом увязалась. Лет пятнадцать мне было. Они сели впереди, а я стояла на задней площадке. И там ко мне стали клеиться два подвыпивших парня. Услышав это, папа встал, подошёл к нам. Мама уже знала, чем всё закончится, и, не поворачивая головы, лишь индифферентно протянула: «Ну Лё-ё-ёва...» Папа траектории не изменил. На остановке открылись двери. Через секунду парни валялись на асфальте – он просто молча взял их за шкуру и выкинул, как котят. Самое интересное, что и мне это передалось. В де-

*«Не знаю, кто придумал
такую формулировку:
«Незаменимых людей нет».
Не может быть такого!
Каждый человек
незаменим»*

ЛЕВ ДУРОВ

-
- ▶ **Наверху:** Школа-студия МХАТ. Справа от Льва Константиновича – будущая жена Ирина Кириченко
 - ▶ **Справа:** С дочерью Катей в Ялте. 70-е годы
- На странице слева:**
- ▶ Тарзан. Студенческие годы
 - ▶ **Наверху:** В Лефортово. 1942 год
 - ▶ **Внизу:** Урок грима в Школе-студии МХАТ

вятом классе я перешла в другую школу. В первый же день, после уроков, на меня попытались наехать два одноклассника: «Ну чё, Дурова...» Продолжить не успели – уже ползали по полу. При познании я была стремительной, как папа. Лишь с возрастом мы оба научились притормаживать.

☉ **Вырисовывается классический образ «плохого парня». Обычно в таких и влюбляются хорошие девочки.**

– Так и было. Папа учился на третьем курсе, когда у них в Школе-студии МХАТ появилась мама – перевелась из Киевского театрального. Она была потрясающей красавицей – яркая, рыжая, глазастая, статная. Папа подошёл к ней и говорит: «Учти, ты – моя будущая жена!» – и стал думать, как бы её охмурить. А вокруг уже навораживали круги Игорь Кваша и Валентин Гафт, да и других поклонников была туча. Выбрал тактику осады: постоянно попадался ей на глаза, смешил, провожал после занятий. Постепенно они начали встречаться. Однажды Дед решил преподнести маме букет. Денег на него, естественно, не было. Когда стемнело, он стал ползать по лефортовским палисадникам и тырить «лютики» у соседей. И вот лежит на очередной грядке, перекусывает зубами стебли роз, а тут хозяйка. Он дал дёру и в темноте налетел шеей на проволоку. Рассказывал, что синяя полоса потом была как у висельника. Мама подвиг оценила. Вскоре они поженились. Многие удивлялись: «Она же выше Лёвки на целую голову!» Что родителей не смущало абсолютно. Мама ещё и каблуки носила. Это был аттракцион!

Ревновал Дед её страшно. Как-то раз, ещё в студенчестве, он увидел, что мама стоит на улице Горького и оживлённо разговаривает с каким-то солидным кавказцем. Подскочил к нему и – в чело. У мужика искры из глаз, а мама возмущается: «Ты с ума сошёл! Он просто спросил, где тут магазин «Российские вина»!» Другую историю папа часто рассказывал на бис. В конце 70-х у мамы было потрясающее розовое пальто из букле – писк моды. Одно на всю Москву – друзья привезли из Франции. И вот возвращается как-то днём папа из театра на троллейбусе, и вдруг за окном мелькнуло что-то знакомое, розовое. Пригляделся – да это же его жена обнимается с каким-то типом! Отца затрясло. Решил: убью обоих! Не помня себя, он добрался до дома. Отпирает дверь, а за ней жена: «Что случилось? На тебе лица нет!» «Значит, это не ты сейчас целовалась на бульваре?» – выдохнул Дед с облегчением и показал кулак розовому пальто, спокойно висевшему на крючке в прихожей. Зато мама отца не ревновала вообще. Была почему-то совершенно в нём уверена. Держалась всегда очень спокойно, с достоинством. Это воспитание – она ж «из бывших». Бабушка её служила фрейлиной при дворе его императорского величества, а дед был генералом царской армии,

и аристократизм в ней чувствовался. Она редко афористично формулировала свои мысли, в нашем кругу её до сих пор цитируют. Однажды Дед крыл кого-то по телефону матом. На что мама хладнокровно заметила: «Лёвочка, ты создаёшь в комнате невыносимый фонетический климат!» Или другой пример. Спрашиваю: «Мам, объясни, почему я и папа с N давно на ты, а ты – упорно на вы?» И она выдала: «Катенька, вы не понимаете прелести пафоса дистанции». Так что в смысле юмора они с папой слились в экстазе.

Как-то к нам на дачу друга привезли приятелей-немцев. Мы сводили их на пруд искупаться, потом накормили обедом, налили по рюмочке. Немцев разморило. Спрашивают: «А где у вас тут можно поспать?» – «Да где угодно! И они разбрелись по дому. Тут из своей комнаты выплывает мама. Интересуется: «А где немцы?» «Да выпили и спят вповалку», – отвечаю. – «Вот поэтому мы их и победили». Занавес.

**«Я ПРОЖИЛ
С ОДНОЙ ЖЕН-
ЩИНОЙ БОЛЬШЕ
50 ЛЕТ.
ПОТОМУ ЧТО НЕ
ПРЕДЪЯВЛЯЛ ЕЙ
ПРЕТЕНЗИЙ»**

ЛЕВ ДУРОВ

Папу нельзя назвать подкаблучником, но советовался он с мамой всегда и во всём. Она была его камертоном по вкусу. Вместе они прожили 57 лет и серьёзно ни разу не поссорились. Отец считал, пусть страсть с годами проходит, но если остаётся потребность дружить и быть собеседниками, то это и есть залог счастливой семейной жизни. И ещё у него был секрет крепких отношений: никогда не говорить дома о деньгах. Мама даже не очень-то представляла, сколько он получает. Помню, попросила на что-то, Дед сказал: «Возьми там, в верхнем ящике». «Но, Лёва, там ничего нет». «Нет – значит, заработаем!» И всё, вопрос снят.

В 90-е кино снимать стали мало, доходы упали. Зато открылись возможности для бизнеса. Дед велел: «Ну какой из меня бизнесмен!» К тому же был убеждён, что совмещать творчество и бизнес неправильно. А некоторые актёры совмещали. Он видел, как они меняются. Однажды поделился

со мной: «Сейчас вот Сашку Абдулова встретил. Начал он мне что-то про бизнес свой рассказывать, и глаз у него сразу волчий стал. Волчий!»

Урвать побольше – не входило в круг отцовских приоритетов. Да, зарабатывал он неплохо, но экономить не умел, всё сразу спускалось... на жизнь. Очень поздно купил себе первую машину – «копейку» «Жигули», а иномарки у него так никогда и не было. Водил чудовищно! Потому что не терпел, если на дороге его кто-нибудь обгоняет. Тут же вскипал и делал всё, чтобы вновь оказаться впереди. Он же стремительный, «вечный двигатель»! Второй раз люди к нему не садились. Однажды мы попросили его «выгулять» знакомых французов. Всех нас вместе он повёз в Сергиев Посад – в лавру. Когда мы вернулись домой, французы были зелёного цвета. Говорят: «Лев, знаете, сколько штрафов мы заплатили бы под Парижем? Несколько тысяч франков! Надеемся увидеть вас снова, и желательно целым!»

☉ Это правда, что семья ваша жила в довольно стеснённых условиях?

– Дед мог хлопотать за кого угодно, только не за себя. Считал это унижительным. У него была установка – мне подачки не нужны. После шести метров в коммуналке, где я родилась, мы получили крохотную однокомнатную квартиру в хрущёвке. Мебель втиснули с трудом, папе даже пришлось самому сколачивать мне кровать – типовая не вписывалась. А тут ещё мама с Украины привезла своё пианино – очень любила Баха играть. Поэтому лет с пяти я спала на раскладушке, которую на ночь ставили вдоль инструмента, под клавиатуру. Когда к нам приезжал мамин отец Николай Данилович – здоровенный дядька, военврач, он снимал-надевал пальто на лестничной клетке, потому что в прихожей не помещался. Несмотря на тесноту, гости у нас бывали постоянно. Как-то ночью папа вернулся со съёмок вместе с Иннокентием Михайловичем Смоктуновским. Тот споткнулся о мою кровать: «Ой, какая девочка! А можно её разбудить? Я так детей люблю!» Лишь спустя двенадцать лет мы перебрались в двухкомнатную квартиру на Фрунзенской набережной. Там мама с папой и прожили до конца своих дней.

☉ А почему родители приняли решение от- дать вас в интернат?

– Им некуда было деваться. Бабушки уже нянчили других внуков, а сами родители, как я всегда шучу, решали судьбы русского театра. Домой меня забирали только на выходные. Скучала, конечно, но «отбывала срок» без капризов: надо – значит, надо. Интернат, кстати, у нас был приличный, в число воспитанников входили дети дипломатов, артистов. Что угнетало, так это одинаковая казённая одежда. Помимо формы девочкам выдавали жуткие байковые платья, пальто с цигейковым воротником и фетровые боты. Из дома могли

быть только шапки-варежки. И кончилось это плачевно: папа привёз мне из ГДР милую жёлтенькую шапочку с козырьком, в интернате мне в неё тут же нагадили. Не выделяйся! А ещё постоянно хотелось есть. Кормили-то нормально, просто мы росли. Но приносить еду в интернат запрещалось – холодильников не было. Моей однокласснице родители всё равно давали с собой докторской колбасы в пергаменте. Жанка прятала её под матрас, и вскоре «нычка» начинала вонять. А разрешённые гостинцы из дома – яблочки-конфетки-печенье – сжирались за час. Поэтому мы тырили хлеб из столовой и всё время его жевали.

В середине 70-х вышел фильм «Странные взрослые». Там бездетная семейная пара удочеряет девочку. По иронии судьбы приёмных папу и маму играли мои родители. Но никаких параллелей и обид у меня не возникало – мол, меня в интернат сдали, а в кино – оттуда берут. Наоборот, мы с Риткой Сергеечевой, игравшей девочку-сироту, сразу подружились и дружим до сих пор. Сколько раз я бывала у них в гостях в Питере, а она на все каникулы приезжала к нам в Москву. Папу она звала «отец» до самой его смерти.

Чуть повзрослев, я начала «выступать»: «Зачем вы меня детства лишили, деспоты? Сдали в бурсу!» И Дед стал очень переживать. Так и не простил себе интерната, сколько я потом ни убеждала, что претензий не имею, а выкрики мои были чистым шантажом, гадской шуткой, чтобы родителей как-то переключить с процесса воспитания.

☉ А что, процесс был жёсткий?

– Как раз нет. «Розги» применялись лишь однажды. Мне было лет восемь. В театре родителям выдали зарплату – две купюры по 25 рублей. Они лежали на столе, под вазой. И я одну стащила – на мороженое. Не понимала, что это немалые деньги по тем временам. Пропажу, конечно, заметили. «Кать, ты не брала?» – спросили меня, и я соврала: «Нет». Искали по всей квартире, даже пианино двигали – мало ли куда сдуло? И вдруг мама находит бумажку в кармашке кукольного платья. Как же папа рассвирепел! Схватил тапок, отлупил меня как следует, а потом выставил из квартиры на лестницу: «Мне такая дочь не нужна!» Ревела я на весь дом, но выводы сделала. А вообще, отец считал, что педагогика – это выдуманная наука, что воспитывать можно только личным примером. Если я что-то делала не так, комментарии его были короткие, но ёмкие: «Сдурела?!» Одно слово, но с тако-о-ой интонацией! Этого было достаточно, чтобы его мысль перетекла в мою голову. Ещё всегда срабатывало, если Дед говорил: «Это не профессионально». Но самый адский ад был, когда из-за какой-то провинности он переставал со мной разговаривать. Мучилась страшно, зато сразу всё доходило. Этим приёмом он пользовался всю жизнь.

☉ **Вас часто брали с собой в театр?**

– Да. «Ленком» уже помню прекрасно. Однажды я слонялась там за кулисами во время спектакля по Брехту «Что тот солдат, что этот». К концу артиста Дурова по сюжету расстреливали, и он лежал в глубине сцены. Я нашла около него дырку в заднике и стала шептать: «Папа, папа!» Он чуть не поседел – вдруг я на публику выскочу?! А на Малой Бронной сильнейшее впечатление на меня произвёл спектакль «Брат Алёша». Я не просто плакала – криком кричала! Ну, это же Эфрос!..

Он был совершенно отдельным человеком в судьбе отца. Дед называл период творчества, связанный с Анатолием Васильевичем, самым счастливым временем в своей жизни. Говорил после ухода Эфроса на Таганку: «Теперь я свой актёрский век доживаю, пик пройден, такого больше не будет». Но относился к этому философски.

Дружили ли они? Скорее были единомышленниками, партнёрами. Называли друг друга Анатолий Васильевич и Лёвка. Только так, никакого панибратства. Он бывал у нас дома, и мы к нему на Брестскую приходили. Фамилия Эфрос была главным словом моего детства. Недавно мне напомнили, как перед репетициями я, пятилетняя, бежала, раскинув ручки и крича: «Дяденька Ефрус!» Первый раз в жизни я увидела, как папа плачет, когда Эфроса отстранили от руководства «Ленкомом». Там долгая история была, за него боролись, письма писали в защиту, папа ездил, собирал подписи. Любимов, Завадский, Ефремов, Капица, Уланова, Рихтер – все подписали. Потом они вдвоём с Ширвиндтом прорвались к Фурцевой, а она им: «Товарищи, давайте жить дружно...» – и стало ясно: это тупик. Дома отец разрыдался по-настоящему. Но потом у них были успешные годы в Театре на Малой Бронной, куда Эфроса назначили режиссёром. Он много занимал отца, даже советовался с ним. Помню, у Анатолия Васильевича случился первый инфаркт и после больницы его направили в санаторий. Мы с отцом поехали навестить, а заодно обсудить перспективы по репертуару. Выбрали Гоголя. И на моих глазах, прогуливаясь вокруг корпуса, они вдвоём сыграли всю «Женитьбу». Анатолий Васильевич звал отца ассистентом и вторым режиссёром почти на все свои спектакли. Но когда Дед начал ставить самостоятельно, не принимал его работ. Кричал: «Что, самостоятельности захотелось?!» Отец парировал: «Вы же сами меня в эту профессию за руку привели! Что ж сейчас-то убиваете?!»

После папиной смерти я нашла пачку эфросовских писем. Когда они бывали в конфликтах, то общались эпистолярно. Вдруг в конверте мне попала записка на обрывке газеты. Смысл такой: мол, Лёвка, я уже пообещал роль Наполеона Ульянову, отказывать неловко, поэтому давай с тобой до лучших времён... Могу себе представить, что

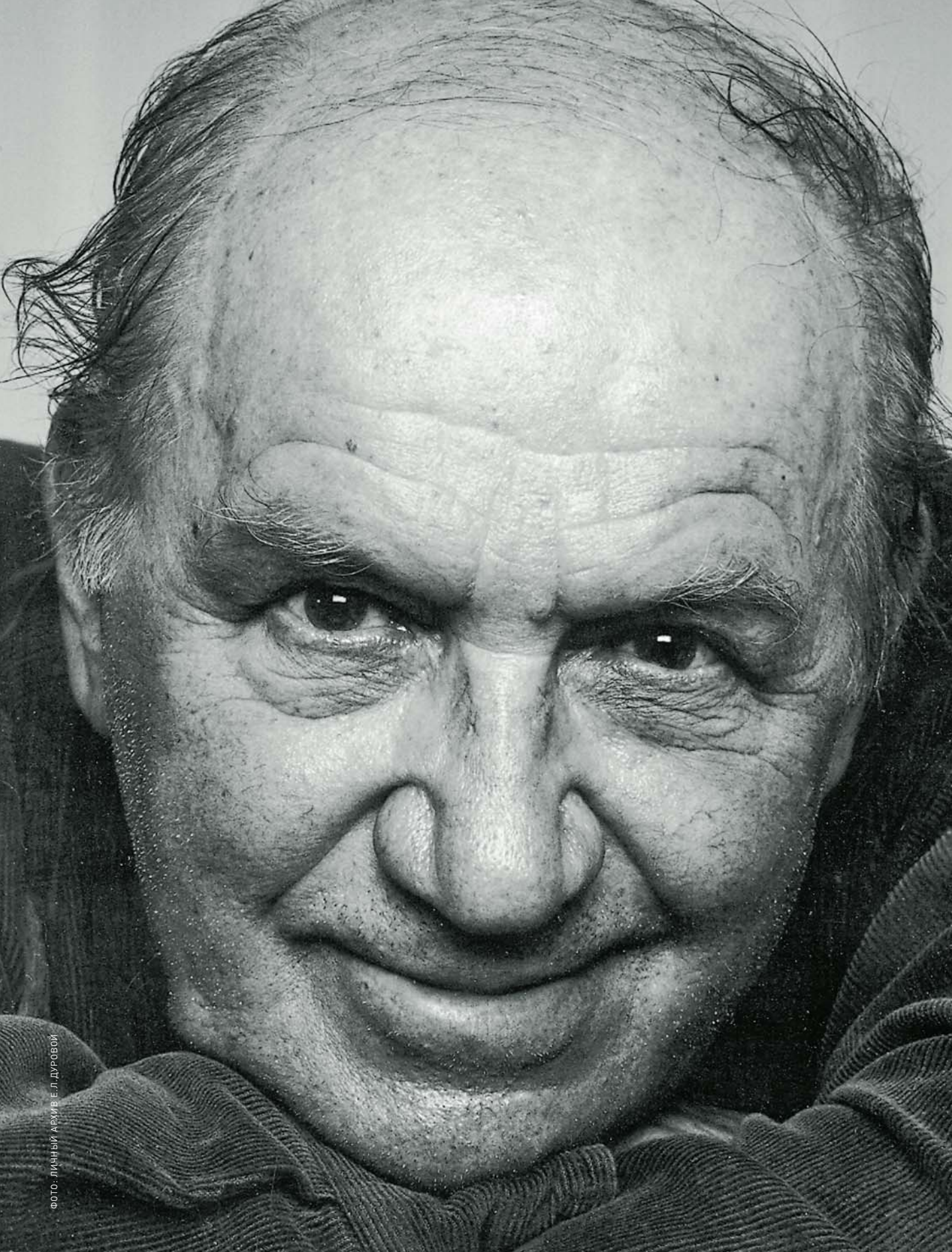
этому предшествовало и каково получить такое на газетном клочке. Видимо, Анатолию Васильевичу тогда казалось, что если частично поменять команду, то вдохнёшь в спектакли новую жизнь и всё пойдёт по-другому. Не пошло, не случилось...

В 1982 году Эфрос решил ещё раз поставить «Три сестры» – в новой версии, с другим составом. Ольга Яковлева теперь вместо Ирины играла Машу, а отца, у которого раньше была роль Чебутыкина, в спектакле вообще не было. На генеральном прогоне мы с ним сидели в зале. Через несколько сцен он повернулся ко мне, и такая растерянность была в его глазах! Он не мог понять – как после ТОГО сделать вот ЭТО? А потом отца обвинили в том, что он предал учителя. Очень болезненно он это переживал. Дома говорил: «Я не буду никому ничего объяснять, не собираюсь оправдываться. Не могу и не хочу. Я вообще не желаю ни с кем обсуждать эту тему – время ещё не пришло». Позже он называл произошедшее некой глупостью, путаницей. Я же думаю, что его элементарно подставили. Театр...

☉ **А почему он упорно не вступал в партию? Тогда это многим упрощало жизнь...**

– Это не обсуждалось – просто не вступал, и всё. На него не раз давили, что было бессмысленно. Недавно мне рассказали: 50-е, совсем ещё юный отец сидит в гримёрке, рисует себе морду Артемона. Тут заглядывает парторг и бодро начинает: «Дуров, а ты когда будешь вступать в партию?» «В какую?» – не поворачивая головы, спросил папа. Были и другие попытки, пока на Бронной парторгша не нарвалась капитально. Подходит: «Лёвочка, а почему ты не вступаешь в партию?» «Валя, отойди, а то я объясню, почему ты в неё вступила», – сказал Дед. Больше к нему не лезли.

Чиновникам любого уровня он не кланялся никогда. Всегда говорил: «От этих людей держаться надо подальше». Но если вынужден был, то общался без всякого придыхания. Плоховато у него было с субординацией. А после одного случая в Минкульте его вообще прозвали «народный бандит республики». Режиссёр Татьяна Лиознова утвердила отца на роль провокатора Клауса в «Семнадцать мгновений весны». Снимать должны были в ГДР. Тогда, чтобы выехать за границу, любому гражданину нужно было пройти комиссию в райкоме партии. Дед приходит. Сидят человек десять, смотрят на него рыбьими глазами – тётки откормленные на кримплеме, с халами на голове, дядьки в одинаковых костюмах. Задают вопрос: «Опишите государственный флаг СССР». Отец отшутился – обрисовал им пиратский флаг. Требуют дальше: «Назовите союзные республики нашей страны». Он снова шуточки шутить. А ему: «Перечислите членов Политбюро». Тут уж он ответил иначе: «Я не член партии и состава Политбюро не знаю», – повернулся и вышел из кабинета.

Не терпел, когда из него идиота делали. Приехал в театр, а директор ему: «Мне уже сверху звонили. Требуют, обуздайте Дурова, это бандит, таких сажать надо!» А вскоре позвонила и Лиознова: «Вы что устроили?! Вас вычеркнули из списков! Что теперь делать?!» «Ничего, – сказал Дед. – Пусть Штирлиц убьёт меня в Подмоскowie». Там и сняли. Но отец потом ещё три года был невыездным, и Госпремию за «Мгновения» ему не дали.

☉ **Тяжёлые времена кто помогал пережить?**

– Друзья. Самым близким был Юрий Владимирович Никулин. После съёмов в фильме «Ко мне, Мухтар!» у них на всю жизнь сложились нежнейшие отношения. Никулин звал отца Мальчиком, видимо, потому, что был на десять лет старше. Отец его обожал. Если что-то о нём рассказывал, голос становился восторженным. Они часто встречались – дом Никулина стоял напротив театра, обменивались новостями, свежими анекдотами. Всей семьёй мы ходили к ним в гости. Периодически Юрий Владимирович с отцом друг друга разыгрывали, довольно изощрённо, порой даже жестоко. Но никогда не обижались. Однажды папе позвонили из секретариата Президиума Верховного Совета: «Вас наградили орденом Трудового Красного Знамени. Вручение состоится послезавтра в десять утра». Точно в срок, в приятном волнении, Дед прибыл на место. Перед входом часовые. Говорят ему: «Сегодня не награжденный день. Сейчас всё уточним». И оказалось, что актёра Дурова вообще нет в списках и никакой орден ему не положен. Уязвлённый, он повернул назад и вдруг видит – стоит Никулин, улыбается: «Ну что, поверил, дурачок? Как маленький!» Папа вначале высказал всё, что о нём думает, и пообещал ответную каверзу. А потом они обнялись.

Юрия Владимировича не стало, когда отец лежал в Склифе после операции. И я ему специально ничего не говорила. Но тут кто-то из ходячих увидел по телевизору и пришёл в палату: «Слышали? Никулин умер». Боялась, Дед не выдержит. Как он переживал, что на похоронах быть не может! Зато теперь они рядышком на Новодевичьем. Там все свои. И Рихтер, с которым отец тоже был дружен.

Они познакомились через актёра нашего театра Митю Дорлиака, который был племянником жены Святослава Теофиловича. В гостях у них мы тоже бывали неоднократно. Это было прекрасное время. На Митиных днях рождения Рихтер работал тапёром. То есть все плясали под Рихтера! А однажды за рояль села мама и давай наяривать: тыц-тыц-тыц – какие-то жуткие частушки: «Ка-а-анфетка моя леденистая!» И величайший пианист планеты в восторге кинулся к ней: «Ирочка, какая прелесть! Я так не умею! Можно попробовать?»

Как-то вечером папа вышел из театра, а Святослав Теофилович возвращался домой после

концерта. Жил он рядом, в том же доме, что и Никулин. Стали раскланиваться. Рихтер снял свой каракулевый пирожок, папа кепку, естественно, тоже. Долго стоят, неторопливо беседуют. А зима, падает снег. Наконец папа не выдержал: «Святослав Теофилович, ну наденьте, пожалуйста, шапку, холодно же!» А тот отвечает: «То есть как, Лёвочка? Разговаривать с вами в шапке я не могу!» И сразу понятно, что это был за интеллигентнейший человек!

☉ **Как Лев Константинович относился к тому, что злые языки прозвали Театр на Малой Бронной «уголком Дурова»?**

– Шутил – мол, у его двоюродной сестры Натальи (продолжательница цирковой династии Дуровых. – Прим. авт.) есть свой «уголок», и у него пусть будет. Это началось, когда я пришла на Бронную (с показов-то меня не взяли, и сначала я работала на Таганке), да ещё умудрилась выйти замуж за актёра нашего театра Владимира Ершова. Ну, и мама в труппе. А тут ещё Дедова родная сестра Люда просит пристроить к себе племянника Кирюшу после института. Отказал: «Вы чего, в какое положение меня ставите?!» Лукавить не буду – конечно, Дед относился к нам не как к другим. Это неизбежно – свои есть свои. Я играла во всех его постановках. А что? Марку Анатольевичу (Захарову. – Прим. авт.) можно, а Льву Константиновичу нет? Но и спрос с родных у него был особый. Однажды он даже снял маму с роли. Собирался ставить «Лес» и пообещал ей роль Гурмыжской. А потом понял, что мама «не монтируется» с персонажем и надо менять состав. Долго мучился, как ей сказать, – это же удар под дых! Но мама истерик закатывать не стала, переживала молча. Она вообще у Деда ролей никогда не просила, эта тема у них была закрыта.

А ведь существовал ещё и третий «уголок Дурова». Дед собирал всякое старье: железные замки, ключи, каски солдатские, самовары, прялки, коромысла, горшки глиняные, бронзовые колокольчики. Ему нравилось всё исконное, натуральное, то, чем раньше пользовались люди. Что-то скупал по деревням, на блошинках, что-то дарили. О себе говорил: «Я не коллекционер – я барахольщик». Когда в 70-е сносились ветхая Преображенка, Деду подсказали: «Езжай, там для тебя Клондайк!» Мы захватили с собой отвёртки и вдвоём свинтили все медные дверные ручки и шпингалеты. Потом набрали на голландскую кафельную печь и сняли с неё изразцы, которыми позже отделили у себя камин. На нашей даче под Сергиевым Посадом мой муж Володя прибил над флигелем вывеску – «Уголок Дурова». И все Дедовы экспонаты там развешены-разложены художественно, со смыслом. Экскурсии водить можно! Один галстук из платья Евы Браун чего стоит!

☉ **Ну, про галстук – это всё-таки байка?**

– Чистая правда! Мои родители дружили с Розой Робертовной – заведующей детским садом, в который я ходила. А муж её был очень высоким военным чином. После войны руководил разборкой бункера Гитлера. Раритетный бланк с грифом «Адольф Гитлер приказывает» подарил отцу он. В бункере же была гардеробная Евы Браун. Кое-что из её нарядов военный отправил в Москву жене. И вот сижу я как-то у Розы дома – меня подкидывали ей на выходные, когда у родителей были дела, и тут она говорит: «У Лёвы же завтра день рождения! Давай ему галстук сошьём!» И достаёт из шкафа шёлковое платье – чёрное, с мелкими оранжевыми квадратиками. Мы отчикали ножницами подол, соорудили «селёдку» и прикрепили к обычной резинке. Вручая подарок, Роза похвалилась, что он из платья жены Гитлера. Все страшно удивились! Галстук тот отец потом долго носил и очень им гордился. Так что далеко не все его байки – вымысел, хоть Гафт и написал в эпитаграмме:

*Артист, рассказчик, режиссёр, –
Как в нём талант неровно дышит!
Он стал писать с недавних пор –
Наврёт, поверит и запишет.*

С Гафтом у них бывали долгие телефонные бдения. Валя что-то сочинит и звонит, читает Деду.

А Дед ему – своё. В последнее время он увлекался одностишиями. Например: «Я негодяй, но вас предупреждали» или «Уж раз вы президент, так воздержитесь»... Я тоже однажды придумала от его имени, к юбилею: «Мне семьдесят, а вам какое дело?» Он ненавидел праздновать юбилеи, называл их «репетицией похорон».

☉ **А куда деваться, персона-то публичная!**

– Дед нашёл выход. Уж что он умел виртуозно, так это снизить пафос, как сам выражался – «опустяшить». Поэтому из своих юбилеев стал делать капустники. На 75-летие устроил полное безобразие – вдвоём с девицей исполнил настоящий стриптиз под музыку. На причинном месте у него красовался фиговый листок с надписью «75». А в 80 выезжал из-под сцены, весь в цветных дымах. Говорил: «Уж лучше так! А то сидишь, как дурак, весь обложенный цветами».

В квартире родителей было много живописных портретов отца, и на всех он – клоун. Однажды, на Эдинбургском театральном фестивале в шотландской прессе его назвали «трагическим клоуном». Как он гордился, что разглядели, прочувствовали, потому что себя ощущал именно таким. Да что ощущал! Собственно, отец и был всю жизнь трагическим клоуном... ☉

Menopase
Britain's No.1 supplements

Бережный подход
к лечению симптомов
менопаузы

Действие:

- уменьшение приливов и ночных потов
- уменьшение беспокойства и раздражительности
- снижение приступов сердцебиения

Остеокеа.
Лечение и профилактика
остеопороза+ здоровые зубы.

Menopase
МНОПОЙС
КАПСУЛЫ
комплексная
терапия
менопаузы

VITABIOTICS
SCIENCE OF HEALTHY LIVING

Остеокеа.РУ П N009722 от 14.07.2006 г. Менопейс.РУ П N015844/01 от 10.08.2010г www.vitabiotics.ru

Спрашивайте в аптеках.

АЗАРТ

В предыдущих главах наш герой оказывается на корабле, который никуда не плывёт, и знакомится с его интернациональной командой

МАКСИМ КАНТОР

Глава пятая КАЮТ-КОМПАНИЯ

Тогда я был покрепче, чем сегодня. Или наивнее, что почти одно и то же. Ещё был жив отец, терпеливый человек, всю жизнь писавший книгу, которая должна была изменить ход истории человечества. Изменить никак не удавалось, но папа каждый день садился к столу и писал неразборчивые каракули. Когда я спрашивал, не обидно ли, что его сочинения не печатают, отвечал с улыбкой: «Гомера тоже не печатали». Я привык, что папа каждый день горбится над рукописью, и мне передалась его безмятежная уверенность.

Отец превратился в развалину, но он продолжал, подволакивая ногу, передвигать слабое тело к столу, садился на край жёсткого стула, писал каракули, которые трудно разобрать даже благожелательному читателю.

– Откуда ты знаешь, что это нужно?

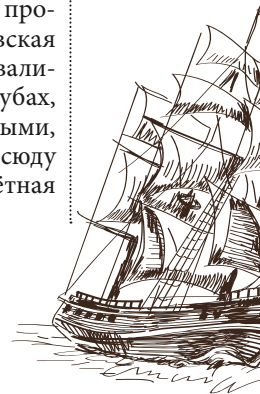
– Труд всегда пробивает дорогу.

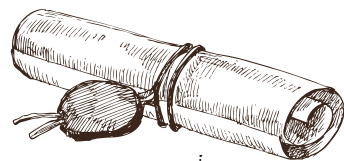
И я верил. Теперь-то я насмотрелся всякого. Терпение спасает ненадолго. Те, кто ждёт удара, живут немного дольше наивных, вот и всё. Их тоже рано или поздно достанут. В те годы я считал, что сопротивление судьбе побеждает судьбу.

Вдруг поверил, что корабль легко построить. А что тут невозможного? Можно построить! И корабль поплывёт. Ведь основа – есть! Вот, стоит на воде огромный железный остов, покачивается на волнах, не тонет – что ещё нужно, чтобы поплыть? Мачты поставить, палубу постелить. Машину отремонтировать. Паруса ещё нужны. Это что, большая проблема? Это даже проще, чем написать философию истории. Были бы руки, были бы мозги. План нужен, надо сесть за стол, договориться.

– Пошли в кают-компанию, – сказал Август. – План работ составим.

Мы переместились из матросского кубрика в машинное отделение – шли гуськом, в корабельных коридорах надо ходить осторожно, выстраиваясь в затылок друг другу; там проходы узкие и железные полы скользкие. Дети держались за руки, их матери (августовская жена Саша и моя жена) страховали детей от того, чтобы те не свалились в люки и не провалились в многочисленные дыры. Не знаю ещё, как назвать эти прорехи и отверстия в палубах, что в нижней, что верхней, и щели в коридорных полах. Доски палубы были трухлявыми, а железные полы коридоров съедены ржавчиной и разрушены внешними силами – повсюду зияли какие-то непонятные отверстия, словно по корабельному телу прошла пулемётная очередь, только пули были изрядного размера.

– Всё это мы залатаем, – легкомысленно сказал Август и махнул рукой, отметая сомнения. – Завтра и начнём.

– С какого места начнём? – равнодушно спросил англичанин Адриан. Он уж точно работать не собирался.

Оксфордский историк Адриан, левая активистка Присцилла и лысый актёр с Таганки потянулись за нами. Англичанин ступал по гнилым настилам корабля осмотрительно, выставлял чищенный штиблет бережно, а свободная дочь Франции топала так, что корабль дрожал. Актёр же по пути заглядывал в каждую щель – искал припрятанные музыкантом Йоханом консервы.

– Он же банки тут где-то прикапывает... Запасливый, гад... Жрать очень хочется... – И пытливый взгляд служителя Мельпомены шарил по железным лестницам и переборкам морской посуды. – Сам-то, небось, питается хорошо...

Пришли в кают-компанию. Выяснилось, что машинное отделение на «Азарте» играет роль гостиной, то есть той самой, хрестоматийной, воспетой в суровых морских романах кают-компании. Сломанная машина (огромный ржавый мотор, больное сердце корабля) занимала большую часть помещения. Машина выглядела как гигантский сундук, из которого там и сям торчат рычаги и колёсики, сундук стоял посередине и использовался как большой обеденный стол. Там, за общей скудной трапезой (картофельные чипсы, две банки консервированной макрели, холодные бобы), я познакомился с прочими членами экипажа. Их было пятеро.

Итальянец Микеле, вертлявый человек с ранней плешью на курчавой голове, в прошлом был менеджер. Он охотно поведал о своих проделках и переговорах. Микеле продавал аргентинские комбайны в Казахстан, причём стороны заключали контракты в Гонконге. Безумная эта схема представлялась Микеле абсолютно естественной – а как же иначе избежать налогов? – а вот намерение своими силами положить палубу выглядело недостижимой утопией.

– Кто же будет доски строгать? – спрашивал удивлённо Микеле, которому ничего не стоило слетать в Гонконг из Буэнос-Айреса, чтобы заключить сделку с Алма-Атой.

– Ты, Микеле, вот именно ты будешь палубу класть. Ты же крепкий парень!

– Вы сошли с ума! Я не умею!

– Значит, продавать комбайны казахам ты умеешь?

– О, си, си! Продавать аргентинские комбайны – ми пьаче! Белло! Ми пьаче продавать комбайны казахам в Гонконге!

– А гвоздь вбить ты не можешь?!

– О, но, но!

– Микеле, ты лентяй!

– Как ты можешь, Август, мне это говорить! Я работаю круглый день. Ты продавал комбайны казахам? У меня нет времени на обед. О, это ад, inferно! Конкуренция, си! Я потерял работу!

От Микеле ждали, что с его феноменальными способностями команда достанет редкие детали для машины.

– Нужна командировка в Гонконг, – говорил Микеле. – Проблему надо решать в Гонконге. Купите мне билет в Гонконг от фирмы.

– От какой фирмы?

– От фирмы «Азарт»!

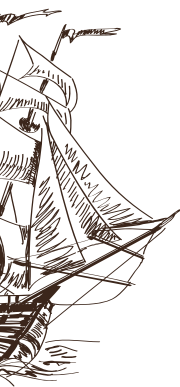
– Но у нас нет фирмы, Микеле. Мы просто семья. Ты же итальянец. Ты должен понимать, что такое семья!

– Семья – си! Но в семье должен быть папа, который платит за командировки.

– Микеле, это не мафия. Это просто семья. Общее дело. Ты делаешь свою работу, а я свою.

– А кто же платит за командировки?

Август смотрел на Микеле с досадой; итальянец же встречал взгляд капитана приветливо, он переносил непонимание окружающих стойко.

Подле Микеле сидели два брата-еврея – Ян и Яков. Братья торговали рыбой, что для Амстердама дело обычное, но это необычно для еврейской семьи. Сперва я решил, что «торговать рыбой» на жаргоне амстердамского порта значит нечто малопривычное. Например, император Тиберий называл «рыбками» своих юных фаворитов. Однако речь шла именно о сёмге и камбале. Что заставило бойких людей, ищущих лёгкой и комфортной жизни, торговать рыбой? Впрочем, с рыбой дело не пошло, и братья оказались на «Азарте». Они убедили Августа, что ему требуются связи в порту. До известной степени это было правдой.

– Порт я знаю от и до, – говорил Яков снисходительно. У него была такая манера говорить, словно он делал одолжение собеседнику, сообщая очевидные вещи, от знания которых уже устал. – Растаможка, декларации, фрахт, накладные, склады – это ко мне.

– Надо знать, к кому подойти, – качал головой его брат Ян. Он был такой же, как Яков, но к тому же скорбный – не только устал от знаний, но понял их тщету.

– Надо уметь закинуть крючок, – говорил Яков устало. Он столько закинул крючков в жизни, а теперь сидел на берегу, следил за поплавами. Но клёва не было.

Братья предложили стратегию деятельности в порту. Они излагали план устало, словно речь шла об очевидной истине.

– Строительство корабля – хороший ход, – сказал Яков и зевнул, прикрывая рот рукой. – Мы с Яном ходим и говорим: мы строим корабль. Люди спрашивают: большой корабль? Отвечаю: огромный корабль! Это неплохое начало разговора. А дальше?

– Дальше надо корабль построить, – сказал Август.

– Важно корабль вовремя продать, – объяснил капитану Яков снисходительно. – На рынке много кораблей. Мы рискуем.

– Надо успеть, – пояснил Ян грустно.

– Не хочу продавать «Азарт», – сказал Август.

– Кому нужен дырявый «Азарт»? – Яков опять зевнул. – Надо организовать подписку на строительство нового корабля. Будем продавать корабль по частям.

– Но корабль ещё не построен. Корабля пока нет!

– Без корабля даже удобнее – можно нарисовать любой чертёж. Хотите каюту с джакузи и мраморным полом? Пожалуйста. – И снова зевок.

– «Азарт» не продаётся!

– Продай другой корабль. Какая разница? Назови новый корабль – «Гешефт».

– А кто другой корабль будет строить?

– А зачем строить? Не будет никакого другого корабля.

Некоторое время все члены экипажа смотрели на братьев – кто с недоумением, кто (левая Присцилла и артист Театра на Таганке) с восхищением. Братья легко выдержали взгляды команды: в их непростой жизни они повидали тугодумов и тупиц. Выдержали и этих.

– От вас требуется одно, – сказал братьям Август. Капитан говорил терпеливо, не позволяя себе эмоций, всё же колледж иезуитов учит терпению. – Вы должны обеспечить бесплатную стоянку кораблю. Пока чинимся, мы не можем платить за стоянку.

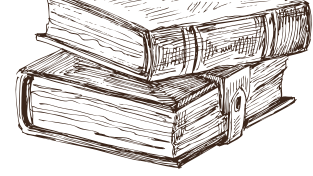
– Добра тебе хотим, капитан.

Напротив братьев, торговцев рыбой, сидели два рыбака, два усталых, замученных морским трудом человека. Немцы Зиммель и Штефан были родом из Гамбурга, работали прежде на сейнере в Северном море.

Немецкие парни были худы и жилисты, их тяжёлые руки выглядели как рабочие инструменты – единственные орудия труда, которые я заметил на «Азарте». Зиммель брал предметы – вилку, скажем, или кружку – так ухватисто, что наблюдатель понимал: этот парень справится с реями и с бушпритом. Экзотическое имя Зиммель оказалось немецким вариантом имени Семён; экипаж «Азарта» называл Зиммеля Семёй. Что Штефан – это Стёпка, понятно и так.

Сёма-Зиммель и Стёпка-Штефан выслушали предложения братьев-торговцев и итальянца, мастера контрактов, с презрением.

– Постелить палубу надо, – сказал Сёма-Зиммель. – Вот и всё. Сегодня поднимем на корабль доски. Ты, – он указал на лысого актёра, – нам со Штефаном поможешь.

– Я? – Актёр даже привстал, осмотрел своё массивное тело, непригодное для тяжёлой работы. По сравнению с рыбаком из Гамбурга российский актёр был огромен, но смотрелся он как-то неубедительно. Бывают такие рыхлые горы – не скалы, а песчаные осыпи. Актёр подумал и сказал так:

– Я не могу поднимать тяжести.

– Хорошо, мы со Штефаном вдвоём сделаем, – спокойно согласился жилистый немец. Он не обиделся, не изменился в лице. Просто перестал смотреть в сторону актёра.

– Хоть один человек что-то умеет, – прошептала жена. – Десять командиров собралось, и ни одного рабочего.

– Нужна программа действий, флаг корабля и взаимовыручка, – сказал капитан Август.

– Деньги нужны, – сказал Микеле.

– Флаг! Флаг! Нужен флаг! – Это галдели Полина с Алиной.

– Есть идеи? – Август спросил. – Что нарисовать?

– Курицу на тарелке, – сказал оксфордский профессор Адриан. Он даже на стуле сидел так же покойно, как лежал в гамаке, – заваливался назад, клал ногу на ногу, качал ботинком. У него были жёлтые кожаные остроносые ботинки с маленькими дырочками по периметру, очень претенциозные. Позже я узнал, что этот фасон называется «оксфордский».

– Пусть художник нам нарисует жареную курицу. Большую такую.

– Почему жареную курицу?

– Герб такой.

– Курица?

– Люблю жареную курицу. И все любят. Курица может сплотить коллектив.

– Орла надо изобразить, – сказал рыбак Штефан. Германский герб, как известно, изображает орла. Фантазия у Стёпки-Штефана была ограничена его происхождением.

– Нарисуем рыбу, – сказал Август. – Это христианский символ, и к тому же логика есть: рыба – море – корабль...

– Нарисуем золотую рыбку, – сказала Саша, и её дочки Алина и Полина радостно загалдели:

– Золотая рыбка, исполни мои желания!

– Нет, мои!

– Нет, мои!

– Надо изобразить двуглавого орла, – мрачно сказал лысый актёр с Таганки, озираясь в поисках припрятанных консервов. Те банки, что были на столе, опустели за минуту. – Возродим Российскую империю!

– В Северном море?

– А почему нет? Наше море! – загадочно сказал актёр.

– Нет, – сказала левая Присцилла, – за империю я голос не подам.

– Ещё пожалеешь, – сказал актёр. – Кто ты без империи? Ноль.

– Свободный человек! Надо нарисовать свободного человека!

– Голого?

– Почему голого?

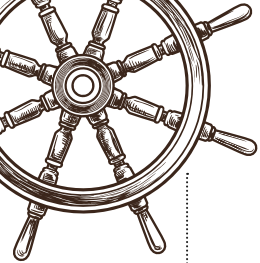
– Если свободный, то непременно голый, – заметил Адриан, качая ногой в оксфордском ботинке.

– Давайте нарисuem двуглавую рыбку, – сказал Яков устало, – с двуглавой рыбой количество желаний автоматически удваивается. Элементарно.

И глаза команды заблестели.

И тут дверь распахнулась и в кают-компанию появился новый (и последний, как выяснилось, если не считать музыканта Йохана, который пока не подошёл) член экипажа.

Глава шестая ПОЭТ И КАПИТАН

Появился человек, которому предстояло сыграть особую роль в экспедиции – ибо каким ещё словом определить наше путешествие в никуда, к оракулу Божественной бутылки, как не словом «экспедиция»?

Новый член экспедиции не вошёл, а вплыл – я успел подумать: вот как выглядит корабль на плаву. Обширный живот протиснулся в узкую дверь кают-компания и поплыл, покачиваясь, по воздуху, огибая предметы, а следом за животом продвигался его хозяин – точно корабль шёл под надутым парусом.

Представлять не требовалось: все знали – то был сербский поэт Деян Цветкович; его знал даже я, хотя стихов не читаю и телевизор не смотрю.

В те годы знаменитости из освобождённой от социализма Восточной Европы были крайне популярны: режиссёр, писатель, актриса, даже теннисист какой-то блистал. Звезда из Сербии светила и в Россию, и в Европу, от её блеска скрыться было трудно.

Увидев поэта Цветковича, я расстроился. Сегодня, когда всё позади, я затрудняюсь свою реакцию объяснить. Обычная неприязнь славянских путешественников друг к другу? В Европе мы избегали соотечественников, чтобы не попасть под определение «славянские дикари». Нам нравилось думать, что мы обычные европейцы, ну, вот, например, как... разные прочие шведы. В те годы исход с Востока только начинался; славянские барышни пробовали себя на улице красных фонарей, а юноши вполглаза заглядывали на Запад и спешили обратно, спекулировать пёстрой дрянью из супермаркетов. Пройдёт двадцать лет, и эмигранты повалят толпой, а чёрствые города Европы оскалятся на неопрятных людей с вредными привычками – мол, не звали вас, нищebroдов. А пока сами славяне сторонились славян, если встречали таковых на Западе: нельзя, чтобы европейцы заподозрили провинциальные пристрастия.

Вероятно, я от поэта Цветковича отшатнулся и поэтому. Раз любимец московских барышень здесь, мелькнуло в голове, значит, это мероприятие стало модной затеей – слетятся авантюристы из стран бывшего социалистического лагеря... Бывшие комсомольцы, а ныне банкиры... О, бурные славянские застолья первых лет перестройки, ликёр «Амаретто» и виски «Чивас Ригал»! Я ненавидел всё это. И, как многие закомплексованные выходцы из СССР, славян в Европе сторонился.

Было и ещё что-то, трудновыразимое.

Слова подходящего не подберу... Было в поэте нечто чрезмерное. Напор? Нет, не напор... Энергия? Нет, не энергия... Была в поэте Цветковиче какая-то нахрапистость. Думаю, что мой папа не впустил телевизор в дом из чувства самосохранения, чтобы не слышать стихов Деяна Цветковича, – не фигурное же катание папу напугало! Когда мать робко спрашивала, не купить ли нам телевизор, отец с ужасом отмахивался и бледнел; подозреваю, что ему мерещился Деян Цветкович, читающий стихи про демократию или рекламирующий макаронные изделия.

Дело в том, что сербский гений Цветкович брался за любую работу и всё делал одинаково ярко. Скажем, на плакатах в аэропорту щедрый живот Цветковича и его вздёрнутые усики (у поэта были закрученные на мушкетёрский манер усики) рекламировали спагетти а-ля карбонара – поэт погружал в рот длинную макаронину и надпись гласила: «Чувства безмерные, а спагетти длинные!» Ну чем мне не угодила реклама спагетти? Поделись я чувствами с женой, она бы наверняка сказала, что я завидую славе Цветковича.

Поэт Цветкович оглядел кают-компанию и заклекотал. Так он смеялся. Усики, закрученные на мушкетёрский манер, дрожали, когда поэт клекотал. Поэт взрывался ребячливым клёкотом, точно запускали мотор игрушечного петушка. Знаете, бывают такие игрушечные петушки, которых заводят маленьким ключиком, и тогда петушок начинает клекотать, дёргаться и стучать клювом по столу.

– Присцилла, душка, когда ты мне отдашься? Голый свободный человек – это я. Хочешь свободы – приходи ко мне! Зверя с двумя спинами и двумя головами поместим на флаг! А ты, – Цветкович лысому актёру сказал, – как вижу, консервы ищешь? Оголодал, родимый? Так вот же он, хлеб твой насыщенный.

Деян Цветкович раздул свой парус, обогнул по окружности машинное отделение, подплыл к щелястой переборке и указал на одну из дыр. Актёр кинулся проверять – и точно, за переборкой нашёлся мешок Йохана с консервами. У Цветковича был особый дар находить еду везде.

– Дай сюда, – сказал Цветкович актёру. – Давай, давай! Нашедшему сокровища полагается выбрать первому.

Поэт придирчиво стал выискивать лучшее среди дешёвых банок.

– Сардины в томате? Кто производитель? А это что? Лосось? Дано мне тело, что мне делать с ним? Мы лосося в трубу поместим...

Я перечитал написанное и понял, что портрет Цветковича не удался. Получился Алексей Толстой из булгаковского «Театрального романа», а сербский поэт был иной. Деян Цветкович был человеком духовным, даже человеком повышенной духовности. Просто духовность в те годы выражалась через – и опять-таки теряюсь, не могу отыскать подходящее слово: грубость? цинизм? вульгарность?

Я попробую нарисовать портрет заново, а первый набросок скомкаем и выбросим в корзину.

Допустим, входит толстый человек. Он не скрывает своей грубой, жирной природы именно потому, что духовно он чист. Так понятно?

Понимаете, в те далёкие года все интеллигенты подражали Иосифу Бродскому, который получил Нобелевскую премию по литературе. Лауреату подражали неосознанно, копировали интонации. Бродский писал про духовное, про античное, но писал не занудно, а слегка развязно. Говоря о Вергилии, мог вставить матерное словцо, всем это нравилось. То был особый стиль: сочетать прилагательный говорок и благородные страсти. И все, особенно восточные славяне, переняли эту манеру смешения стилей. Выпускники филфака прослаивали разговор о Мандельштаме такими загогулинами, каких на воронежской окраине не слыхивали. Культурные юноши вставляли в тексты разные похабства, чтобы оттенить горение духа. Голландское «доброе утро» (по-ихнему «хуеморден») было непременным украшением любого умственного дискурса. Помимо прочего, сводили счёты с советским ханжеством – отныне вульгарное прилагалось к духовному, если духовное подлинное. И вот жирный живот Цветковича был в некотором смысле как бы худым животом. Понимаете? Живот – это парус свободы. Жир дан, чтобы оттенить аскезу. Реклама макаронных изделий, обжорство, клетчатание и вульгарность – происходили от искренности; в глубине души поэт был ранимый человек, а на поверхности – циник. А тут ещё сербское неистовство. Природная необузданность западных славян. Непонятно сказал? Извините, лучше не умею.

Именно циничная искренность, вульгарная духовность меня и напугали. В нашем предприятии всё держалось на энтузиазме – требовалось верить в мечту и засучить рукава. А искренность на новый манер исключала честный труд.

– Когда ж нам плыть? – Цветкович набил рот консервированной лососиной, но дикция осталась отменной, сказывалась тренировка в концертных залах.

– Вот положим палубу, починим машину, тогда поплывём, – ответил Август.

Поэт потрепал капитана «Азарта» по щеке.

– Тогда клади свою палубу, августейший! Привёз контейнер прокладок!

– Каких прокладок?

Оказалось, что поэт Деян Цветкович выступил по телевидению с рекламой женских прокладок, и концерн «Проктер энд Гэмбл» подарил за это поэту вагон прокладок.

– Вагон? – ахнула Маша.

– Вагон, – подтвердил Цветкович. – Хочешь килограмма два дам? Тебе на всю жизнь хватит. У меня три тонны прокладок.

Он сообщил, что вагон отгружают в амстердамском порту.

– Зачем? – крикнул Август. – Зачем нам прокладки?

Отчего-то он не спросил, почему поэт рекламировал на телевидении прокладки, а ведь это самое интересное.

– Как зачем? Меняем прокладки на доски. Прокладки нужнее людям, чем доски.

– Отличная мысль, – оживился Микеле и вышел вперёд, – напечатаем рекламу. Я уже вижу этот буклет! – Микеле заходил по машинному отделению, жестикулируя. – Выпускаем буклет, посвящённый кругосветному плаванию «Азарта». Фотограф у меня есть на примере... Распространяем по всем портам и турагентствам. Внутри – реклама прокладок... «Проктер энд Гэмбл» нам заплатят. Обмен на доски предлагаю произвести в Гонконге.

– Помилуй, Микеле, – лениво заметил Яков, – обмен можно произвести не вставая со стула.

– Я уже договорился на обмен, – клекотал Цветкович, – прокладки отгружают на склад плотникам. А плотники за это дают сто кубов досок. Есть доски! Я достал!

Вот она, золотая рыбка удачи, мелькнуло в голове. Всё получилось как загадали.

– А ну, кто пойдёт доски носить?

Рыбаки-немцы встали и двинулись к выходу. Эти безмолвные парни готовы были к любой работе. Прочие смотрели на немцев с жалостью.

– Вы хоть знаете, какие там доски? – спросила Маша. – Двухдюймовая доска, четыре метра в длину, поднять невозможно.

– Справимся, – сказал рыбак из Гамбурга.

И тут Август сказал:

– Никто никуда не пойдёт. Нам не нужны доски, полученные в обмен на прокладки. Над нами будут смеяться.

– Кто?

– История.

Капитан вышел в центр кают-компании, встал подле машины и сказал речь. Я приведу его речь так, как запомнил.

– Перед вами машина. Это идея, это содержание нашего корабля. Она жива, наша машина. Идею нельзя истребить. Просто машина давно не работала. Если механизм почистить, смазать маслом, восстановить детали, то машина заработает. И тогда корабль поплывёт. Что нужно для того, чтобы восстановить детали машины? Нужно прочесть книги. Нужно понять механику. Мы можем это сделать. Мы – команда, мы – семья. Мы – это общество людей, которые захотели быть свободными. Значит, мы можем научиться всему и всё сделать своими силами. Как Робинзон Крузо.

– У него Пятница был. Пятница и работал, – Адриан уточнил.

– Мы здесь все – Пятницы. Мы все равны. И мы построим корабль, мы умеем работать. Нужны материалы? Что-то найдём на пустыре, что-то купим на барахолке. Что-то изготовим своими руками. Но никто и никогда не скажет, что наша палуба сделана из женских прокладок. В этом корабле не должно быть ничего, что вызывает презрение и насмешку.

– А доски-то как получить?

– На северный причал пришёл сухогруз из Бразилии, привезли какао-бобы. Нужны рабочие. Мы будем носить мешки с бобами и заработаем деньги. На эти деньги купим доски.

– А разве обмен на прокладки – это не то же самое?

– Нет, – сказал Август. – Здесь всё честно. Кто со мной – мешки с бобами носить?

Безропотные немцы подняли руки. Август сказал:

– Значит, со мной вместе – трое. Кто ещё?

Я встал рядом с ними. Лысый актёр (он съел тем временем две банки сардин) встал и подошёл к нам.

– Ладно, сыграю роль грузчика.

И мы пошли на северный причал. Вслед нам несло насмешливое клекотание Цветковича.

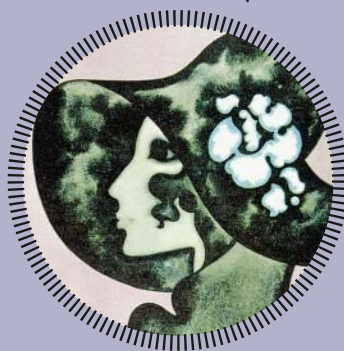
Продолжение романа читайте в следующем номере.

5

ГЛАВА

ЛЮДИ & ВЕЩИ

*В которой рассказывается, как духи,
кружева и шляпки испортили моральный
облик советской женщины **с.110***

.....

*а умение жить впроголодь и спать
в шалаше сделало Хо Ши Мина
президентом Вьетнама **с.136***

Галантерейные амбиции

В начале прошлого века в России происходило строительство нового мира. Человека тоже решили обновить. В частности, ковали новую женщину улучшенной модификации. Начали с первых дам страны. Как у них получилось?

ОЛЬГА ФИЛАТОВА

Первыми стали отрекаться от всего буржуазного жёны вождей революции. Например, Надежда Константиновна Крупская очень всерьёз взялась за свой коммунистический облик. Хорошо известен визуальный ряд, который из этого вышел: мешковатая одежда, шляпа клош, стоптанные боты – имидж, простительный любой другой, кроме первой леди страны. А ведь в молодости это была милейшая девушка, совершенно тургеневская, с нежными очами, с гимназическим румянцем и мягкими, прямо фланелевыми пальчиками. Люди, хоть раз видавшие, как Надюша распускает косу, замирали восхищённо. Сегодня, конечно, нет в живых тех, кто бы подтвердил – было! Остались одни исторические развалины, они-то и поведали, что Надежда Крупская плохо выглядела вовсе не из-за коммунистического менталитета, а по причине тяжёлой болезни. Кстати, у руля Советской России вместе с мужем она оказалась в возрасте под пятьдесят – в самом расцвете по нынешнему времени. Но её женский звёздный час давно миновал, пришедши на дореволюционные годы, когда молоденькой учительницей она препода-

вала в школе рабочей молодёжи, битком набитой идейными марксистами. И ухажёры у неё там были в ассортименте, тот же Ваня Бабушкин. Важно, что провожал Ванюша её от чистого сердца и за ручки хватал вовсе не по поручению месткома, и вообще вёл себя очень гуманитарно, даже стихи писал, хотя слушал курс правоведения. Но Наденька, будучи прототипом всех последующих за нею кремлёвских жён, решительно снимала наброшенный Бабушкиным пиджак. У неё на уме в тот момент была сплошная революционная пурга. Собиралась ли она стать тем несчастным существом, в которое её в итоге превратила революция?

Страшно подумать, во что может превратить зазевавшуюся женщину мужской мир. Не заметишь, как за идею, за здорово живёшь конфискуют всю галантерею, все платья, и духи, и французские каблучки, и сумочку из питона – всё-всё, обвинив в буржуазности. Тут и до белья недалеко – кто при царском режиме носил кружевное исподнее? Уж конечно не Ваня Бабушкин и не его девушка. То-то.

Надя очень скоро перестала обращать внимание на модные тенденции, так ей задурили голову адвокаты-недоучки, и стала выглядеть бабушкой в своей шляпке клош, даже на фоне собственного мужа – носителя неброских жилетных костюмов швейцарского покроя. Правда или нет, но бедняжка Надежда Константиновна одевалась на блошином рынке – так в те времена называли «секонд-хенд». Единственное драповое пальто, которое для неё пошили уже после октябрьского переворота, истёрлось у неё на плечах до неузнаваемости – её ли оно или Владимира Ильича. Именно к этому пальто она пришивала потом разные пуговицы. Кто ещё пошёл на такие жертвы ради революции?

И вот вечно ей пеняли на неудачный имидж. На фоне некоторых. Корректно ли было сравнивать Надю с секс-символом тех лет Инессой Арманд? С великолепной Инессой, у которой даже пряжки на туфлях отливали каким-то буржуазным блеском, с Инессой несравненной, о которой говорили, что даже каменных атлантов посещает физиологическое вдохновение, когда она проходит мимо. Инесса не принимала на свой счёт бредни вождя революции о том, что материальное благополучие, в частности красивая и дорогая одежда, должны перестать занимать женщин коммунистического общества. Она считала, что как раз наоборот, при коммунизме дама сможет себе позволить всё самое лучшее, что только представит ей текстильная промышленность. А начинать надо уже сегодня. А Надежда, наоборот, вбивала себе в голову, что на фоне разрушенной России она не имеет права наряжаться в кружева и атласы. В Музее революции хранятся ботинки

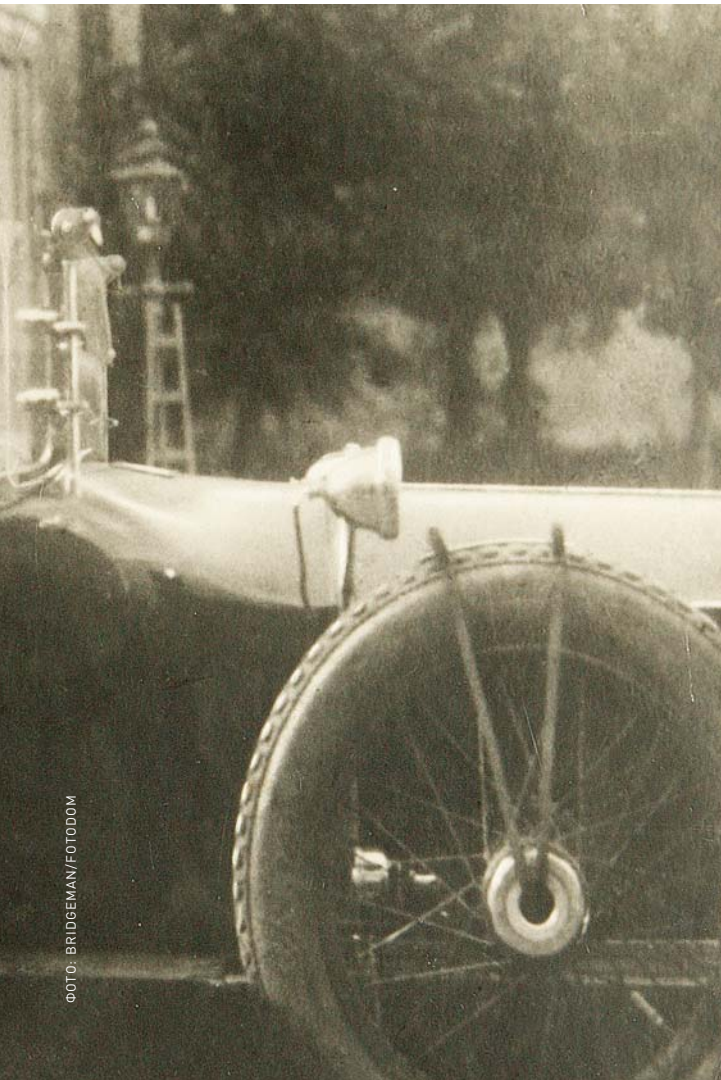

ФОТО: BRIDGEMAN/FOTODOM

► Сталин с Надеждой Аллилуевой в «роллс-ройсе». За рулём Павел Удалов. Москва. 1923 год

Крупской, коричневые, жалкие, трудно поверить – в этом кто-то ходил! Собственно, это и был их общий стиль – Нади и страны. Ну а нарядная Инесса умерла в 1920 году, и сравнивать стало не с кем.

Умение одеваться

Второй вождь русской революции Иосиф Сталин утверждал, что мужчина, глядя на женщину, не должен отвлекаться от строительства коммунизма. Правда, он не пояснял, даме ли вменяется в обязанность обеспечить выполнение этого тезиса или ответственность возлагается на сильный пол. На всякий случай дамы взялись выполнять. Тех же, кто игнорировал рекомендации вождя, умели настроить на революционную волну. Сталин не мог спокойно смотреть на франтоватых дам. Говорят, что нарядная Инесса умерла не своей смертью, а он её извёл. Конечно, не сам, не лично, но её отравили по его наущению. Конечно, дамы, кто был поумнее, страшно перепугались. Поубирали с глаз долой все свои финтифлюшки, все кружавчики с ленточками. Затаились.

Отношение к дамам вписывалось в сталинскую концепцию власти, напоминавшую воровские нравы, под общим знаменателем «без семьи». Безупречному революционеру по законам тех лет вообще не стоило заводить супруги. Жёны, если они всё-таки осмеливались у товарища быть, должны были сидеть очень тихо и не высываться наружу. Если же такое случалось и дамы показывали краешек собственного платья или нрава, то они в короткие сроки как-то исчезали. Достаточно вспомнить, к примеру, вторую жену маршала Будённого Ольгу Михайлову, певицу, виноватую лишь в том, что она обожала приёмы и банкеты – певица же! – по доносу наркома Ежова (чья бы корова мычала) отправилась в лагерь. За что? Негодяй ненавидел женщин. Он очернил бедную певицу, вменив той в вину дружбу с жёнами наркомов обороны и просвещения Егоровой и Бубновой. Якобы втроём дамы посещали иностранные посольства, были знакомы с тамошними дипломатами. А нельзя? На даче у японцев

сидели до трёх часов ночи – наябедничал Ежов. И вообще Ольга Будённая-Михайлова играет на скачках. К слову, если скачки существовали, значит, это было кому-нибудь нужно? И почему на них нельзя было играть

► Модные образы начала XX века вступили в противоречие с коммунистическим обликом Надежды Крупской

именно Михайловой? На допросах бедная Ольга всё подтвердила. Больше она не пела, ни на каких языках, даже на итальянском не пыталась. Говорили – простудилась или сорвала голос. Забыла и думать о нарядах и комплиментах. Утратила все желания. Просила только пить. В тюрьме ей было совершенно не во что наряжаться, да и незачем. Её моральный облик коммунистки больше не страдал от кружев. Обновлённая до неузнаваемости, она просидела по тюрьмам до 1953 года. Вот с какими трудностями ковалась новая женская скромность.

Примерно так же, только насмерть, перековали и Нину Гриневиц, жену маршала Тухачевского – честно сказать, бывшего дворянина. Нина ведь тоже не вышла социальным происхождением, ей трудно было соответствовать образу пылкой коммунистки. О ней рассказывали, что была она очень хорошенькая, изящная, всегда нарядная, мягкая, интеллигентная женщина, очень хорошо воспитанная, происходила из хорошей, отнюдь не пролетарской семьи. Её, умевшую создать

лёгкую и непринуждённую атмосферу за столом и в гостях, умевшую вести беседу, разругать неудачный разговор, занять всех присутствующих, чтобы гостям не скучалось, её не стало в 1941 году. Её расстреляли. Не сумев перековать. А Полина Жемчужина? Вот кто был сама элегантность и изящество. Полина была женой Молотова, без пяти минут третьего вождя революции. Но пламенные революционные взгляды принадлежали ей самой. Полина была очень самостоятельная женщина, лепившая образ новой женственности по собственному усмотрению. Она-то как раз и сама не сомневалась, что новое время требует новых женских типажей, и старалась создать этот типаж из самой себя. Она считала, что достаточно быть честной партийкой, надев ради митинга красную косынку, что прекрасная внешность, вкус и природное чувство стиля только украшают женщину революции. Полина шила свои наряды у хорошей портнихи, да и заграничное покупала, не думая о последствиях. А кому было одеваться, как не ей? Красивая, стройная, да ещё и идейная – должна была привлечь внимание, показать пример. После смерти жены Сталина Надежды Аллилуевой Полина практически стала главной женщиной Страны Советов. И она была активной – вечно выступала на митингах, на заводах, лезла со своими взглядами вперёд мужчин. Полина была амбициозная женщина, она всерьёз собралась занять место, равное мужчинам, как ей обещал марксизм. Вроде бы что плохого, если женщина произносит пламенные речи в приличной одежде? Но в 1939 году Полину внезапно сняли с должности наркома и даже вывели из кандидатов в члены ЦК. Но тут, видимо, свою роль сыграла её дружба с бедной Надеждой Аллилуевой – женой действующего вождя. Подруги! Поселившись в Кремле, Полина и Надя быстро сдружились, они были ровесницами. Энергичная Полина вечно шустрила по хозяйству, выискивая удобную мебель в попытках создать уют из того, что осталось после нашествия революционных солдат и матросов, которые пожгли в печках весь старый мир, включая удобные стулья. В общем, вместо того чтобы выращивать в себе новое зерно красоты и стиля, Полина пыталась по крупницам собрать старый, дореволюционный уют и быт. Ещё и губы красила.

Жена – самое узкое место любого коммуниста или революционера-подпольщика, полагал Сталин. Иностранные разведки не упустят способа втереться в доверие к любительнице парижских нарядов и куафюр. А там уж и до мужа недалеко. Вывод: нарядная жена – муж-шпион.

Вторая Надежда

Его собственная жена Наденька Аллилуева была так хороша собой, что сердце замирало. Тем более

что девушка это была суще-юная, вышла замуж за матёрого революционного волка в 16-летнем возрасте. Но при всей своей красе была она, по рассказам очевидцев... Крупская в миниатюре. От жены первого вождя её отличали лишь возраст и педантичная аккуратность. Наденька-то Крупская в финале жизни даже причёсываться перестала. Надя Аллилуева изо всех сил старалась не выделяться внешне. Любые её попытки хоть чуточку принарядиться мужем воспринимались как несмыаемый порок. Он был убеждён, что губы красят только гулящие женщины. И когда Надежда однажды привезла из поездки в Париж к родственникам пару платиц, выбранных в лучших парижских магазинах, он был до глубины души поражён открывшейся красотой собственной супруги. Случайно или нет, но Надежда Аллилуева и погибла в день, когда впервые за долгое время красиво оделась и вышла в свет. И хотя тем «светом» было общество соратников Кобы, в большинстве своём людей вовсе не светской закалки, их внимание к его жене и её оживление от комплиментов так возмутили супруга, что он застрелил бедную Надю, чисто из ревности. Чтобы не думала больше наряжаться, розы прикалывать к волосам. Или она там сама застрелилась, что, впрочем, неважно.

Выходило так, что идеалом советской женщины, а жёны вождей вынужденно влачили жизнь идеальных женщин, должно было предстать существо, чья красота пряталась под маской старухи или монахини. Такими были две Наденьки – Крупская и Аллилуева, такими должны были теперь стать все. Пережитки идеализации старухи Крупской чувствовались в СССР до самых 90-х годов. Ещё последним школьникам, учившимся по советским учебникам истории, рассказывали, какая это была прекрасная женщина, отрешившаяся от всего материального, недоедавшая и недопивавшая ради счастья народа. А уж её фирменное рубище ставили в пример школьным кокеткам, пытавшимся пронести на уроки нарядные кофточки поверх коричневого школьного платья и золотые серёжки. А туфли на каблук? У Надежды Крупской были самые простые туфли. Красота души

и богатый внутренний мир должны украшать женщину, грудь вставшую за коммунизм.

Красивая одежда – атрибут жизни буржуазной, праздной, не имеющей отношения к облику советской женщины, во главе угла

ФОТО: GETTY IMAGES RUSSIA

► Мода 30-х не поспевала за главным трендом тех лет – красотой души и богатым внутренним миром, отличавшими, кстати, Надежду Аллилуеву

у которой сияло счастье труда на равных с мужчиной. В свободное от рождения детей и ведения домашнего хозяйства время. Женщину на каждом углу славил труженицей. Труженица – это было нечто бесформенное, но мускулистое, как дядя. В платке. И с толстой попой. «Ешь, детка, с хлебом!» – звучало как приговор. Это произносили матери и бабушки над склонёнными к тарелкам вихрастыми головами пионерок. Хлебные крошки вечно сыпались в узел пионерского галстука. Суп с хлебом, картошку с хлебом, котлету с хлебом, и макароны, и вообще, следовало есть побольше. О какой фигуре могла идти речь?

Товарищ Кухарчук

Жизнь Нины Кухарчук сложилась так удачно, что лучше и не придумаешь. Будучи «из простых», глубоко почвенных слоёв населения, вопреки всем внешним и внутренним данным, сумела подняться в высшее общество и там всех очаровать. По мужу Нина была Хрущёва, считай, замужем за всей страной, как Крупская за революцией.

В Советской стране было принято людей называть по фамилиям. Дома, на работе, на профсоюзном собрании – по фамилии, и всё тут. В этом был ещё один признак стиля новой женственности. Ещё со школы к шестилеткам эдак строго обращались: «Петрова, к доске!», «Сидорова, выйди вон из класса!». Или так: «Товарища Сидорову – передовика производства – просят пройти в местком». Фамилия Кухарчук, доставшаяся Нине от её украинских родителей, не склонялась. Когда её приглашали в местком, было непонятно, мужчину кличут или женщину. Речевые обороты, определяющие в СССР человеческий пол, отвалились как классово негодные ещё при закорпёрщиках Октября. Эти в лучшем случае звались товарищами: «Кипяточку, товарищ?» Новый этикет требовал. Новая женщина не нуждалась в миндальных отношениях или там пирожных. Она вся была лаконична, как ракета без бантиков. Говорите – внятно, просите – мало, уходите – быстро, на десерт – компот. И если в Англии, к примеру, девушку бы назвали мисс, а женщину миссис, то нашу юную прелесть всю молодость так и звали – Кухарчук! Даже когда замуж вышла, муж продолжал её так называть, прилюдно: «До чего ж твои, Кухарчук, котлеты хороши!» На самом деле, не сударыней же было её величать, не мадам

или, упаси Маркс с Энгельсом, леди. Да она и сама себя Кухарчук называла. Леди же ей пришлось стать по зову партии и правительства.

Вся жизнь леди Кухарчук может служить иллюстрацией народной приметы, что рождаться красивой не обязательно, достаточно родиться удачливой, или, как в народе говорят, счастливой. Что такое счастье, впрочем, народная молва пояснять стеснялась. Может быть, счастье и удача – синонимы? В 1949 году, когда Полина Жемчужина отправилась в ссылку, Нина Кухарчук уже была замужем за секретарём ЦК.

Товарищ Кухарчук была удачлива. Родившись в деревне, прожив военное детство, юность, потом и революционную молодость, даже не мечтая о чём-то вроде славы или богатства, она однажды проснулась женой первого лица государства. И поначалу-то от неё, как и от него, не требовалось ни малейшей светскости. Хотя относилась она к редкостному в СССР типу, позже названному «кремлёвские жёны», то есть принадлежала к самой высшей касте советских женщин. Эти дамы могли позволить себе всё, включая парижские наряды, однако предпочла она, подобно многим представительницам клана, оставаться в глубочайшей тени, какую только мог отбросить муж. Так уж повелось, ещё со времён Крупской. Умные жёны, не желающие попасть на место Жемчужинной, или Гриневиц, или Михайловой, сидели тихо, как мышки. Если и наряжались в парижское платье, то делали это у себя, за закрытой дверью, там и лепили себе новый образ женственности. Нина же Петровна к нарядам проявляла редкостное равнодушие, не интересовалась, не имела склонности, любому стилю одежды предпочитая домашний. И если дореволюционная Крупская ещё помнила, что готовить должна кухарка, а пришивать пуговицы служанка, то Нина была уже подлинным продуктом нового времени. Историки потом говорили, что её менталитет был совершенно сельским, как и расцветки её нарядов. Её жизненные устремления сводились к тому, чтобы муж ходил сытый, а дети не сопливые. Нина Петровна являла собой классический пример девушки из деревни, собственно, не скрывала, что ей, выросшей в единственном платье, трудно привыкнуть перебирать наряды. Но разве в платьях счастье? Пожалуй, она была первой из кремлёвских жён, рассказывая о ком не хочется всё время добавлять «бедняжка».

Нина была ровесницей революции, в 17-м году ей тоже было семнадцать. Она родилась на Украине. Вернее, не на Украине, а в Польше. Или нет... В общем, Нина Петровна родилась то ли в Польше, то ли в России с Украиной, понять невозможно. Во всяком случае, сегодня там Польша, а дальше – как пойдёт. Одно время её даже хотели считать еврейкой, поскольку её родная Холмщина оказывалась ещё и местом компактного еврейско-

► В 60-е женщины стремились переодеться в «ню лук», но только не Нина Петровна. Жена Хрущёва модным веяниям предпочла стиль «домашний»

го проживания, но нет. Родители были крестьянами, оба имели украинские фамилии – Бондарчук и Кухарчук. И не было ни малейшей причины считать, что между этими двумя затесался кто-то третий. Да и внешность её не оставляла сомнений. Нина была булочка, такая ватрушечка – южная девочка, рано расцветшая румянцем и всякими нежными округлостями. Нина хорошо помнила, а потом и записала по просьбе дочери Рады некоторые свои детские впечатления. Например, она поведала дочери, как резала огромным ножом крапиву для свиньи, которую выкармливали к Пасхе, как порезалась этим ножом, получив на всю жизнь заметный шрам на указательном пальце. Помнила она, как жила с матерью в доме бабушки Ксении, поскольку отец пребывал на военной службе в Бессарабии, а потом даже в Японии. Ниночке тогда исполнилось четыре года. Она вспоминала, как «обедали все из одной миски не за столом, а за широкой скамьей. Малых детей матери брали на руки, а мне и другим детям постарше места не хватало, еду надо было доставать из миски через плечи взрослых. Если

► В моду 70-х проникли брюки клёш, но первая леди страны, женщина-невидимка Виктория Брежнева, тоже упорно следовала домашнему стилю

проливали, получали ложкой по лбу. Почему-то дядька Антон постоянно высмеивал меня, обещал, что я выйду замуж в многодетную семью, дети будут сморкатые, и мне придётся есть с ними из одной миски и добывать еду через их головы». Дядя Антон ошибся, узнав, наверное, что за столами Нина будет сживать с королями и премьер-министрами, а не с сопатыми крестьянскими ребятишками, разинул бы рот от удивления. Да и сама она, конечно, не поверила бы, предскажи ей будущее на зеркальной воде.

Октябрьский переворот завершил интеллектуальное воспитание будущей леди. И если она не стала пламенной революционеркой, то убеждённой марксисткой – определённо. С будущим мужем познакомилась в Донецке, где работала преподавателем политической экономии партийной школы, – с юношей по фамилии Хрущёв, учеником рабфака, энергичным, симпатичным, крайне предприимчивым молодым человеком. В Донецке они и поженились. И сфотографировались на единственно известное сегодня фото, на котором трудно узнать будущего первого секретаря ЦК КПСС,

пожалуй, даже более неузнаваемого, чем юная, с тонкой шейкой Ниночка, остриженная после тифа, в матросской кофточке, похожая на скуластого мальчика. Но с милой, всегдашней своей улыбочкой на круглом юном лице. Не красавица, но хорошенькая, как только бывают украинские девочки, расцветающие по сёлам, аки абрикоски весной.

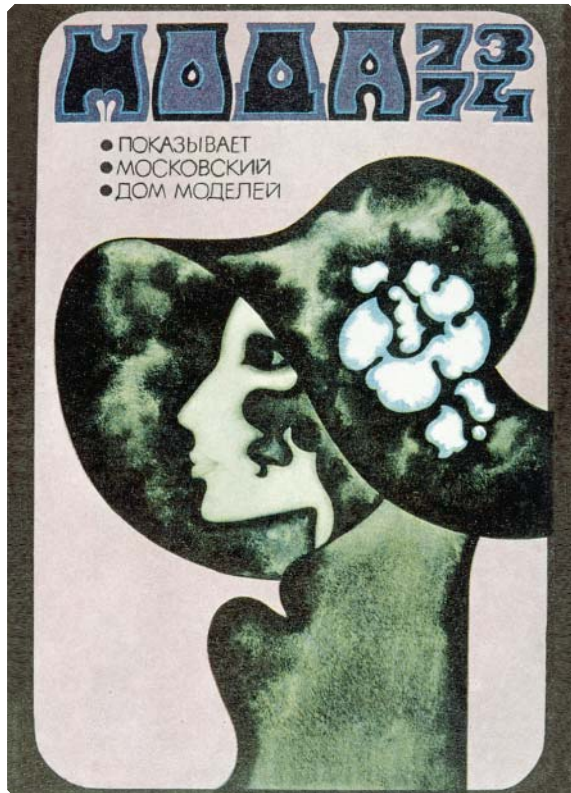
Будущий славный муж хорошенькой Нины родился в селе Калиновке Курской губернии, и тоже в семье бедных крестьян. Их общее социальное происхождение как нельзя лучше соответствовало менталитету страны, в которой им предстояло не только жить, но и править. Два сапога – пара. Ни его, ни её не нужно было перековывать в нового человека – они родились достаточно новыми, хотя и при откровенно старом режиме. А подробности их судеб? Крайне немного полагалось знать советским людям о семье и детстве своего правителя и его жены. Нина была многодетная мать. Оставив карьеру ради семьи, она более никогда не пыталась занимать общественные посты. Поговаривали о ней, конечно, что Нина эта вся такая «железная» и более твердокаменная коммунистка, чем даже её муж, но всё это были слова, лишённые доказательств. Нина была скрытной и скромной, это совершенно точно. И эти качества особенно сильно выступили, когда она вошла в состав дипломатической делегации при подготовке поездки нашего лидера в США в 1959 году.

Поездку в США Нине подсуропил Микоян, посоветовавший Никите Сергеевичу взять с собой семью, чтобы рассеять уже сложившееся у американских граждан представление о коммунистических чертах с рогами и копытами. О поездке она узнала за два года – ахнула, было попыталась отказаться, но вынуждена была согласиться под напором уговоров. Хватившись по шкафам, она пришла в ужас – нечего надеть! Она принялась одеваться – собирать гардероб, достойный представить её, первую леди СССР, глазам американцев.

Интересно, что со времени смерти Нади Аллилуевой прошло не так уж много времени, а в быт советских людей уже просочились ростки той самой буржуазности, которую дустом травили в первые революционные годы. Откуда ни возьмись, вылезли частные портнихи, мебельные комиссионные магазины, и даже ювелиры с антикварами как будто только ждали момента, когда их позовут. Надо сказать, что это было неизбежно. Стоило людям перестать убивать друг друга на улицах, бояться собственной тени, как им захотелось покоя, уюта и стабильности, выраженной предметно. Стабильность всегда имеет видеоряд. Она звучит в вещах, в портъерах, в коврах, даже в дверных петлях, не говоря уже об архитектуре, в ней она проявляется в наиболее понятном виде.

Поскольку своей собственной стабильности Советская страна толком нажить не успела, хватились прежнего мира – вот почему кремлёвские жёны исподтишка бросились собирать дореволюционные мебели, и коврики, и ювелирку, принадлежавшие прежде чужим старухам, умевшим принимать гостей. И ничего, что сами старухи уже и глеть перестали в своих общих могилах. Вещички их идейные марксистки потащили в свои квартиры, под замок, подалее от посторонних глаз. Главное, за это уже не сажали. Не напрасно хрущёвские времена народ назвал «оттепелью».

К поездке Нину одевала известная на всю Москву портниха Нина Гупало, наряжавшая только артисток да московскую квазизнамя. Нина была свояченицей Хрущёвых, за её сына, журналиста Алексея Аджубея, вышла замуж их Рада. Нина одевала и дочь Сталина Светлану, и жену Берии Нину, и актрису Марину Ладынину. Нина Гупало была профессионалом высшей категории, попасть к которой в клиентки было мечтой московских модниц. Отказывала она нередко. Например, однажды попавшую к ней мадам Брежневу, даму грузную и совершенно не романтическую, она обшивать отказалась. Возможно, не вдохновляла её и фигура Нины Петровны, но тут уж отказать не представлялось ни малейшего шанса. Пришлось стараться. Однако напрасно она и так и эдак намекала клиентке, что ткани, выбранные ею для пошива выездных туалетов,

ей не идут. Нина была не в состоянии выскочить из образа, в котором она прожила свою женскую судьбу, – образа правильной советской женщины, без галантерейных амбиций. Кстати, во время американской поездки Нине было почти шестьдесят лет. И её сравнение с тридцатилетней Джеки Кеннеди выходило несправедливым и напрасно злым. Её полнота, конечно, невыгодно выступала на фоне Джекиной subtilности. Однако не была же Нина толще той же, к примеру, Ангелы Меркель! Всё дело в умении себя подать. Нине ужасно не шли ткани с цветочным рисунком. Любое цветочное платье на её пухленькой фигуре превращалось в халат. Украшений она не имела и носить их не пробовала. Никто не учил Нину Петровну манерам. Она была продуктом эпохи, свершившимся фактом – той самой идеальной советской женщиной, о необходимости воспитания которой так часто говорили большевики. Она искренне верила, что душевных богатств ей хватит с лихвой. За эту утопию на дипломатическом уровне пришлось заплатить имиджем всей страны.

Нашли с кем сравнить, сравнили бы ещё с английской королевой! Джеки была аристократка и дочь аристократов. Понятно, что за дипломатическим столом она выглядела уместнее своей посконной гостью. Но если сравнивать масштабы пути, которые проделали Нина и Джеки, чтобы попасть за этот табльдот, то Джеки бы нашей проиграла. Социальный лифт, как сейчас принято говорить, не так уж высоко унес её от места рождения, тогда как Нина Петровна проделала путь, равный троекратному обороту вокруг Земли. Заметьте, Джеки никогда в жизни не резала крапивы для поросят.

Между тем Нина вовсе не была такой уж неприглядной внешне, как может показаться от сравнения с Джеки. Во время встречи с американским президентом Дуайтом Эйзенхауэром и его женой Мэйми она продемонстрировала даже некий неожиданный шарм, пройдясь в тёмном однотонном платье удачного покроя. И прямо – вуаля! Лёгким движеньем деревенская старушка превращается... превращается... в элегантную леди. Есть и ещё одно фото, где Нина отчасти напоминает нарядом и фасоном шляпки саму английскую королеву. И вот тут-то понимаешь, что дело совершенно не во внешности и даже не в лишнем весе, а лишь в традиции, в том самом искусстве подать себя, которого начисто были лишены заново выкованные дамы.

К сожалению, картину её триумфа смазал муж, отказавшийся следовать этикету на том приёме. Эйзенхауэр был человеком амбициозным, утверждавшим ни много ни мало, что «на Соединённые Штаты Америки возложена миссия руководства миром», прямо так и заявлял. Не сумев убедить Хрущёва в дипломатической неизбежности переодевания в смокинг, спесивец потерпел поражение.

В своём роде этот плюгавый толстяк был великолепен, вместе со своей половиной. Их совместный дипломатический стиль был интересен именно полным отсутствием стиля. Они вели себя совершенно не так, как от них ожидали, и этим очаровали. Он, например, вообще не обратил внимания на выпорхнувшую ему на глаза Мэрилин Монро, которую попросили нарядиться в самое своё облегающее платье. Определённо Хрущёв имел собственный стереотип поведения, приличествующего женщине. Их встречали голливудские артистки, прекрасные, как куклы Барби. Хрущёва без конца старались обнять посторонние тётки, Мэрилин даже норовила его поцеловать. Однако, когда на сцене концерта в его честь появились исполнительницы канкана, Хрущёв однозначно высказался, что привык ценить в женщинах лицо, а не задницу. Потом он даже и проиллюстрирует этот тезис, задрав пиджак и выставив собеседнику обтянутый штанами фрагмент собственной фигуры. И, если бы в Америке хоть один кандидат в президенты вёл себя подобным демократичным образом, его бы единогласно выбрали – так сказали сами американцы. Может, они так шутили и вовсе не хотели видеть во главе своей страны пуританина, осуждающего канкан. Хотя Америка страна семейных ценностей, как известно, и её понятия о приличиях варьируются от канкана до ханжества. Прилично ли на месте американцев было демонстрировать главе дружественного государства этот милый бордельный танец? А главе – смотреть на него и помалкивать? Никите Хрущёву на тот момент было за шестьдесят. Его понятия о приличиях накладывались на возрастную скромность пожилого человека, никогда не изменявшего жене. Эпизод с канканом он потом упоминал в мемуарах. Это было смешно? Если предстать, что плясать перед посторонними мужчинами может твоя дочь или внучка, толерантность как рукой снимает.

Лёня и Витя

Викторию Брежневу муж звал Витей. Без объяснения причин. Хотя вообще-то она была Викой – Викторией Петровной. Может, у него к ней были братские чувства? Сочувствующие отмечали несомненное сходство этой дамы с мужским типом. К шестидесяти годам у Лёни и Вити налицо проступило даже внешнее сходство – «гляжусь в тебя, как в зеркало...». Хотя она и в молодости не отличалась изящной внешностью, говорят, что именно Лёня загнал Витю за Можай, лишив бедную последних признаков женственности. Сам-то Брежнев вовсе не был тем живым трупом, каким казался молодёжи. Во всяком случае, он стал им не сразу, а молодой генсек был мужчина занятный, большой ходок. У него были ямочки на его генсековских щеках и самая очаровательная улыбка после Гагарина – такое впечатление он производил на слабый и глу-

пый пол. В быту же этот гулёна был крайне строг. Однажды заметив Витину страсть к нарядам, он изорвал её запасы одежды в клочья. Говорят, даже не изорвал, а изрубил топором. Вите ничего не оставалось, как пересмотреть свои жизненные ценности. Вместо одежды она стала собирать антиквариат. Витя никуда не ездила, сиднем сидела дома, наряжалась в духе героини «Служебного романа» Калугиной и все женские надежды устремила на дочь. Галина Брежнева вся пошла в отца, а также и в мать. Это была весьма корпулентная дама, впрочем, не лишённая вкуса. Она прекрасно одевалась – усилиями всё той же Нины Гупало, наотрез отказавшейся обшивать её мать. Но образ обновлённой советской женщины удавался ей из рук вон плохо. Она слишком хорошо одевалась, обожала ювелирные изделия и танцы на столе.

И вот, как известно, первой из кремлёвских жён, кому незачем было называться первой леди, оказалась Раиса Горбачёва. До неё это именование сидело на наших правительницах, как на корове седло. Леди! Кто вам тут леди? Крупская была не леди, Аллилуева – упаси Господи! Слово из лексики иностранной литературы, из какого-нибудь приключенческого Конан Дойля, Жюль Верна. Кстати, слово «леди», которым вопреки ожидани-

ям наделили Нину Петровну, как только она пересекла границу страны, имеет значение «госпожа», если кто забыл, всего лишь госпожа, вежливое обращение к женщине в любой стране мира. Затвердив мысль, что «господа все в Париже», советские женщины изо всех сил пытались создать новый, социалистический стереотип, женский типаж, лишённый признаков светскости, иной раз и женственности вообще, достаточно взглянуть на женщину Мухиной – женщина она или молотобоец? В топку «Шанель», «Герлен», все атрибуты жизни светских, изнеженных жён. Вовсе не стремились советские девушки попасть в светское общество. Даже те из них, кто волей случая оказывался на самых первых ролях, старательно делали вид, что не стремятся, первым делом перед самими собой. И боязно представить, чем бы кончилось дело, если бы так оно и осталось. Женщина ведь, за что возьмётся, делает с душой. Если ей не нужны духи, туманы и новое платьишко, то что она возьмёт вместо? Сперва она отнимет у мужчины молоток, потом топор, потом руль – машины, автобуса, комбайна, ракетного крейсера, потом, глядишь, и вообще управление перехватит. И матриархат. Как было уже предсказано, новые амазонки. А мужчина, он тут зачем? Кипяточку, товарищ? ☺

ИНТЕРФЕРОН
АЦИКЛОВИР

ДВОЙНОЙ УДАР
ПО ГЕРПЕСУ!

ГЕРПФЕРОН®

МАЗЬ ДЛЯ МЕСТНОГО И НАРУЖНОГО ПРИМЕНЕНИЯ

- Лечение первичных и рецидивирующих герпетических поражений кожи и слизистых оболочек
- Лечение генитального герпеса
- Лечение опоясывающего лишая
- Содержит лидокаин для снижения болевых ощущений

БИОТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ КОМПАНИЯ
ФИРМ М www.firm.ru

ВОЗМОЖНЫ ПРОТИВОПОКАЗАНИЯ, ПЕРЕД ПРИМЕНЕНИЕМ ВНИМАТЕЛЬНО ПРОЧИТАЙТЕ ИНСТРУКЦИЮ ИЛИ ПОСОВЕТУЙТЕСЬ СО СПЕЦИАЛИСТОМ

Путевые заметки

Виктория Токарева

Я бываю в итальянском городе Абано-Терме каждый год. И всякий раз встречаю группу русских адвокатов. Я называю их «адвокатки». Это пять женщин, которые организовали своё бюро. Процвetaют и отдыхают в Италии. Среди них есть и мужчины, но существенной роли они не играют. Заглавную партию исполняют женщины. Мужчины исключительно для размножения.

Адвокатки сидят в ресторане за одним большим столом. Им весело, они постоянно смеются, но не ржут. Ведут себя как воспитанные люди. По вечерам они вовлекают меня в свою компанию. Может быть, им хочется меня послушать. Но мне интересно слушать их.

Самой говорить тоже хочется – потребность прокатить себя на новой аудитории и просто «поиграть словами». Но их общение – это что-то «отдельное», как говорил Бабель, а именно: игра ума, способность к анализу, юмор. Я наслаждаюсь. Я испытываю гордость за своих соотечественников и слегка завидую. Чему? Дружбе. Они спаяны, как пальцы в кулак. Каждая сама по себе, а вместе – единое целое.

Дружба – это защита, ни с чем не сравнимая. Заболеешь – вытащат, постареешь – не заметят, ошибёшься – простят. Умрёшь – похоронят и будут навещать. Можно быть спокойной всегда, в любые времена, во всех ситуациях, и даже на том свете. Им «свезло», как говорится. Не потому, что фирма процветает, не потому, что они каждый год купаются в термальных водах. Нет. Потому что они есть друг у друга и их невозможно раз-

**«Невозможно
иметь всё сразу.
Что-то одно.
Ну два. И это ещё
хорошо. У других
и этого нет»**

единить, как пальцы на руке. Каждый палец для чего-то нужен. И каждый палец – разный и по-своему красивый.

Мы с подружкой Сонечкой – два пальца. Это не кулак. Это – коза. Двумя пальцами делают козу. А тремя – фигу.

К адвокатам приехал их итальянский друг Антонио, сокращённо Тони.

Знакомство завязалось десять лет назад. Адвокатки помогли Тони усыновить ребёнка из московского дома малютки. Была выбрана милая девочка Анечка трёх лет. Её родители нелепо погибли в автомобильной катастрофе.

Тони с женой пришли в учреждение забирать Анечку,

и в этот момент к Тони подошла незнакомая девочка с чёлкой и, глядя на Тони снизу вверх, проговорила: «Ты мой папа». У Тони что-то перевернулось в душе. Он не смог сказать «нет». Не смог, и всё. Он сказал: «Да, я твой папа». Девочка вложила свою ручку в его руку и застыла рядом.

– Я её забираю, – решительно произнёс Тони. – Я беру двоих.

К Тони кинулись работники дома малютки: врач, директор, воспитатели. Стали хором отговаривать: у неё плохая наследственность, психические отклонения, от осины не растут апельсины. Зачем вам такая морочка? Будете мучиться всю жизнь. Подумайте сами: кто сдаёт своих детей в дом малютки? Только алкоголики и проститутки.

– Я забираю двоих, – настаивал Тони.

Жена Тони, милая и скромная Моника, не возражала. Действительно, вдвоём девочкам будет веселее, легче адаптироваться в незнакомой среде. Общий русский язык. Моника поддержала мужа. Оформление прошло быстро. Адвокатки знали своё дело.

С тех пор прошло пятнадцать лет. За это время у Тони и Моника родилась своя общая девочка. Так бывает: когда усыновляют сироту, Бог даёт своего ребёнка. Благодарит таким образом.

Каждый раз, когда адвокатки приезжали в Италию, они звонили Тони в Милан, и он их навещал в отеле «Дуэ Торри». В этот раз Тони приехал с женой Моникой, любовницей Беатриче и старшей дочкой Катей – той

самой, с плохой наследственностью.

Тони привозил прекрасное вино, оно украшало застолье.

Меня и Сонечку пригласили в компанию. Я присоединилась и с интересом рассматривала присутствующих.

Катя – абсолютная итальянка, никаких отклонений не замечалось. Юная девушка в коротковатых брючках, так модно, и в пиджачке цвета фуксии (тёмно-розовый). Любо-дорого смотреть. Она кое-что понимала по-русски, но участия в разговоре не принимала. Просто слушала. Я смотрела на неё и думала: вот что значит судьба. Останься Катя в доме малютки, перешла бы дальше в детский дом (вариант тюрьмы), а потом государство выкидывает этих детей из детского дома на произвол судьбы и они пополняют криминал.

Катя поводила головкой на длинной шейке, рассматривала окружающую действительность. Мы сидели перед отелом, сдвинув вместе два столика. Небо над нами начинало быть сиреневым. День клонился к вечеру, но ещё светло. Как женщина в пятьдесят лет: ещё красивая, но впереди – мало. Сад перед отелом – абсолютно райский. Все виды цветочков, все варианты кустов и улыбающийся Пабло с подносом, в белом пиджаке.

Моника и Беатриче – сочетание для русских странное. Наши никогда не объединяют жену и любовницу. Стараются тщательно развести, чтобы жена ничего не знала про любовницу и даже не догадывалась. А тут – сидят за одним столом. Объяснение этому имеется. Беатриче не просто любовница, но ещё и переводчица. Она прекрасно говорит по-русски, с лёгким акцентом. Как латышка, например. Акцент есть, но он не мешает. Без Беатриче не обойтись. Она необходима.

Я сравниваю этих двух женщин. Они нравятся мне обе.

Беатриче моложе, чем жена, на пятнадцать лет. Беатриче – двадцать пять, Монике – сорок. Двадцать пять, конечно, лучше, но за спиной Монике – трое детей, а это серьёзный перевес в её пользу.

Адвокатки рассказывали, что у Тони и Беатриче три года назад вспыхнул роман невероятной силы. Буквально ураган «Оскар». Семья закачалась. Тони хотел уйти из дома, но устоял. Я думаю, не последнюю роль сыграла Катя, которая однажды вложила свою ручку в его руку. И Тони не посмел отбросить эту доверчивую руку.

Моника победила. Беатриче утёрлась, что называется, но не перестала любить Тони. Может быть, на что-то надеялась. Напрасно. Ураган «Оскар» улетел в другую галактику. Я не знаю, чем Тони занимается, но это не имеет никакого значения. Тони знает самый короткий путь к сердцу и знает, как там зацепиться. Войти и остаться.

Я смотрю на двух женщин и думаю: на чьём бы месте я предпочла оказаться? На месте жены или любовницы? Жене досталась его надёжность, а любовнице – страсть. Что лучше? Не знаю. Страсть проходит, а надёжность – нет. Однако страсть повеселее.

Но вообще-то я не смогла бы вот так спокойно пребывать в присутствии соперницы. Мужем не делятся. А эти две сидят, ведут себя политкорректно, как будто так и надо. Со стороны ничего не заметно. Они неуловимо похожи: темноволосые, но не чёрные, тихие, сдержанные, интеллигентные. Видимо, это его сексуальный тип.

Считается, что мир спасёт красота. Не согласна. Мир спасёт ум и здравый смысл. Моника и Беатриче призвали весь свой ум и здравый смысл. Можно, конечно, вскочить и перебить всю посуду, помчаться в бар, там выпить и переколотить весь бар, бросив бутылку в витрину.

И что изменится? Ничего. Только придётся заплатить огромный штраф за материальный ущерб. А всё остальное останется как было. Поэтому Моника улыбаётся, как Пабло на работе, а Беатриче переводит с лёгким акцентом, как латышка.

Я пью превосходное вино, и райский сад вокруг медленно погружается в сумерки...

Еда. Не могу миновать эту тему. Еда – это главное информационное поле. Человек с едой получает информацию Земли и Солнца. Например, помидор. Земляника. Они находятся близко к земле, вдыхают в себя саму землю и напитываются солнцем. И не только помидоры с земляникой. Все овощи и фрукты. Яблоки – приподняты над землёй, но это не меняет дела. Яблоня всё равно пьёт корнями соки земли. Всё остальное доделывает солнце. Еда – одно из главных наслаждений человека, поскольку она поддерживает инстинкт самосохранения. Говорят, еда – секс пожилых людей. Грубо, но справедливо.

Итальянцы понимают толк в еде. Французы – тоже. Немцы – попроще. У них главное блюдо – отварное колено и сосиски. Тоже очень вкусно, когда голодный. Непередаваемо прекрасна грузинская кухня, вся в орехах и травах.

Однако перейдём к моему отелю «Дуэ Торри».

Обед начинается со шведского стола. Столов несколько. На одном – дары моря, на другом – все овощи, существующие в природе. На третьем – травы всех цветов и оттенков. На четвёртом – фрукты и ягоды. На пятом – сыры. На отдельном стоящем – торты и пирожные. Я не буду перечислять ассортимент, иначе мой рассказ превратится в меню. Скажу только, что я предпочитаю. Я кладу на свою тарелку: спаржу, цикорий, осьминога, каракатицу, траву рукколу. Больше на тарелку не помещается.

С тарелкой иду к своему столу. Я заметила: у итальянцев на тарелке минимум – веточка петрушки, звёздочка морковки. На тарелке моих соотечественников – высокий холм, где навалено одно поверх другого. Невольно вспоминается анекдот: на приёме возле шведского стола встретились русский и американец. У американца тарелка практически пуста. У русского – гора. Русский доверительно говорит американцу: «Вон там, в углу, икра». «Я не хочу», – отвечает американец. «Ты меня не понял, икра...» – «Спасибо, я сыт. Я, когда хочу, ем, а когда не хочу – не ем». «Ну, ты прямо как животное», – поражается русский. Я не как животное. Я ем, даже когда не хочу. Как можно отказаться от такой скатерти-самобранки?

Садимся за стол. Открываем красивую карту на русском языке. Я не буду перечислять, что предлагается. Отмечу то, что меня поразило: конина на гриле. Я не представляю себе, как можно есть лошадь, такое разумное и красивое создание природы. Это всё равно что есть сосисей и друзей. Но я не вегетарианка. Я заказала медальоны из конины. Конина похожа на мясо косули, которое я пробовала два раза в жизни. Один раз в Париже, другой – в Казахстане. В Казахстане, кстати, я ела и колбасу из конины. Теперь придётся объяснять, каково мясо косули... Похоже на говядину, но мясо коровы жёсткое и скучное, а у косули мягкое и само устремляется внутрь.

Довольно часто в меню стоит рыба сибас. Официант Денис подвозит её на катящемся столике, на блюде под овальной крышкой. Крышка сияет, как НЛО. Далее начинается представление, как в цирке. Денис широким жестом сдёргивает крышку и принимается колдовать над рыбой. Чётким движением отсекает голову и хвост, потом отделяет брюшко. Далее

с рыбьего позвонка снимается пластина филе, перемещается на тарелку. Лежит белая, свежая, пахнущая морем, йодом, здоровьем и долголетием. Эту рыбу только утром выловили и утром же привезли. И она ещё была в сознании, хоть ничего не соображала. У рыбы мозг маленький, ей не обязательно соображать. А может, я ошибаюсь, может, она лежит и думает: «Я хорошо жила, плавала куда хотела, а теперь хорошо умираю. Меня съедят в красивом ресторане под красивую музыку...»

В углу ресторана стоит рояль, на нём кто-то тихо играет. Музыка есть и нет. Хочешь слушать – пожалуйста. Не хочешь – музыка незаметна, не бьёт по ушам.

После обеда итальянцы едят сыр. Я всегда беру рокфор и горгондзолу – это вонючие сыры. Они продаются и в Москве, но в Москве они редко бывают свежими. А когда вонючий, да ещё и не свежий, – это слишком. Жить будешь, но радости не получишь.

С фруктового стола я, как правило, беру папайю. Папайя – это гибрид дыни и тыквы. Говорят, Фидель Кастро посылал её Брежневу самолётами. Это чудодейственно полезный продукт, не скажу чтобы вкусный. Дыня лучше. Дыня лежит здесь же, всех видов. Ананас уложен золотыми кольцами, спелый, истекающий ароматным соком.

В Москве тоже всё это продаётся – и папайя, и авокадо, и манго. Но в Москве всё неспелое, просто похоже внешне. А когда всё это зреет на южном солнце, наливается спелостью, дозревает до нужной кондиции... Можно не продолжать.

Россия – северная страна. Это так. Зато у нас свои прерогативы. Например, у нас потрясающие оперные басы, а в Италии их нет. В Италии – преимущественно тенора. У нас теноров меньше. Сказывается недостаток солнца.

На десерт Денис предлагает мороженое с пьяной вишней. Это вишня, вымоченная в коньяке.

Всё! Больше я не рассказываю о еде. Это невозможно читать на голодный желудок.

Мы с Сонечкой часто гуляем по городу. Заходим в кафе. В городе цена за кофе в два раза ниже, чем в отеле.

К нам подошла незнакомая девушка, по виду молдаванка, приехала на заработки. Улыбалась русской речью и захотела поговорить на русском языке. Соскучилась.

– Вы очень хорошо одеты, – сказала она Сонечке. – А вам надо купить кардиган. – Это уже мне.

– У меня есть, – сухо ответила я. А про себя подумала: «Тоже мне... ложкомыка. Будет советы давать...»

– Купите ещё один, – продолжила девушка, – пусть будет два.

– У меня есть два. А вы откуда, вообще?

– Я из Милана. Мы с Анджело путешествуем. Анджело! – звала она.

Подошёл Анджело. Как говорили в моём детстве, урод, в жопе ноги. (А где ещё быть ногам?) Анджело сел на соседнее кресло. Он не понимал по-русски, и это было очень удобно. Можно свободно говорить о чём угодно в его присутствии.

– Это ваш муж? – спросила я девушку.

– Я работала у него по хозяйству. Готовка, стирка, а потом он прибавил сексуальные услуги.

– За отдельные деньги? – спросила я.

– Сейчас у нас общие деньги.

– То есть его деньги – ваши, – догадалась я.

– Ну да, он вдовец. Сейчас на пенсии. А раньше был спортсмен. И жена спортсменка.

Я посмотрела на Анджело. Старый, грустный, отсутствующий. Трудно было представить его спортсменом, который борется за первое место.

– А какой спорт? – спросила я.
– Прыжки в высоту. С шестом. А жена бегала на короткие дистанции. Она умерла.

– Давно? – спросила я.
– Год назад. Ей было пятьдесят семь лет.

– Короткая дистанция, – вздохнула я.

Анджело что-то почувствовал и стал прислушиваться, глядя на меня.

– Вы скучаете по жене? – спросила я по-французски.

Анджело понял. Как-то весь преобразился. Ожил, что ли.

– Спасибо за вопрос, – поблагодарил он. – Я скучаю по жене. Но если точнее, я с ней не расстаюсь. Нет ни одного дня, ни одной минуты, чтобы мы были врозь.

Мы с Анджело говорили по-французски, теперь нас никто не понимал.

– Что он говорит? – обеспокоенно спросила девушка.

– Так... – не ответила я. – Ничего особенного.

Мы заказали кофе и пили молча. Но это не было молча. Анджело как будто продолжал беседовать со мной. Нас было трое: он, я и жена. Девушка тихо переговаривалась с Сонечкой. Мы не мешали друг другу.

...В ресторане появилась семья с Украины. Муж – шестьдесят лет. Жена – тридцать. Ребёнок – пять лет, весьма перекормленный и практически неуправляемый. Он прыгает в бассейн, обрушиваясь на головы, поднимая фонтаны брызг. Старухи немеют от ужаса. В старости особенно ценят жизнь. Мальчик весит килограмм пятьдесят и летит с ускорением, как снаряд. Получить такое на голову, и полный паралич обеспечен. Будешь лежать как рыба сибас перед разделкой.

Мальчик в восторге от брызг и от своих впечатлений. Родители тоже в восторге от настроения своего отпрыска. Они победно оглядывают окружающих, как бы приглашая всех порадо-

ваться. Но никто не радуется. Родителям это непонятно. Как можно не восхищаться такой полноценной семьёй: папаша – богатый, мальчик – активный, женщина – суперэксстракласс. Она выходит к ужину в разных нарядах. Например, платье с глубоким вырезом на спине. Спина обнажена до копчика. Под такое «декольте» нельзя надевать трусы, они будут видны. Значит, мадам без трусов. Bravo. Иногда она появляется в платье с вырезом впереди. Вырез до пупа. Под такой разрез лифчик не надевают. Упругие груди свободно гуляют, будоража воображение.

В термальных водах, как правило, лечат суставы, поэтому основной контингент отдыхающих – от семидесяти до ста. Декольте хохлушки будоражат воображение старичков, и это имеет терапевтическое воздействие, поднимает жизненный тонус. Позиция мужа нейтральна – пусть делает что хочет. Она годится ему в дочки. Он так её и воспринимает: любовно-снисходительно. Её «элеганто» никому не мешает. Мешает другое: она гоняет официанта Дениса по десять раз за ужин. То ей пережарено, то недожарено. Она недоброльна соусом: просила белый соус, а ей принесли красный. Просила сливочный, а ей принесли томатный. Она требует вызвать начальство. Приходит Фаусто и выслушивает её претензии, склонив седую голову. Клиент всегда прав. Он платит за питание и проживание и оставляет в отеле немалые деньги. Можно потерпеть. Но... В России и на Украине официант – обслуга, на него можно орать, если хочется. А в Италии официант – это работа. Такая же, как любая другая. Как пианист, например. Или гранде скритторе. Официант работает в полную силу, носится по залу, как фигурист на льду, и орать на него не принято. И даже странно. Хохлушка этого

не знает. Орёт. Фаусто слушает, но для себя принимает решение: эту троицу в отель больше не пускать, отправлять в другой отель. Пусть там показывают свой нрав и свои части тела. У Куприна я читала: «Только шестёрки унижают шестёрок». Интеллигентный человек никогда не унижится до крика и не унижит другого.

Денис устал от хохлушки. Подошёл ко мне подавленный. Принёс десерт.

– По-моему, она проститутка, – тихо предполагаю я.

– Фаусто тоже так считает, – кивает головой Денис. – Их больше сюда не пустят.

Я ем десерт и не понимаю: что ей не нравится? Может быть, она видела отели по десять звёзд и этот пятизвёздочный отель кажется ей бомжатником? Хотя вряд ли. Скорее всего, она видела пыльные кабины дальнобойщиков, а потом срубила богатого дурака... Может, и не дурака. Каждый получил то, что хотел. Он – наследника. Она – статус жены. Флаг им в руки. Но за державу обидно. Как сказано в одном фильме: «Такие, как ты, позорят нацию».

К адвокаткам приехали очередные гости, муж и жена. Он – неопределённой национальности, для белого – слишком тёмный, для чёрного – слишком светлокотый. Она – победительница конкурса красоты в каком-то году. Кажется, лет десять назад. Они всегда опаздывают к ужину. Адвокатки их ждут и бесятся, поскольку опоздание – разновидность неуважения. Королева красоты появляется к концу ужина в платье, расшитом драгоценными камнями. Платье тяжёлое. Весит килограмм тридцать. Косметика – тщательная. Видимо, на подготовку к выходу у неё уходит несколько часов. Её появление не остаётся незамеченным итальянскими мужчинами. Они вскакивают со своих мест, всплескивают руками и восклицают:

– О-о-о! Перфетто!

Наша королева сдержанно улыбается. А её мужчина идёт сзади, неестественно держа голову.

Адвокатки рассказали по секрету: он упал с лошади головой вперёд и сломал себе шею. В Германии ему заменили два позвонка. Он испытывает невыносимые боли. Ещё адвокатки сказали, что он неправдоподобно богат. Его кошелёк величинной с небоскрёб.

Я смотрю на них со своего места. Интересно, а как они занимаются любовью? Через тернии к звёздам, через страдания к радости? Он сломал себе шею из-за денег. Не было бы денег – не было бы и лошади и никуда бы он не скакал. Вывод прост: богатые тоже плачут. И как...

По вечерам танцы.

Итальянцы танцуют с упоением. И с мастерством. Оказываются, многие берут уроки. Танцы – это полезно, своего рода гимнастика, но не такая скучная.

В больших городах пожилые люди собираются в клубах и танцуют.

Я обратила внимание на старика: благородная лысина, красивая кофта с черепаховыми пуговицами. Он обнимает даму за талию, и они начинают мелко-мелко перебирать ногами, но не оттого, что не умеют танцевать, а наоборот. Высшая степень мастерства. Им бы на сцене выступать. В правительственном концерте. Рисунок танца выверен – чувствуется, что они танцуют вместе давно, слаженная пара. И чувствуется, что они любят танцевать. И любят, чтобы на них смотрели. Это естественно. Актёр ведь не играет сам себе. Ему нужны сцена и зритель. Фаусто тихо сказал мне, что танцоры – научные работники, семейная пара. У жены рак. Она уже прошла химию и облучение. Они приезжают регулярно два раза в год. Профессорская пара танцевала каждый танец. Не пропустила

ни одного. Жена седая, молодая, маленькая. На лице никакой печали. Нет и фальшивой радости. Просто танцуют. Ей нравится. Муж нежно обнимает её тонкую спину. Иногда чуть заметно целует её в голову. Она не реагирует. Привыкла. Люди любят друг друга.

На другой день в бассейне я подошла к профессору и выразила ему своё восхищение. Сказала:

– Вы прекрасно танцуете.

Он бегло глянул на меня и не ответил. Отошёл. Наверное, решил, что я к нему пристаю.

Русские тоже танцуют. Обращает на себя внимание некая Анфиса. Она занимается туристическим бизнесом. Предпочитает отель «Дуэ Торри», поскольку здесь самое разумное сочетание цены и предоставляемых услуг. Анфиса – русская красавица, без натяжки. Лицо, фигура – всё кричит: «Люби меня!» Её и любят, но не те. Она никак не может найти себе подходящего мужа или хотя бы партнёра. То, что wpłyвает в её сети, – не годится. Она выкидывает мелочь обратно в море жизни.

В Москве у неё двадцатипятилетний сын и годовалая внучка. Так что «молодая была не молодая». Но она действительно хороша и справедливо надеется на личное счастье. Анфиса танцует, загребая ногами, как руками. Полное впечатление, что она загоняет стройного итальянца в свой сачок. Одевается Анфиса интересно и дорого. Очевидно, что её туристический бизнес процветает. Со мной здоровается надменно. Ещё бы... Кто я? «Старушка не спеша дорожку перешла». А она – амазонка на сверкающем коне за пять минут до победы.

Сегодня – показ мод. Между колонн ходят манекенщицы, мало похожие на обитателей Земли. Вытянутые, как гуманоиды. И с такими же глазами. Интересно, где рождаются такие

человеческие особи? Хотела бы я быть такой? Однажды я спросила у своей маленькой внучки: «Ты бы хотела, чтобы я стала вдруг молодая и красивая блондинка?» Внучка насупилась, потом сказала: «Нет. Лучше так». Наука идёт вперёд, и когда-нибудь настанет время, что можно будет поменять тело, сохранив прежнюю личность. Кто-то захочет. А кто-то – нет.

После показа мод – танцы. Живая музыка. У микрофона певица – вся в чёрном и блестящем. Южные народы любят чёрное. Танцуют все: Антонио со своей приёмной дочкой Катей, Беатриче с Моникой. Танцует украинская тройца, ребёнок скачет тут же у всех под ногами, сшибая официантов с подносами. Фаусто пригласил королеву красоты. Они прекрасны. Анфиса вцепилась в очередную жертву и, похоже, не выпустит. Худосочный итальяшка не сможет противостоять, да и не хочет. Он обнимает настоящую славянскую красоту и не верит глазам своим и рукам своим. Профессорская пара мелко и искусно семенит ногами. Адвокатки образовали круг наподобие греческого сиртаки. Пляшут слаженно, синхронно, как будто репетировали. Сонечку затащили в центр круга, и она неожиданно для всех выделяет кренделя под цыганочку. Вот тебе и Сонечка. В ней и начальница, и цыганочка. Но одно другому не мешает. Меня пригласил кошелёк с неподвижной шеей. Я танцую с ним медленно и осторожно, и это устраивает нас обоих.

Отдыхающие вертятся под музыку среди колонн. А под их ногами медленно вертится Земля вокруг своей оси. Земля сделает несколько оборотов и стряхнёт всех танцующих в неведомую бездну, в другое время и пространство. А на освободившееся место тут же набегут новые и так же будут крутиться под музыку и хотеть любви. ☉

ЛИНИЯ ЖИЗНИ

ПРОГРАММА СПАСЕНИЯ ТЯЖЕЛОБОЛЬНЫХ ДЕТЕЙ

**Спасаем детей
вместе!**

**«Чья-то жизнь — уже
не мелочь!»**

**Сдай мелочь —
спаси жизнь ребенка!**

Акция пройдет

20-22 мая

Москва, Санкт-Петербург

27-29 мая

Москва, Сочи, Волгоград

1 ИЮНЯ

Казань

Подробности на сайте
www.life-line.ru

Реклама

Блошинный рынок художницы Назаренко

*Татьяна Назаренко – о предметах, благодаря которым
как через волшебную дверь попадаешь в прошлое*

Я в детстве обломила хоботки у всех наших семейных слоников. Помните, был такой символ мещанства и одновременно семейного благополучия – семь статуэток на комоде? У кого-то они стояли на комоде, а мне разрешалось с ними играть, вот слоники и не сохранили первозданную красоту. Как и многие другие вещи в нашей семье, которые вполне могут считаться семейными реликвиями. Но это я сейчас понимаю, а тогда – не ценила, не берегла. Ребёнок! Но бабушка и тётя, с которыми я росла, тоже ни над чем не дрожали. Да никто тогда старинные вещи не ценил! Когда стали ломать старые дома, вся мебельная красота просто выбрасывалась на помойки. Или сдавалась в комиссионки за копейки. Но всё-таки были и ценители, коллекционеры. Однажды, после выставки дворянского портрета, идём мы с художником Андрюшей Волковым по Гагаринскому переулку, и в одном из окон одноэтажного особняка в просвете между штор я вдруг вижу на стене картины в золочёных рамах. Такие же, что на выставке. Посмотрели каталог выставки, прочитали фамилию человека, из чьей коллекции картины: Шмаров. Решили постучать. Из-за двери: «К кому?» – «К Шмарову». Дверь открылась, на пороге старичок: «Вы ко мне?» Я была молоденькая, хорошенькая, сразу защебетала: «Знаете, мы только что были на выставке. А сейчас идём – и увидели вашу красоту... Мы художники. Пожалуйста, разрешите посмотреть вашу коллекцию!» И этот Шмаров совершенно незнакомых людей с улицы пустил. Что-то он отдал на выставку, а остальное и, можно сказать, самое ценное рядами, шпалерами висело по стенам. Потом он нас ещё и чаем напоил. Так что были, были редкие люди, которые сохраняли и преумножали. Сейчас этот особнячок принадлежит

академии художеств, и никакого Шмарова там уже давно нет. И где сейчас та коллекция?..

Фамильные ценности

Семейная легенда гласит, что мой дед со стороны мамы, Николай Николаевич Абрамов, имел аристократические корни. Чуть ли не княжеские. Его мать, моя прабабка Наталья Ивановна, была воспитательницей детей в богатом родовитом доме. И от хозяйина родила своего Николеньку. Мальчик воспитывался вместе с другими, законными его чадами. Была ли у этого аристократа в то время жена, не знаю, судя по всему – нет. Семья долго жила в Германии. Там Наталья Ивановна носила кокошник, все её называли

русской красавицей. Не из её ли хозяйства моя любимая серебряная крушонница? Это самая старинная вещь в нашем доме. Похоже, восемнадцатого века. Я безжалостно использовала её как вазу и часто рисовала в своих натюрмортах. За время нашего с ней знакомства распаялся чудесный маленький Бахус с виноградной ветвью в руке, который сидел на крышке, потерялась длинная изящная ложка. Хорошо хоть сама крушонница жива, пусть и вся в трещинах.

Ещё две памятные вещи – кружки, в которых в пору моего детства стояли карандаши и кисточки. Это те самые кружки, которые раздавали простому народу на коронации последнего царя, и из-за этих подар-

ков случилась Ходынка. Они, к счастью, сохранились. Но не потому, что ценились, просто им повезло. Мы действительно все в семье были безалаберные, небрежливые. Столовое серебро, специально упакованное, пропало из дома вместе с упаковкой. Видимо, не перед всеми надо было открывать дверь. Остались только какие-то маленькие ложечки, вилочки, кольца для салфеток. Вот сейчас задумалась: а где шикарный хрустальный чернильный прибор, у которого в детстве я оторвала крышку? Интересно же было: как устроено, почему открывается?

Хорошо хоть, что все наши «вещи с историей» я успела нарисовать. Например, куклу, скорее всего мамину (маме сейчас 95 лет). Сохранилась только фарфоровая голова, а тряпичное туловище утрачено – война, эвакуация... Вообще чудо, что осталось хоть это – все катаклизмы, что выпали на долю страны, ударили же и по нашей семье. Бабушка рассказывала: когда она с дочерьми (старшая, моя мама, в 42-м окончила медицинский институт и отправилась на фронт, под Сталинград) уехала в эвакуацию в Омск, все вещи, кроме самых необходимых, естественно, оставили. Потом вернулись, а остались только голые стены – соседи забрали всё. Потом бабушка заходила к ним в комнату, на столе – наша тарелочка. Она её брала и говорила: «Ведь это же моё». И соседи не возражали, потому что знали: она права.

Но вещи не только от нас уходили, но иногда и возвращались. Бабушка в начале 30-х годов со своим мужем жила в Тегеране. Дедушка работал бухгалтером в советской миссии. Это тот самый Николенька, незаконный сын. За границей бабушка получила возможность переписываться со своим братом Рувимом, который ещё до революции уехал из страны

и потом осел в Израиле. Вести переписку из СССР опасались. Когда евреев стали выпускать, в середине 70-х, моя двоюродная тётка Надя поехала в Израиль в надежде разыскать родственников, ветвь этого брата. Нашла. Дяди Рувима уже давно не было в живых, и его семья настоятельно отнеслась к тёткиному явлению: мало ли кто навязывается в родственники? Но Надя так активно осаждала эту бедную семью, что они её, в конце концов, приняли. И вот почему. Она сказала: «У меня есть фотографии. Давайте сверим наши фотографии, и вы увидите, что мы родственники». И когда они положили рядом снимки – это были одни и те же люди. Дети и внуки Рувима уже не говорили по-русски. Но они сохранили не только фотографии, но и письма моей бабушки к своему брату, написанные на совершенно чужом для них языке. Так потомки Рувима передали их Наде, а Надя принесла мне. Почерк бабушки – мелкий-мелкий, мы с трудом разбирали. И вот она пишет в 33-м году

брату: что их мама умерла, что другой брат погиб – он плыл на пароходе, на какой-то пристани ворвались черносотенцы и стали убивать евреев. Тогда брат, а он был блондин с голубыми глазами, абсолютный славянин, закричал: «Я тоже еврей!» И его тоже убили...

А потом у меня в руках оказались письма из ссылки моего деда Николая. Прочла с мокрыми глазами. Работа в Тегеране стоила ему жизни. Все сотрудники миссии были объявлены врагами народа и погибли... Как же много о человеке, о его воспитании может рассказать почерк! Дед, например, писал каллиграфически и мысли излагал очень ясно, литературно. Как и полагается выпускнику духовной семинарии. Из писем я узнала, что, оказывается, он играл на скрипке. А какие слова к жене: «Бесконечная скорбь моя, Хануся!» Как он просил её устроить свою жизнь ради «ребят» (так называл дочерей), потому как понимал, что не вернётся! Нет, невозможно передать словами, что я чувствовала,

читая эти пятьдесят писем из ниоткуда! Потом всё это вылилось в цикл картин «Фамильный альбом»...

Старьё и новьё

Мне кажется, что есть произведение искусства как бы абстрактные – музыка, поэзия... Правда, их можно овесть в книгу или нотной записи, но суть-то всё равно – в воздухе. А есть – именно вещи. Ты можешь их коснуться, погладить. Они, кроме всего прочего, дарят и тактильные ощущения. Вот у меня дома висит портрет бабушки, мною написанный, и я могу дотронуться до каждой её морщинки. Вообще, мне невероятно повезло: я росла среди рукотворной красоты. За что спасибо родителям. Папа был военным инженером, мама врачом. Когда папу отправили служить на Сахалин, родители оставили меня в Москве у бабушки. Если бы взяли с собой, думаю, судьба бы у меня была другой. Я, может, и художником стала только потому, что всё детство и юность видела

на стене в нашей комнате две дедушкины картины, выполненные цветными карандашами и пастелью. Он ещё и рисовал. Они меня всегда завораживали.

И у нас был очень красивый дом, сам по себе произведение искусства. Входишь в подъезд – слева и справа по всему большому пространству картины. Замечательные сцены охоты. Роспись по штукатурке. Под ногами – красивая плитка. На плитке – громадные львиные головы, которые держали в зубах цепи. По обеим сторонам парадной лестницы шли фантастические витражи, изображавшие рыцарские латы. Как будто в нашем доме жили представители различных рыцарских орденов. Витражи постепенно ветшали, некоторые кусочки выпадали, но всё равно красота! Причём настоящие витражи: такое пупырчатое стекло со свинцовыми стяжками... Когда я потом бывала во Франции, видела фрагменты старинных витражей, сделанных по такой же технологии. Спустя много лет я вернулась в тот дом, а он уже принадлежал «новым русским», все квартиры были выкуплены, – и я увидела белые матовые стёкла. Новые хозяева решили не восстанавливать старьё, а взять и заменить на «новьё». Чтобы было чисто и бело. А витражи выбросили. К счастью, сам дом стоит.

В квартире моей тётки Дуни на последнем шестом этаже были кесонные потолки с глубокими выемками, как на какой-нибудь вилле в Италии. В выемках – маленькие натюрморты: корзиночки роз, цветы, птицы, а по центру – круг из золотых лепестков. На пятом этаже жила моя учительница музыки, в квартире, как рассказывали, самого владельца дома. Так там вообще был фонтан. Представляете? Конечно, он не сохранился к тому времени, когда я начала брать уроки игры, но паркет на месте фонтана был по-другому вы-

ложен. Фонтан закрыли, паркет забили – и осталось только преданье старины глубокой... Мы же жили в другой, не барской половине, много проще. Зато окна были такие же огромные и выходили во двор – так, что на противоположной стороне улицы я могла видеть здание с необычной дверью, которую я часто в детстве рисовала. У меня была любимая книжка – «Тони и волшебная дверь» – про американского мальчика, который через такую дверь попадал в прошлое, в индейское племя. И мне казалось: я как раз её и рисую... Так что даже за окном у меня была красота.

Память странствий

В моей мастерской на подоконнике вся история моих путешествий. Например, тамтамы – из Турции, вазы – из Эмиратов, полный комплект гуцульского национального костюма или наряд «бурановских бабушек» – сарафан, платки, монисто и даже носки, подаренные мне за моё пение. Самой бедной в плане вещественной памяти

оказалась Куба, моя первая «загранка». Это конец 60-х. Турпоездками за границу – в Югославию, в Дубровник, – наградили лауреатов Премии московского комсомола. Я была в их числе. И вдруг появилась возможность поменять Дубровник на Остров свободы. Другие лауреаты отказались, а я полетела. На Кубе относительно недавно случилась революция, и купить там было абсолютно нечего. Представьте, витрина шикарного магазина и в ней – красная кумачовая тряпка, металлическая кружка и лозунг: «Мы всё равно победим Америку!» Однажды нашу группку с нашими двадцатью долларами в кармане завели в посольский магазин, где предложили купить водку и кое-какие сувенирчики. Там я и нашла смешного соломенного человечка, он теперь стоит на моём подоконнике. Меня поразили кубинцы – такие пофигисты, говоря современным языком! Абсолютно самодостаточные. Помню, сидит один такой на краю тротуара, мимо проезжает крутая американская машина,

у которой с шипением отваливается колесо. Машина кое-как останавливается, едва не наехав на этого товарища. А он продолжает спокойно курить свою гаванскую сигару, даже не меняясь в лице. Сигарные фабрики и тогда, судя по всему, работали на полную мощь. Вот так они в основном и проводили время. А их подруги и жёны ходили в рваных колготках – и никакого смущения! Как нам сказали, лучший подарок кубинской женщине – колготки. Хотя жара, какие колготки?..

Первую марионетку я купила в Западном Берлине, куда мы приехали с художницей Наташей Нестеровой. Марионеток было две: одна – конь, другая – человек. Наташа схватила коня, а я вцепилась в человека. Теперь у меня их целая коллекция – из Индонезии, Китая, Испании...

Благодаря одной из кукол я даже научилась торговаться. Представьте, туристическая поездка в Индию с валютным «капиталом» для каждого туриста в тридцать долларов. «Мою» марионетку я увидела у торговца

в Джайпуре. Спросила, сколько стоит. Он: «Десять долларов». Дорого! А у нас некоторые подкованные граждане привезли с собой водку, чтобы менять её на местные товары. Тогда приняты были такие обмены. А я оказалась неподкованная и, конечно, не могла отдать за куклу целых десять долларов. В итоге торговец бежал за мной по рынку и кричал дурным голосом: «Ханум, красивая! Давай дэвять! Восем! Пят! Четырэ!» В итоге я сбила цену до доллара! В общем, у каждой куклы своя история. Но живут марионетки в моей мастерской не только как напоминания о путешествиях. Я всегда думала, что буду их писать, как-то использовать в своих картинках. Что-то написала. Перед остальными пока в долгу.

Ускользнувшая красота

Однажды мне поступило заманчивое предложение из США от одного нашего бывшего соотечественника, бизнесмена. Он обещал устроить мою выставку, найти галерею. В результате обманул и оставил все

работы у себя. А это двадцать больших картин. Лишь случайный помощник помог мне вернуть половину этих работ. На моё счастье, галерейщик попался на наркотиках. Оказалось, что его телефон прослушивался, так американские полицейские и обнаружили, что какая-то русская художница требует вернуть её картины. Но всё это я узнала потом. А сначала мне позвонили из наших «органов» и сказали, что мною интересуются их американские коллеги. Конечно, я была в панике. Потом вся подоплёка выяснилась, к тому же тот господин не одну меня обманул. Вернуть удалось лишь то, что он не успел продать. Но и это – чудо... Знаю, что практически все мои коллеги, выставляющиеся за границей, попадали в аналогичные истории. Но никто никогда об этом не рассказывал. У нас ведь как: художник должен быть не от мира сего и часто – баловень судьбы. Наверное, только я одна на эти темы и говорю, потому что считаю – надо.

Живопись – искусство рукотворное. Но истинных мастеров

всегда мало. А сейчас особенно. Мастера ведь нуждаются или в просвещённом правителе, или в господдержке, или в процветающем обществе, которое будет вкладывать деньги в искусство. Благодаря кому есть у человечества Леонардо, Караваджо, Микеланджело? Были умные правители. Король целовал Леонардо на смертном одре! Можно представить, чтобы наш президент целовал (конечно, в более радостных обстоятельствах) какого-нибудь художника? Невозможно! Ну, разве что Никаса Сафронова поцелует. *(Смеётся.)* И то только за его выдающуюся внешность, а не за то, что он написал.

Откуда, скажем, взялись «малые голландцы»? Принято было тогда украшать дома пейзажами с кораблями, натюрмортами... Каждый сюжет имел значение, их все понимали: один сюжет

сулил семье процветание, другой – любовь и согласие. А сейчасходишь в богатый дом – что его украшает? Цветы, часто искусственные, диваны, люстра, бордюр шикарный. Беда!..

Сейчас изобразительному искусству учат по старым канонам. И нас когда-то так учили. Студенту говорят: нужны композиция, академический рисунок и всё такое прочее. Молодой человек оканчивает вуз с этими знаниями и умениями – красиво передавать цвет, движение, выражение лица, – и куда идёт? Кому нужны большие картины, которые благодаря преподавателям он теперь умеет писать? Это ведь уже анекдот, что художник через тридцать или сорок лет после окончания вуза выставляет свою дипломную работу, потому что это лучшее в его творчестве! О чём это го-

ворит? О том, что сегодняшнее устройство жизни, увы, не располагает к процветанию живописи, к тому, чтобы художник развивался и рос. Я много лет преподавала в Суриковском институте и часто слышала от выпускников: а нельзя ли остаться в мастерских или поступить в аспирантуру? Хочется им ещё повариться, поучиться. А у меня даже лучшие ученики порой говорили: а я не знаю, что писать. В двадцать один год они ещё незрелые! Выйдут – и где им опыта набираться? Ну, будут в каких-то молодёжных выставках участвовать. Но там так всё однобоко! И уйдёт всё в песок. Это меня всерьёз тревожит. Что они оставят? Какую красоту? А моё поколение – продукт другого времени и, как те слоники, уже почти антиквариат... ☉

Затисала Марина Бойкова

Подпишитесь на ваш любимый журнал на
www.story.ru

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ! ТЕПЕРЬ ВЫ МОЖЕТЕ ОФОРМИТЬ ПОЛУГОДОВУЮ ПОДПИСКУ НА ЖУРНАЛ STORY 2016

Стоимость подписки с доставкой
в ваш почтовый ящик
900 рублей

Подписка производится только на территории России

Порядок вещей

Дом – это не место, а состояние души

Хрустальная память

Удивительный замок – этот Чески-Штернберг. Здешний граф Зденек Штернберг изредка проводит здесь экскурсии и рассказывает, как во Вторую мировую его папа, граф Иржи, спустил с лестницы офицера гестапо. После чего отец и сын Штернберги вместе со слугами партизанили в лесах. Когда Чехию освободили, замок конфисковали, потом старый граф умер, а замок вернули семье по закону о реституции. Во время экскурсии граф-сын непременно покажет туристам люстру в детской. Один плафон на ней чуть-чуть отличается: маленький Зденек лет девяносто назад вклеил по ней мячом, и гувернантка, боясь нагоняя, заменила хрусталь на похожее стекло. Так старинная люстра, пострадав, приобрела историю.

Но люстры из хрусталя и сегодня в моде! Особенно актуальны прозрачные. Оригинальная форма и изысканные детали из шлифованного вручную прозрачного хрустального стекла могут сделать люстру Rumba 1050.17 chrome от Lucia Tucci главным украшением и центром вашего дома.

Тайна Поднебесной

Более тысячи лет изготовление фарфора оставалось одной из самых опасных тайн Востока. Много людей пало смертью храбрых на ниве промышленной разведки, однако ловкому французскому монаху удалось

заполучить образец сырья. А русский промышленник Курсин, подкупив китайского мастера, разжился технологией. Однако удача состоялась лишь в том, что оба, провернув всё это, выжили. У французов в итоге не получился химический анализ образца. А русских надул китайский мастер. Поэтому фарфор европейцам пришлось изобретать самим. В Западной Европе эта честь принадлежит Иоганну Фридриху Бёттгеру, после усилий которого на китайской монополии можно было поставить крест. С начала XVII века фарфора в Европе изготовили достаточно. Зато стал важен его эстетический уровень и качество.

Самый известный у коллекционеров испанский бренд фарфора носит имя Lladró. Трое братьев Льядро – Хуан, Хосе и Висенте – начали обжигать фарфор в самодельной печи в начале 50-х, затем открыли фабрику, а теперь изделия Lladró прода-

ются в бутиках по всему миру. Особую прелесть этим вещичкам придаёт эксклюзивность. Тираж большинства из них колеблется от 50 до 5000 экземпляров, после чего форма разбивается, чтобы никто не смог её повторить. Все

изделия полностью изготавливаются вручную и расписываются натуральными красками. Фирменный стиль Lladró – тонкий декор, изысканные формы и нежные краски.

Царское ложе

Первое упоминание о деревянной раме с натянутыми верёв-

ками можно найти у Гомера. Именно на таком ложе спал хитроумный Одиссей. Но появились кровати раньше. Раму, затянутую плотной сеткой, греки позаимствовали у египтян. Удивительно, но у позолоченного ложа Тутанхамона барабаны под ножками могут менять высоту, и поэтому кровать не шатается. Ещё старше фараоновой – лежанки из поселений пиктов в Шотландии. Чтобы хорошо выспаться, пикты не ленились: с завидным упорством долбили в каменных плитах углубления, которые заполняли то шерстью, то сеном.

С тех пор кровати существенно эволюционировали в сторону комфорта. Последователей Тутанхамона уже не осталось: золотая койка выглядит как китч, к тому же жёсткая на ощупь. Куда роскошней изделия новой коллекции Natuzzi Italia – воистину полёт инженерной

мысли – с ортопедическими матрасами, механизмами, регулирующими наклон спинки, ёмкостями для хранения. Их дизайн лаконичен, современен и легко вписывается в любой интерьер, а концептуально бренд стремится мягко смешать противоположности – дня и ночи, светского и духовного, желания жить вместе и потребности в одиночестве. А чтобы упростить жизнь владельцам, дизайнеры Natuzzi создали для каждой модели подходящую мебель и эксклюзивное постельное бельё. И можно спать спокойно – всё продумано.

Все оттенки зелёного

На Урале издавна ходили легенды про неподкупную Хозяйку Медной горы. В своих чертогах она хранила несметные сокровища, но вот добраться до них удавалось лишь людям с чистым сердцем. Эти легенды об удачах и горестях старателей появились в 1830-х годах, когда на рудниках Демидовых открыли огромные залежи малахита. Поразившись красоте, камень принялись использовать в отделке дворцов. Николай I подарил своей супруге целую малахитовую гостиную – зал в Эрмитаже. Его колонны и пилястры были выполнены в технике русской мозаики: пластины камня наклеивали на основу, подбирая узор, а стыки заполняли малахитовым порошком, чтобы создать впечатление цельного камня. Сочетание малахита и позолоты исполь-

зовал в своей работе дизайнер коллекции CLUEV Home. Столики с круглыми малахитовыми столешницами и позолоченными ножками словно сошли со страниц альбома «В залах Эрмитажа».

Дух Британии

До VII века островок в месте слияния Темзы и Тайберна саксы

называли Thorn ait, Остров колючек. Местечко было не ах – заросли, болотца, змеи, – но приглянулось бенедиктинцам, и они построили там церковь. В день, когда её освящали, рыбак Эдрик тихо ловил рыбу. К нему подошёл старик с просьбой перевезти через Темзу. Эдрик не обрадовался – обед ещё поймай надо! Но незнакомец, зайдя по колено в воду, одним движением выловил огромную рыбку – она и стала платой за проезд. А потом признался, что имя его апостол Пётр и пришёл он, чтобы освятить церковь.

Церковь, а точнее – роскошный храм, стоит на том же месте. Называется Западная церковь – по-английски West Minster. Да, бывший островок стал Вестминстером – самым известным районом Лондона, а фото на фоне знаменитого аббатства – must-have любого туриста. Но сохранить память о Вестминстере можно ещё одним способом – Paul Emilien придумали ароматную составляющую приятных воспоминаний. Ароматические диффузоры Voyages Intemporels

(Westminster) берегли во флаконе атмосферу старой Англии – старое дерево, кожа, дорогой алкоголь.

Сладких снов!

Древние римляне к своему постельному белью относились с большим пиететом. Простыни из египетского хлопка служили оберегом от ночных кошмаров и злых духов. Болеть полагалось на шёлке, вышитом символами, помогающими исцелиться. А вот предаваться любовным утехам следовало на тонком льне. Фривольные рисунки на таких простынях изображали Венеру, Амура, кентавров и сатиров. Предполагалось, что, если человек не сдюжит, небожители непременно поделятся с ним своей сексуальной мощью.

Помогали ли простыни от проблем, судить поздно. Но вот способность качественного постельного белья навеять сладкие сны – факт достоверный. Гармоничные цвета и натуральные ткани умиротворяют. Для тех, кто ценит эстетику, дизайнеры Дома текстиля Togas создали коллекцию «Ар Деко»

в стиле двадцатых годов. Чёткая геометрия линий, сочетание палитры золота и благородного оттенка серого создают атмосферу уюта и безмятежности. Комплект постельного белья «Ар Деко» выполнен из чистого длиноволокнистого египетского хлопка. Он шелковист, нежен и поможет навеять «человеческую сон золотой». ☉

ЮЛИЯ АНТАШЕВА

Кто не работает, тот не ест ньюк-мам

Хо Ши Мин, первый президент Вьетнама, знал толк в хорошей кухне. Он любил и родную вьетнамскую, и, поколесив по миру, попробовал кухни разных стран, но потом предпочёл задвинуть свои вкусы в дальний угол, поставив на первое место служение революции и аскетический образ жизни

ИННА САДОВСКАЯ

Считается, что в провинции Нгеан Центрального Вьетнама рождаются сплошь гении и лидеры. Только сильные духом нгеанские парни могут выдерживать тайфуны, ветры-суховеи, неурожаи и непроходимые топи. Эту легенду испокон веков поддерживали и сами жители провинции. Хо Ши Мин родился в одной из деревень Нгеана, в доме самого учёного человека в округе. Тогда мальчика звали ещё Нгуен Шинь Кунг (а в школьные годы – Нгуен Тат Тхань, что значило Нгуен-Триумфатор). Он, как и большинство мальчишек провинции, бегал с двумя пучками волос на бритой голове, ездил на буйволах и слушал рассказы отца о несчастном вьетнамском народе, который унижали и поработали все кому не лень. Рос Тхань без излишеств, спал в гамаке и роскошь видел только в городе, куда его возил отец. Мандарины и порабитители-французы, «белые господа», швыряли на ветер состояния, в то время как односельчане пачками мёрли от голода и непосильного труда. Это заставляло Нгуена-Триумфатора крепко задумываться о несправедливо устроенном мире.

Мама Тханя умерла в родах, и папа сам возделывал сад с ароматными пальмами, банановыми, грейпфрутовыми и лимонными деревьями. Кормили детей просто и сытно: лапшой, рисом с овощами, рыбным соусом, яйцами, цыплятами, отварными рисовыми клёцками и пирогами с жареным рисом и рыбой. Пироги получались тонкими, со сладковатой рыбной начинкой. Рыбу Тхань ловил на деревенских прудах самодельной удочкой. Хороший стол накрывали только в хороший год. В случае неурожая все обходились чашкой риса в день и наедались только в дни празднования Нового года – Тэта. Хорошие годы бывали редко, чаще деревня перебивалась с риса на воду.

Отец Тханя, «господин доктор», помогал односельчанам чем мог: продал однажды участок земли и отдал деньги тем, кто еле сводил концы с концами.

Сын был весь в отца. В школе он прилежно переписывал иероглифы, а между делом читал о подвигах героев, не желавших покоряться завоевателям и порабитителям, постигал Руссо и мечтал о свободе. Говорят, что молодой бамбук легко гнётся. Тхань был не из таких. Короче говоря, образовывалась себе потихоньку мина замедленного действия. Это её потом будут искать по джунглям полицейские службы и славить люди труда. Оковы рабства вьетнамцев тяготили, а волшебной силы, которая направила бы, сплотила и освободила, пока не было. Вьетнам ждал освободителя. Мысли о том, чтобы страна поднялась с колен и сбросила гнёт мандаринов и французов, вольнолюбивый Тхань сначала доносил до учеников, работая в деревенской школе. А потом и сам отправился во Францию. Хотелось побывать на родине Руссо, на месте проникнуться идеями французской революции и, если повезёт, начать разваливать врага изнутри.

Европейский вояж

Нгуен-Триумфатор не имел денег ни на билет, ни на проживание в европейских столицах, зато имел горячее желание их заработать. Поэтому сразу устроился помощником кока на пассажирское судно. Худосочному подмастерью вместе с другими гарсонами надлежало вставать на рассвете, носить уголь по скользким трапам, растапливать печи, чистить овощи и рыбу на восемьсот человек и стараться, чтобы не смыло волной за борт. «Триумфатор» два раза обернулся вокруг света и заодно обучился французскому языку и премудростям французской кухни, подглядывая

за приготовлением паштетов, супов и десертов.

В Англии ему повезло поработать помощником повара в отеле «Карлтон». Кухней в отеле заведовал знаменитый Огюст Эскофье, «император поваров». Суровый, но справедливый шеф гонял поваров и поварят и требовал идеальной чистоты и дисциплины. Тхань работал как проклятый. Он пробовал непривычные соусы, которые Эскофье готовил собственноручно, учился у него руководить людьми и втихомолку скучал по густому вьетнамскому кофе и ныок-маму. Вьетнамцы говорят, что тем, кто

надолго покидает родину, ныок-мам даже снится по ночам.

Будущий президент Вьетнама, осваивая Европу, ни на минуту не забывал о поработённых соотечественниках. Оказалось, что трудовой европейский люд тоже не прочь скинуть ожиревшую буржуазию и давно уже точит на неё зубы. Тхань нашёл единомышленников, вступил в Социалистическую партию Франции, опубликовал в газетах обличительные статьи о бесчинствах французов на его родине, написал книгу и проник на все официальные мероприятия, чтобы от имени группы патриотов вручить «Тетрадь поже-

ланий вьетнамского народа». Охранка заприметила «товарища Нгуена» и дежурила у его квартирки в тупике Компуан до тех пор, пока нужда и постоянная слежка не выдавили того из Франции.

По приглашению Коминтерна он прибыл в Советскую Россию с горящими глазами и желанием увидеть Ленина. Ильич уже болел, и вьетнамца

все зубы, но не утратит желания принести Вьетнаму свободу. Он проживёт здесь четыре года, пойдёт учиться, подлечится в Крыму, узнает снежную русскую зиму и отведаст щей, пельменей и пирогов.

Голоду – бой!

Полицейские службы Индокитай ввели охоту на товарища Нгуена, и ему приходилось

думывал, кому вручить бразды правления. Премьер-министр, а потом и президент Северного Вьетнама, товарищ Нгуен, сменивший имя на Хо Ши Мин, что значит «умудрённый», едва заступив на пост, взялся за дело. Сначала следовало накормить страну. Два миллиона человек, умерших от голода, уже было не вернуть, оставалось спасать тех, кто призраками бродил по улицам. Хо Ши Мин предложил развернуть национальную кампанию по увеличению производства продуктов питания. Раз в десять дней ради экономии он отказывался вообще от пищи. То есть один день вообще голодал. И соотечественникам во благо, и организму отдых. Исполнительные вьетнамцы последовали примеру лидера, собрали рис в помощь голодающим и засадили каждый клочок земли овощами, бататом, маниокой, рисом, соей и маисом. Через несколько месяцев был собран большой урожай. Голод отступил. Появилась надежда, что у Вьетнама есть будущее. Можно было воскурить сандаловые палочки, повесить бумажные фонари и достойно отметить первый Тэт в свободном Вьетнаме, любимый праздник Хо Ши Мина.

Президент, свой парень, который жил в скромном деревянном домике рядом с дворцом, ходил по рабочим семьям, желал счастья и рассказывал, как расцветёт страна. Его угощали пампушками, солёными соевыми ростками, вареными в меду зелёными бобами, цукатами из семян лотоса и тыквы с имбирём и арахисом и рисовыми пирогами бань-тинг с начинкой из толчёной фасоли, сала, мяса и лука. Потом будет много чего – и трудное строительство новой жизни, и американские бомбёжки, но первый Тэт на свободной родине Хо Ши Мин не забудет. Его народ был свободен, накормлен и уверенно смотрел в будущее. ☉

РЕЦЕПТ

Для того чтобы приготовить рыбный соус – ньок-мам, заготавливают рыбную мелочь вроде кильки или тюльки. Далее в деревянную бочку стелют чистую циновку и помещают отборные кораллы. Конечно, кораллы могут быть взяты абы какие, да и циновка тоже может не блистать первозданной чистотой. Это не беда, но любое изменение в рецепте отразится на качестве конечного продукта. Так уверяют вьетнамцы. Кильку щедро пересыпают морской солью, так, чтобы каждый слой рыбы был погребён под слоем соли, и придавливают камнем, уложенным на бамбуковую решётку. Если нет решётки – опять же не беда, но чревато. Бочку с килькой ставят в тёплое тёмное место и забывают о ней. Надолго. От трёх месяцев до трёх лет. Чем дольше о кильке не вспоминать, тем качественнее будет ньок-мам. Если хватит терпения, то спустя годы взору откроется тёмная жижа с весьма специфическим запахом. Проще говоря, воню. Но, опять же по уверениям вьетнамцев, воню манящей и накрепко врезающейся в память. Жижу рекомендуют слить непременно тонкой струйкой, а густую массу, образовавшуюся из остатков растворившейся в собственном соку кильки, опять залить рассолом и во второй раз забыть о бочке. Тревожить килькины останки можно трижды, смешивая первый отжим с последующими. В результате должна получиться красно-коричневая жижа. Чем она прозрачней, тем больше почёта её изготовителю. На мутную жижу вьетнамцы фукают. Если всё удалось, то такой соус, сплошной белок и витамины, едят со всем подряд, а заодно лечат им многие болезни – от простуды до расстройств пищеварения.

к нему не пустили, зато тому удалось побродить по Кремлю, попробовать в столовой русских блинов и побывать на первой Всероссийской сельскохозяйственной выставке.

В Советский Союз товарищ Нгуен потом приедет опять, уже после того, как посидит в тюрьмах, обходясь чашкой варёной чумизы и кружкой мутной воды на обед, когда потеряет почти

руководить революционным движением из глухого уголка джунглей. Там лидер жил в бамбуковой хижине на берегу ручья имени Ленина, названного в честь кумира. Немного риса, чистая вода и пламенное желание сделать свою родину свободной – вот то, что необходимо истинному сыну Вьетнама.

Как только революция победила, народ недолго раз-

fashiontv

МОСКВА,
ПОДКОПАЕВСКИЙ ПЕР. Д. 5
ТЕЛ: +7(495) 721 - 11 - 42
MAIL: INFO@FTVCHANNEL.RU
WEB: FTVCHANNEL.RU

FASHION
ART &
CINEMA*
МОДА
ИСКУССТВО
И
КИНО
С
Марией
ЛИМАН

I SEE IT FIRST ON FTV*

16 +
РЕКЛАМА

*я вижу это впервые на FTV

Кукловод

Подковёрные игры для Тельцов – самое то. Найти выход из тупиковой ситуации, дипломатично развести в разные стороны враждующих или зажечь пожар междоусобицы – здесь Тельцам равных нет. Одним из таких талантливых закулисных был итальянец Никколо ди Бернардо Макиавелли

ИННА САДОВСКАЯ

Родился 3 мая 1469 года во Флоренции. В 29 лет был принят на госслужбу. В 1506 году организовал флорентийскую милицию и стоял за создание первой во Флоренции гражданской армии, считая наёмников предателями. Выполнял деликатные поручения главы республики. В 1513 году был заключён в тюрьму по обвинению в заговоре против власти. После освобождения сослан в родовое поместье под Римом, где и написал трактат «Государь». В 1520 году был опять приближен сильными мира сего и получил должность государственного историографа. Умер от болезни живота 22 июня 1527 года.

Карьера

Таланты Тельцов обычно расцветают на благодатной почве. Никколо был потомком древнего тосканского рода, у которого, кроме длинных корней генеалогического дерева, не имелось никаких других сокровищ. Отец Никколо служил в городском управлении на скромной должности, звёзд с неба не хватал и деньги лопатой не грёб. Сыновья ходили в поношенной одежде и с мажорной флорентийской молодёжью дел не имели. Никколо стеснялся своих драных ботинок и за неимением других развлечений налегал на

латынь и арифметику. Гуманитарное образование ему дать не могли – его получали дети пусть не таких древних фамилий, зато с тугими кошельками. Мальчик флорентийскую знать недолюбливал, старался превзойти её умом и прилежанием, поэтому много читал, особенно римского историка Тита Ливия. Его «Историю от основания города» Никколо знал отлично. Эти знания пригодились ему и в университете, когда он изучал юриспруденцию, попутно охмуря сговорчивых прелестниц стихами и игрой на лютне.

Никколо рано понял, что для мужчины дело должно быть на первом месте, поэтому прелестницы, как ни старались, не могли надолго затянуть его в омуты страстей. Ту же линию он проводил уже будучи на одной из важных дворцовых должностей – секретарь канцелярии Комиссии десяти. Комиссия ведала военными и иностранными делами: устраивала дипломатические переговоры, составляла проекты законов и военные приказы. Пусть у тридцатилетнего Макиавелли не было титулов, зато он был готов рвать на груди рубаху за процветание родной Флоренции и на службу пришёл без пятен на репутации. К тому же оказался в нужное время в нужном месте. Исключительно по результатам выборов и небольшой, но весьма своевременной протекции одного отцовского приятеля. В то время, когда Флоренцию штормило после зажигательных речей монаха-реформатора Джироламо Савонаролы, а всю Италию раздирали внутренние распри и обескровливали иностранные вторжения, в верхах страсть как были нужны новые люди.

Мало кто может сравниться с Тельцами в усердии. Сворачивание гор для них пара пустяков. Макиавелли стал советником гонфалоньера (правителя) Флоренции, одним из ключевых игроков флорентийской поли-

тики и постоянно был в курсе всех манёвров и переговоров. Он знал, у кого из сильных мира сего подагра, у кого проблемы с потенцией, кого из фаворитов вот-вот выкинут из дворца, кто развлекается с хорошенькими мальчишками, кто до зубов вооружает свою армию, а кто набрал столько долгов, что его скоро можно будет купить со всеми потрохами. Одних только документов, важных и не очень, Макиавелли, работавший за троих, написал более четырёх тысяч, сортируя, анализируя и составляя краткие резюме и длинные речи для флорентийских политиков.

Макиавелли получал инструкции и управлялся с поручениями к синборам, с которыми следовало держать ухо востро. А уж в том, чтобы налить елей, наобещать с три короба и выторговать нужное, закрутив визави в витиеватости слога, Макиавелли не было равных. «Люди так простодушны и так поглощены ближайшими нуждами, что обманывающий всегда найдёт того, кто даст себя одурачить», – посмеивался он. Дёргать за верёвочки этот куколовод любил больше всего на свете.

И хотя за свою работу он получал жалкие гроши и судьбоносных решений не принимал, владение важнейшей политической информацией для него было делом первостепенным. Макиавелли был вхож во все королевские дворы. Его отправляли собирать информацию во Францию ко двору Людовика XII, он был приставлен присматривать за хитросплетениями двора Чезаре Борджиа, наблюдать за выборами папы в Риме и обсуждать размеры флорентийской дани с приближёнными императора Максимилиана I. В общем, Фигаро здесь, Фигаро там.

Правители и их подмастерья проходили перед Макиавелли непрерывной вереницей. Хорошее знание дворцового за-

РЕКОМЕНДАЦИИ

◎ ТЕЛЕЦ

Головокружительная весна, целиком настроившись на вашу волну, даст возможность сделать крупные покупки. Однако должным образом оформляйте яхты, виллы и швейную машинку. В документах иногда кроется дьявол.

◎ БЛИЗНЕЦЫ

На особый контроль берите отношения с домочадцами. Их революционный настрой может отбить ваше желание отвести душу в их компании. Отвлеките революционеров лаской.

◎ РАК

В наступивший месяц авантюры и рискованные приключения никак не впишутся, хоть и будут пытаться протиснуться. Распахивать или нет им объятия, решать вам.

◎ ЛЕВ

В самое ближайшее время в вашей душе давно дремлющий вулкан заклоочет страстями и чувствами. Опасайтесь забрызгать близких лавой и засыпать пеплом. Подумайте несколько раз, прежде чем дать вулкану заработать в полную силу.

◎ ДЕВА

Заброшенные служебные обязанности продолжают тихонько поскуливать и напоминать о себе шефу, если вы не возьмёте их в оборот и не приведёте в порядок. Отпуская их в свободное плавание, вы рискуете вообще распрощаться с работой.

○ ВЕСЫ

В этом месяце важно не торопиться. Всем решениям лучше дать отлежаться. Любое впопыхах принятое решение может принести целую обойму проблем, которую не скоро удастся расстрелять.

○ СКОРПИОН

Успех затеянных дел зависит от того, согласны ли вы на компромисс или продолжите упираться рогом в землю. Всё-таки звёзды рекомендуют бороться и искать, найти и не сдаваться.

○ СТРЕЛЕЦ

Пришла пора отставить настоячивые просьбы о внеочередном отпуске и вплотную заняться своими служебными обязанностями. Проявите усердие и смекалку, и тогда вам зачтётся.

○ КОЗЕРОГ

Хоть месяц и даёт право на ошибку, а звёзды бегают за вами с охапкой соломы, намереваясь подстелить её в нужный момент, не испытывайте их терпение. И тогда окажется, что многие проблемы разрешатся сами собой.

○ ВОДОЛЕЙ

Избежать финансовых потерь можно только в тех случаях, когда на первый план выходят проверенные партнёры, а не случайные личности с алчным блеском в глазах. Держитесь подальше от всех сомнительных сделок.

○ РЫБЫ

Парочка приятных сюрпризов уже готова обрушиться с неба на самых решительных представителей знака. Вам останется только сделать правильный выбор и не пойти по кривой дорожке.

○ ОВЕН

Вам лучше не сидеть сиднем, а визуализировать мечту. Поместив в пределах видимости картинку с изображением моря или грядок с помидорами, дожидайтесь, когда шеф спровадит вас в отпуск.

кулисья дало ему возможность засесть за «Государя», своеобразный учебник для самодержцев, в котором автор пел оду сильной власти и утверждал, что для её укрепления все средства хороши. К тому же известно, что победителей не судят. «Государь не должен и не может держать слово, если это может обратиться к его невыгоде. Он должен обладать великим искусством лжи и лицемерия. Быть всегда честным – крайне невыгодно; с другой стороны, полезно казаться благочестивым, правдивым, гуманным и искренним», – написал Макиавелли и навсегда приобрёл репутацию политического беспредельщика. «Государь» долго пролежал под сукном и был напечатан уже после смерти автора. На этом злоключения трактата не закончились. На него ополчилась церковь, сделав всё возможное, чтобы запихать его в «Индекс запрещённых книг».

В родовом поместье, откуда так хотелось вернуться к документам государственной важности, Макиавелли просидел до тех пор, пока о нём не вспомнили и не дали задания написать проект конституции. Её по своему обыкновению он составил чрезвычайно хитро. Исследователи потом долго восхищались, что она, «оставаясь абсолютно монархической при жизни возлюбленных государей, могла превратиться после их смерти (естественной смерти, само собой разумеется) в конституцию вполне республиканскую».

А потом ему предложили взяться за монументальный труд по истории Флоренции. Макиавелли мог продолжать дёргать за ниточки королей, пап и прочих синьоров. Но только уже на бумаге.

Характер

Тельцы – один из самых нестигаемых знаков зодиака. Это про них придумана поговорка «мягко стелет, да жёстко спат».

Да и с чего бы требовать от Никколо Макиавелли сантиментов, если он родился в то время, когда человеческая жизнь не стоила ломаного гроша, а политизированные флорентийские дети вытаскивали из могил трупы заговорщиков, таская их по улицам за верёвки от виселиц? Сам Макиавелли однажды скажет, что «дольше обучался в школе лишений, чем в школе удовольствий».

Наверное, поэтому он восхищался хитрым, умным и жестоким Цезаре Борджиа. Этот парень, не страдая муками совести, направо и налево раздавал приказы пырнуть кинжалом или угостить ядом. Сам Макиавелли кинжалу и ядам предпочитал красноречие и уловки. Живой и общительный, он мог уболтать любого. Например, воинственного папу Юлия II он убедил, что Флоренция хоть и не может поддержать того войсками, но по-прежнему продолжает его любить и восхищаться.

Он всё умел обратить на пользу Флоренции, этот пройдоха. Даже провальные дела, за которые других выкинули бы с государственной службы. Однажды Макиавелли получил задание договориться о союзничестве с Катариной Сфорца, «тигрицей Форли». Графиня, та ещё душка, славилась жёсткостью и несговорчивым нравом, торговала оружием, мудрила в лаборатории с ядами, носила за поясом топорик, который выхватывала без колебаний, умела мстить недругам и идти ва-банк. Как-то раз она прилюдно задрала юбки и продемонстрировала свои женские прелести, уверяя, что если её детей возьмут в заложники, то она запросто нарожает других. Худого и не-презентабельного Макиавелли графиня всерьёз рассматривать не стала, хотя некоторую склонность к посланникам питала и даже в своё время вышла за одного из них замуж. Макиавелли схватился с достойным противником. Графиня про-

сила обязательств по защите её владений, хотела раскрутить потенциальных союзников на солидную сумму и долго морочила голову молодому посланнику. А он тянул kota за хвост, выгадывая время и сбивая цену. Хоть Макиавелли и вернулся тогда несолоно хлебавши, но в итоге умудрился получить благодарность от вышестоящих за ясность и чёткость докладов, а также за сохранение «тигрицы» в друзьях Флоренции.

Если на службе Макиавелли был загнан в рамки, то за стенами флорентийской Канцелярии это был большой затейник, вспыльчивый непоседа и жизнелюб. Как говорили друзья, человек, «увлекающийся средствами крайними и чрезвычайными». Рассказывали, что однажды некий именитый гражданин пригласил уже отстранённого от всех должностей Макиавелли уладить тайное деликатное дельце. В дельце фигурировали кардинал, архиепископ, консулы и прочие весомые имена. Хитрый Макиавелли, ни слова не сказав заказчику, что все ниточки от кукол у него уже изъяли, отлично провёл время, кутил в обществе дам, «обжирался, как шесть псов и трое волков», вёл с хозяином долгие, интересные беседы, а потом отбыл восвояси, так и не выполнив миссию.

Стойкость характера Макиавелли проявилась в то время, когда его обвинили в заговоре против пришедших к власти ловких Медичи. Затевалась правительственная чистка, и всех приближённых экс-гонфалоньера Содерини ждали репрессии. Дело с разговором было тёмное. Вроде бы имя секретаря Канцелярии упоминалось в записке, найденной в кармане одного из заговорщиков. Никто из дознавателей не собирался разбираться в нюансах, проще было вздёрнуть на дыбу. На дыбе Макиавелли побывал шесть раз и чудом избежал казни. Полуживого секретаря су-

нули в застенки и забыли о нём надолго. Друзья внесли залог и спрятались в окопе, предпочитая не связываться с опальным Никколо. Макиавелли не растерялся и написал пару сонетов, надеясь, что брат нового правителя Флоренции, любитель литературы, окажет снисхождение томящемуся в темнице поэту. Пресмыкаться Макиавелли не собирался, но почему бы временно не прикинуться дурачком? «Прикидываться дурачком можно весьма успешно, если хвалить, говорить, смотреть и во всём и всегда действовать вопреки своим собственным склонностям, но сообразно склонностям государя», – напишет он потом в своих «Рассуждениях по поводу первой декады Тита Ливия». По Макиавелли, следовало войти в милость к государю, ибо только она может обеспечить безопасность. Однако не надо спать на ходу, надо быть готовым, когда придёт пора, через этого государя перешагнуть. «Уже давно я не говорю то, что действительно думаю, и не думаю так, как говорю, и, если у меня вырываются иногда обрывки истины, я прячу их под таким слоем лжи, что их трудно бывает отыскать», – рассказывал Макиавелли друзьям.

Личное

Тельцы любят образовывать союзы. При всей симпатии Макиавелли к дамам, доступным и не очень, в тридцать два года он женился на Мариетте ди Луджи Корсини, девушке из обедневшей, но достойной семьи, и нажил с ней пятерых детей. Мариетта считала мужа красавцем, была преданна, поначалу терпимо относилась к его срочным ночным вызовам, гордо перешагивала через слухи о его многочисленных романах и отправляла в тюрьму посылки с рубашками, носками и носовыми платками. Хотя однажды она вскипела, что больше не хочет прозябать подле при-

зрачного мужа, который женат на всех женщинах Флоренции. Кипеть было с чего. Муж, даже находясь не у дел, постоянно срывался с места и отправлялся к девкам, чтобы вновь набраться сил. Девки пусть невнимательно, но терпеливо выслушивали его теории и не артачились на ложе. Макиавелли, руководствуясь правилом «лучше жалеть о том, что сделано, чем о том, что не сделано», гонялся за любовью, как волк за зайцем, и уверял, что удовольствие, которое он получит сегодня, может пройти мимо него завтра. Известно, что после тринадцати лет брака он внезапно влюбился. Любовь его проживала в соседнем поместье, он писал о ней как о нежном и благородном создании и порхал мотыльком, забыв о политических играх и собственных книгах. Его мечта, «убежище и тихая гавань», страдала от грубости собственного мужа, лила слёзы и мило склоняла голову на макиавеллиевское плечо. До тех пор, пока мотылёк не наслаждался полётом души и тела и не упорхнул во Флоренцию, к игорным домам и развесёлым гетерам. Слухи о его развлечениях доходили и до провинции. Мариетта, возясь с детьми, скрипела зубами и проклинала ветреного мужа. Героиня очередных сплетен, актриса Барбера Салютати, играла в комедии Макиавелли. Он и там не изменил себе, описав престарелого и несчастного любовника. Никколо Макиавелли никому не давал возможности посмеяться над собой, успевая сделать это первым.

Пьесы его имели успех, женщины теряли головы, а он опять пытался выйти на авансцену международной политики. Когда Макиавелли прокатили на выборах, он совсем отчаялся, заболел и умер. «Судьба – судья половины наших действий, но она также предоставляет нам управлять другой их половиной». ☉

Архивности

«Купечество теперь гуляет и в «Яре» с неприличным для культурных людей размахом. Шампанское на всех столах. Дамы же в туалетах, в коих Малый театр показывает свах в пьесах Островского».

«Русь», 1908

«Нынче дешёвая битая птица выглядит как кокотки прошлого века. Для придания свежести общипанной и залежалой дичи торговцы мажут кожу пудрой и картофельной мукой».

«Жизнь», 1900

«Скоро стены Самарской городской управы смогут соперничать с любой пивной лавкой. Сюда сотнями присылают плакаты с рекламой «спотыкача», «ерофеича», «заберихи», «толкачихи» и т.д. с наклеенными на них для приманки отрывными календарями. И что же? Соблазнившись экономией на календарях, члены управы вешают их над своими столами!»

«Самарский листок», 1913

«После пятого номера в велогонке был объявлен антракт. В это время публику развлекали г-да спортсмены игрой в кожаный мяч. Площадь для игры была покрыта сплошь грязью. Г-да спортсмены в белых костюмах, бега по грязи, то и дело шлёпались со всего размаха и вскоре превратились в трубочистов. В публике стоял несмолкаемый смех».

«Московские ведомости», 1909

«В калужском суде слушалось дело по обвинению дантиста Космынина в просверлении гимназистке Пригожиной девяти здоровых зубов с целью наживы в виде большого гонорара за их пломбирование. Космынин приговорён в тюрьму на четыре месяца».

«Русское слово», 1907

«Ах, как хочется жизни праздничной, словно фейерверк, пьянящей, словно шампанское! Вот почему я ишу мужа состоятельного и не неврастеника. Предложения только серьёзные адресовать: Москва, 17-е почтовое отделение, предъявителю билета № 4678».

«Брачная газета», 1910

«Авиатор Вилли Бронкс обвенчался на высоте 3000 футов. А через месяц жена подала на развод, потому что «на земле супруг оказался вовсе не таким героем, как в воздухе».

«Слово», 1912

«Вчерашний благотворительный бал столичного автомобильного общества был декорирован настоящими автомобилями. Украшенные цветами стальные кони на время превратились в красочные киоски с фруктами и шампанским. Публика всю веселилась и без усталости жала на клаксоны».

«Руль», 1902

«С 18 мая изменяется курс переложения иностранных денег на русские. Устанавливается курс: 100 франков = 40 рублям; 100 марок = 50 рублям; 10 фунтов стерлингов = 101 рублю».

«Русский инвалид», 1916

МОСКВА | САНКТ-ПЕТЕРБУРГ | ВОЛГОГРАД | ЕКАТЕРИНБУРГ | КАЗАНЬ | ИРКУТСК
ПЕРМЬ | УФА | ТИМЖИГ НОВГОРОД | РОСТОВ-НА-ДОНУ | ЮМЕНЬ | ЧЕЛЯБИНСК | ОМСК

**ПОКУПАЙТЕ ОНЛАЙН, ДИСТАНЦИОННЫЕ ПРОДАЖИ: ООО «ПРИВАТ ТРЭЙД», МОСКВА, УЛ. САМОЧАТНАЯ, 1/21, ОГРН 1087746760397
РЕКЛАМА, ЗАО «ЮРКА «АНТА» – СЕТЬ ФИРМЕННЫХ МАГАЗИНОВ CARLO PAZOLINI, «ШИКАРНАЯ ОБУВЬ И АКСЕССУАРЫ»

CARLO PAZOLINI

FINE SHOES & ACCESSORIES*

CARLO PAZOLINI В РОССИИ
- 8 (800) 700 2024 -

SHOP ONLINE**
— www.carlopaolini.com —

*Браслеты: белое золото,
бриллианты, сапфиры, рубины*

СМОЛЕНСКИЕ БРИЛЛИАНТЫ

ювелирная группа

smolenskdiamonds.ru